

УТЕМИШ-ХАДЖИ ИБН МАУЛАНА МУХАММАД ДОСТИ

ЧИНГИЗ-НАМЕ

ОТ ОТВЕТСТВЕННОГО РЕДАКТОРА

“Чингиз-наме” относится к числу тех сочинений по истории Золотой Орды и Казахстана, которые все еще остаются вне поля зрения исследователей. Объясняется это, по-видимому, нераспространенностью списков этого произведения. На сегодня, как известно, в стране выявлен только один его список¹. Переплетен он в один том вместе с семью другими сочинениями, в основном богословского содержания, и, по всей вероятности, относится к XVIII — началу XIX в. К сожалению, он не отличается полнотой и прерывается на рассказе о Тохтамыш-хане (782/1380—797/1395). Написан этот текст по поручению Шайбанида Иш-султана (убит в 965/1558 г.) в первой половине XVI в.²

Автор — Утемиш-хаджи, сын маулана Мухаммада Досты; выходец из влиятельной семьи, бывшей в услужении у Ильбарс-хана (918/1512—931/1525). Предки же его были подданными Иадгар-хана, Шайбанида, улус которого в 80-х гг. XV в. располагался в низовьях Сырдарьи. Сам же Утемиш-хаджи служил вначале у вышеупомянутого Ильбарса, по-видимому, в должности дворцового писаря.

Первыми сведениями о “Чингиз-наме” и его авторе мы обязаны Е. Ф. Калю, В. В. Бартольд, и А.-З. Валидову, которые отметили его научную значимость³.

Большой вклад в изучение “Чингиз-наме” внес видный казахстанский востоковед, ныне покойный В. П. Юдин. Это произведение было использовано им как один из основных источников при написании ряда работ, посвященных истории Казахстана XIV в.⁴ Три из них — “Переход власти к племенным биям и неизвестной династии Тукатимуридов в Казахских степях в XIV в.”, “Неизвестная версия гибели Урус-хана” и “О строительстве мавзолея Кыйата Джир-Кутлу на Сырдарье в

XIV в. в связи с историей Дашт-и Кыпчака” публикуются впервые. И, наконец, В. П. Юдин подготовил памятник к печати на русском языке, снабдив его содержательными текстологическими примечаниями и транскрипцией оригинального текста.

Сведения “Чингиз-наме” представляют важное значение для решения проблем политической, этнополитической, хозяйственной, социально-культурной жизни населения средневекового Казахстана, проблем историографии и источниковедения. Сочинение Утемиша-хаджи охватывает время правления Чингизхана и Чингизидов—XIII—XIV вв. и содержит сведения о ханах Золотой Орды, начиная с Бату-хана и кончая приходом к власти Тохтамыш-хана. Оригинальность его представляет несомненный научный интерес для исследователей Золотой Орды и, в частности, для изучения Казахстана XIV в. — наименее исследованного периода.

Заслугой В. П. Юдина является то, что он первый выделил этот первоисточник в ряду других письменных сочинений, основанных на устной традиции, “степной устной историографии”, по его определению. К ним он относит, кроме труда Утемиша-хаджи (XVI в.), и другие сочинения XVI—XVII вв.: “Таварих-и гузида”, “Джами ат-таварих” Джалаира, сочинения Абу-л-Гази. Они дополняют материалы письменной историографии и, кроме того, написаны в соседних регионах — Хиве, Мавераннахре, Касимове, доносят до наших времен конкретные реалии жизни насельников Казахстана более ранних веков, в частности быт, идеологию, хозяйство, военное дело, язык кочевников Восточного Дашт-и Кыпчака XIV в.

“Чингиз-наме” написано в основном на материале преданий и устной информации. “В исторических сочинениях, — писал В. В. Бартольд, — он (автор “Чингиз-наме”. — Б. А.) находил только имена некоторых ханов, без всяких подробностей об их царствовании; большая часть ханов не была даже названа по имени. Поэтому он (Утемиш-хаджи. — Б. А.) стал собирать из уст знающих людей предания о прошлых временах... Скоро он прославился как знаток преданий...”⁵. Собранный буквально по крупицам материал подвергался анализу. И только после этого он ложился в основу повествования. “Поскольку у меня было желание надлежащим образом знать об

их (ханов Золотой Орды. — Б. А.) обстоятельствах, — писал по этому поводу Утемиш-хаджи, — по этой причине отправлялся к тем, о ком говорили, что такой-то старый человек хорошо знает предания, и расспрашивал [его] и устанавливал истину, и, взвесив на весах разума, приемлемое сохранял в памяти, а неприемлемое отвергал”⁶. Судя по его словам, у автора “Чингиз-наме” среди прочих информаторов были путешественники, вельможные люди, ханы (из числа последних он упоминает Ильбарс-хана)⁷, астраханцы [7] Хаджи Нияз и Баба Али-бий из племени хитай, находившиеся на службе у Султан Гази-султана⁸, и др.

Автор много путешествовал по Хорезму и южным областям Золотой Орды, по окрестностям Каспийского моря и Нижнему Поволжью. И многие события в его книге описаны очевидцем. Так, рассказывая о сражении Берке-хана (655/1257—665/1266) с вторгшимся на территорию Золотой Орды войском Ильхана Хулагу-хана (654/1256—663/1265), Утемиш-хаджи пишет: “На том пути из Кулзумского (Каспийского.— Б. А.) моря многочисленными рукавами выходят заливы. Путь проходите пересекая головы этих рукавов. Там есть высокие песчаные бугры. Я, бедняк, видел те места. [Их] называют Кыр-мачак...”⁹.

Излагая некоторые события, автор ссылается на хронику и дафтары Дост-султана¹⁰, старшего брата Иш-султана, правившего Хорезмом всего лишь один год (964/1557—965/1558). Приведем здесь эти места:

“Некоторые говорят, что в этом войске был [сам] Хулагу-хан (имеется в виду вышеупомянутое сражение Берке-хана с войском Хулагу-хана. — Б. А.). Когда войско это было разгромлено, он (Хулагу-хан. — Б. А.) был убит. Никто [однако] не знал о его гибели. Но в хрониках его величества Дост-султана говорится: “С тоски по этому войску, что было разгромлено в походе, он заболел и через два месяца умер””¹¹. Ниже, в рассказе о Туглы-Тимуре¹² сообщалось следующее: “В дафтаре, который находится у гордости султанов его величества Дост-султана, говорится, что Туглы-Тимур этот стал великим государем, правил Самаркандом и Бухарой”¹³.

В сочинении Утемиша-хаджи содержится немало сведений, представляющих интерес для исторической науки. К ним можно отнести данные о Шайбаниде и его потомках, пришедших к власти в Золотой Орде после Бердибека (758/1357—762/1361). “Тай-Дули-бегим, мать Джани-бек-хана,— пишет Утемиш-хаджи,— призвала Хизр-хана, сына Мангутая, [и] сделала [его] ханом в вилайете Сарай”¹⁴. Здесь возникает вопрос: кто такой Хизр-хан? По словам автора “Чингиз-наме”, он — “сын Мангутая из потомства Шайбан-хана, [которого] звали Хизр-оглан. Юрт Мангутая, определенный ему Саин-ханом, находился в [местности] Ак-куль”¹⁵. Мангутай же, по Рашид ад-Дину, — это царевич, потомок Шайбана. Рашид ад-Дин упоминает о нем так: “Третий сын Шейбана — Кадак. У него был [один] сын: имя его — Тула-Бука. Этот Тула-Бука [8] имел двух сыновей: старшего Мангутая и младшего Туман-Тимура...” У нас не было возможности определить, был ли Хизр-хан (Хизр-оглан сыном этого Мангутая. Тем не менее царевич под именем Хизр-оглан в истории Золотой Орды фигурирует. Он действительно был Шайбанидом и сыном Ибрахима, братом Арабшаха¹⁷. Что же касается активизации Шайбанидов в политической жизни Золотой Орды в 60—70-х г XIV в., то об этом мы имеем достаточно данных¹⁸. Поэтому приведенные в “Чингиз-наме” сведения о возвышении Шайбанидов после Бердибека заслуживают серьезного внимания.

Шайбан, как известно, принимал деятельное участие в походе Бату на Русь, Крым, Европу в 1234—1238, 1238—1240 гг. Об этом писал, правда в самых общих чертах, Рашид ад Дин¹⁹. Утемиш-хаджи же рассказал об этих событиях значительно шире и подробнее. Так, Рашид ад Дин, повествуя о походе Шайбана (вместе с Букчеком и Бури) в 1238 на Крым, говорил о взятии им Таткара²⁰, очевидно, являвшемся в военном отношении достаточно укрепленным пунктом. Рассказ же Утемиш-хаджи об этом сводится к следующему: в Крыму Шайбан осадил мощную и неприступную крепость Кырк-ер, но смог ее взять лишь после долгих и кровопролитных осадных боев. Автор освещает это событие в всех его подробностях. Особенно интересен рассказ историка о военном приеме, к которому прибежал Шайбан-хан: “Наконец он повелел: „С вечера до зари бейте друг о друга любые предметы, которые издадут звон!””²¹ Около десяти дней воины оглушали таким образом осажденных. В это самое время монголы с четырех сторон заложили подкоп и незаметно продвигали его вперед. Утемиш-хаджи продолжает: “Осажденные из-за гвалта и грохота не расслышали стука кирок [и] не сумели обнаружить [подкоп]”. Важно еще следующее свидетельство Утемиша-хаджи: “[И сейчас] еще сохранились следы того подкопа”²². Согласно Рашид ад Дину, как мы уже говорили, наиболее значительным пунктом, взятым Шайбаном в Крыму, был Таткар. С учетом этого можно предположить что здесь, по-видимому, Утемиш-хаджи говорит еще об одной крепости Крыма, подвергшейся осаде монголами и взятой Шайбаном в 1238 г М. Х. Абусеитова

правильно установила идентификацию этой местности в своих комментариях к «Чингиз-наме» — это Чуфут-кала, расположенный недалеко от нынешнего Бахчисарая, разрушенный темником Ногаем в 1299 г.

Шайбан отличился и во время похода Батые на Келар, Башгирд Булар. Первую область Утемиш-хаджи именует Корал. Им названа еще одна область — Улак²³. Первый топоним не вызывает сомнений: область Келар (сюда относили земли поляков и венгров) называлась и Коларом. [9]

Что же касается топонима Улак, то, очевидно, под этим следует подразумевать Улакут, взятый монголами в 637/1238 г.²⁴ Ценно также следующее указание Утемиша-хаджи: «Затем [Шайбан-хан] пошел походом на вилайет Корал. Корал—очень большой вилайет. Много было за него сражений. Наконец, он покорил Корал и сделал его столицей. Там он скончался»²⁵.

Для специалиста ценны и данные «Чингиз-наме» о смутных временах, наступивших при правлении Бердибека. «В его время,— пишет Утемиш-хаджи, — было много смут. Мамай [из племени] кийат забрал правое крыло и ушел с племенами в Крым, [а] левое крыло увел на берег реки Сыр[дарьи] Тенгиз-Буга, сын Кийата Джир-Кутлы. Хан [Бердибек] со своими близкими слугами (ички) находился в Сарае. Три года он был государем в городе Сарай, затем скончался»²⁶.

Обращают на себя внимание и сведения Утемиша-хаджи (здесь он следует за Минхадж ад-Дином Джуджани) о времени распространения ислама на территории Золотой Орды. До настоящего времени считалось, что население Дашт-и Кыпчака было обращено в ислам в первой половине XIV века, во времена Узбек-хана (712/1312—741/1340). По словам же автора «Чингиз-наме», этот исторический факт имел место намного раньше— во времена правления Берке-хана. «Когда вилайет Дашта подчинился Берке-хану, — пишет он, — то большую часть неверных он обратил в ислам... После него [же] обратилось оно опять в [племя] отступников и стало неверным»²⁷.

Укажем еще на один момент, на который Утемиш-хаджи может пролить свет. Как известно, взаимоотношения Джучи с его отцом в последние годы его жизни и обстоятельства смерти первого, в источниках преподносятся по-разному. По «Табакат-и Насири», «когда... [он] (Джучи. — Б. А.) увидел воздух и воду Кыпчакской земли, то он нашел, что во всем мире не может быть земли приятнее этой, воздуха лучше этого, воды слаще этой, лугов и пастбищ обширнее этих, в ум его стало проникать желание восстать против своего отца; он сказал своим приближенным: „Чингиз-хан сошел с ума, что губит столько народа и разрушает столько царств. Мне кажется наиболее целесообразным умертвить отца на охоте, сблизиться с султаном Мухаммадом, привести государство в цветущее состояние и оказать помощь мусульманам“; далее историк рассказал о том, что Чагатай отцу донес о намерении Джучи²⁸. Чингиз-хан послал против сына группу людей²⁹. О противостоянии отца и сына говорил Рашид ад-Дин: «[После покорения Хорезма] Джучи-хан направился в сторону Ирдыша, где находились его обозы, и присоединился к своим ордам. [Еще] раньше Чингиз-хан приказал, чтобы Джучи выступил в поход и покорил северные страны, как то: Келар, Башгирд, Урус, Черкес, Дашт-и Кипчак и другие области тех краев. Когда же он [10] уклонился от участия в этом деле и отправился к своим жилищам, то Чингиз-хан, крайне рассердившись, сказал: «Я его казню, не видать ему милости»³⁰. Чингизхан послал против непокорного сына войска во главе с Чагатаем и Угедеем, но «в это [самое] время прибыло известие о печальном событии с Джучи» (т. е. о³¹ смерти). Рассказ Махмуда ибн Вали в целом аналогичен вышеприведенному³². Абу-л-Гази отмечает только тот факт, что Джучи-хан умер за шесть месяцев до кончины Чингиз-хана³³.

Автор же «Чингиз-наме» сообщает об этом моменте следующее:

«Джучи-хан был старшим среди сыновей его (Чингизхана.— Б. А.). Он дал [ему] большое войско и отправил, назначив в вилайет Дашт-и Кыпчак, и сказал: «Пусть сей вилайет будет кормом для твоих лошадей. Дал [ему также] вилайет Хорезм. Когда Джучи-хан отправился в вилайет Дашт-и Кыпчак, он достиг Улуг-Таг, который известен. Однажды, когда он охотился в горах, ему повстречалось стадо маралов. Преследуя его и пуская стрелы, он свалился с коня, свернул себе шею и умер»³⁴. На наш взгляд, комментарии излишни. Здесь следует только обратить внимание на место гибели Джучи — Улуг-Таг, ведь охота в те времена была часто практикуемым способом избавления от нежелательного человека.

Мы затронули лишь отдельные моменты в связи с интересующим нас источником. Но и по приведенным фактам очевидно, что произведение Утемиша-хаджи может пролить свет на нерешенные проблемы в определенной области исторической науки.

Теперь многолетний труд В. П. Юдина станет достоянием широкого круга исследователей истории Золотой Орды и средневекового Казахстана. Предлагаемое издание включает в себя подготовленное В. П. Юдиным историко-культурное исследование «Чингиз-наме», перевод сочинения на русский язык, текстологические примечания и транскрипцию восточного текста, а также факсимиле оригинального текста «Чингиз-наме». Комментарии и указатели составлены М. Х. Абусейтовой. В подготовке данного издания активное участие приняла супруга В. П. Юдина — Ю. Г. Баранова. Она, в частности, написала вступление к исследовательской части и подготовила работу к изданию. Научному вкладу В. П. Юдина посвящено «Послесловие» академика АН РК Р. Б. Сулейменова.

Член-корр. АН РУз. Б. А. Ахмедов

Комментарии

- 1 Чингиз-наме. Рук. ИВ АН РУз., инв. № 1552/У, л. 36а—59а.
- 2 Чингиз-наме, л. 36б.
- 3 [Каль Е. Ф.]. Персидские, арабские и тюркские рукописи Туркестанской публичной библиотеки. Ташкент, 1889. С. 52; Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан (летом 1902) // Соч. М., 1973. Т. 8. С. 164—169; Валидов А.-З. Восточные рукописи в Ферганской области // ЗБОРАО. Т. 22. Ч. 2. 1915. С. 320.
- 4 Юдин В. П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1983. С. 106—165 и др.
- 5 Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан. С. 165.
- 6 Чингиз-наме, л. 36б.
- 7 Чингиз-наме, л. 51б.
- 8 Был убит во время смут в Хорезме в 30-х гг. XVI в. Шайбанид Убайдаллах-хан Бухарский (940/1533-34—946/1539-40) воспользовался ими для завоевания в 1539 г. Хорезма (Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан. С. 166).
- 9 Чингиз-наме, л. 42б.
- 10 Чингиз-наме, л. 43а, 54б.
- 11 Чингиз-наме, л. 43а, 54б.
- 12 Личность идентификации не поддается. Может быть, имеется в виду Тука-Тимур, внук Шайбана, сын Мергена (*Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 74).
- 13 Чингиз-наме, л. 54б.
- 14 Чингиз-наме, л. 38б.
- 15 Чингиз-наме, л. 50б.
- 16 Сборник летописей. Т. 2 / Пер. с перс. Ю. П. Верховского. М.; Л., 1960. С. 74
- 17 СМАЗО. Т. 2. С. 55.
- 18 См.: Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. М., 1965. С. 32—36.
- 19 Сборник летописей. Т. 2. С. 37, 39.
- 20 Сборник летописей. Т. 2. С. 39.
- 21 Чингиз-наме, л. 40б—41а.
- 22 Там же.
- 23 Чингиз-наме, л. 41а,
- 24 Сборник летописей. Т. 2. С. 45.
- 25 Чингиз-наме, л. 41 а.
- 26 Чингиз-наме, л. 50аб.
- 27 Чингиз-наме, л. 43аб, 49аб.
- 28 СМАЗО. Т. 2. С. 14—15.
- 29 Там же.
- 30 Сборник летописей. Т. 2. С. 78—79.
- 31 Там же.
- 32 Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар, рук. ИВ АН РУз., инв. № 5.
- 33 СМАЗО. Т. 2. С. 204. Чингизхан, как известно, умер 9 рамазана 624/25 августа 1227 г. Если Абу-л-Гази прав, то смерть настигла Джучи где-то в последних числах февраля 1227 г.
- 34 Чингиз-наме, л. 37б.

“ЧИНГИЗ-НАМЕ” КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КАЗАХСКОГО НАРОДА

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

С сочинением Утемиша-хаджи “Чингиз-наме” В. П. Юдин ознакомился в Ташкенте в конце 1967 г. при выявлении источников, содержащих сведения по истории казахского народа, в собрании восточных рукописей Института востоковедения АН Узбекистана. Автор этого произведения входил в блестящую плеяду хивинских историков.

До революции “Чингиз-наме” упоминалось в известном каталоге Е. Каля (1889 г.)¹. В 1902 г. В.В. Бартольд обратил на нее внимание при знакомстве с рукописями Туркестанской публичной библиотеки и включил сведения о ней в “Отчет о командировке в Туркестан”, опубликованный в 1904 г.² В 1915 г. появилась статья А.-З. Валидова “Восточные рукописи в Ферганской области”, где он пишет о приобретении им в Оренбурге в 1913 г. списка “Чингиз-наме”, который оказался “несравненно полнее ташкентского”³.

Труд Утемиша-хаджи стал объектом исследования В. П. Юдина в то время, когда он уже основательно проработал и проанализировал значительное число персо-и тюркоязычных сочинений по истории Казахстана, Средней Азии и Восточного Туркестана. В результате им был написан ряд источниковедческих статей.

Кроме того, в 1967 г. Институтом истории, археологии и этнографии АН КазССР был завершен большой коллективный труд — “Материалы [12] по истории казахских ханств XV—XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений)”⁴. Многолетняя работа казахстанских востоковедов С. К. Ибрагимова, Н. Н. Мингулова, К. А. Пищулиной В. П. Юдина, в которой определенное участие приняли их коллеги из С.-Петербурга О. Ф. Акимушкин и М. А. Салахетдинова, получила признание ученых-востоковедов. Не будет преувеличением сказать, что научный уровень этого исследования во многом был определен В. П. Юдиным, руководившим работой над ним на завершающем этапе.

Наряду с этим В. П. Юдин занимался выявлением и обработкой источников, извлечения из которых могли бы войти в следующий, новый том материалов по истории средневекового Казахстана. Так, в своей статье “Персидские и тюркские источники по истории казахского народа XV—XVIII веков” он, в частности, писал: “К настоящему времени нам стали известны еще несколько сочинений на персидском и тюркских языках, которые в разной мере могут быть использованы для изучения истории позднего казахского средневековья. Среди них такие светские хроники и поэмы, как “Та’рих-и Шайбани” анонимного автора, “Чингиз-наме” Утемиша-хаджи, “Имамкули-наме” Сухайла, “Зафар-наме” Муками, “Зафар-наме” Бадр ад-Дина Кашмири и др. Как видно из этого перечня, неиспользованных сочинений довольно много. Извлечения из них могли бы составить второй том сборника. Работа эта, по-видимому, будет осуществлена”⁵.

“Чингиз-наме” заняло особое место в источниковедческих изысканиях В. П. Юдина как источник, достоверно и ярко воспроизводящий политическую и социально-экономическую историю Дашт-и Кыпчака XIV в., военное дело, быт, культуру, идеологию и язык его кочевого населения. Работу по переводу “Чингиз-наме” В. П. Юдин сочетал с составлением словаря, в котором зафиксированы все случаи употребления каждого слова во всех грамматических связях. Эти материалы, несомненно, представляют интерес для исследователей истории казахского языка.

Исследование “Чингиз-наме” было результативным в плане теоретического источниковедения. Еще в ходе работы над МИКХ В. П. Юдин разработал синтезированную классификацию персо-и тюркоязычных нарративных источников по истории казахского народа⁶. Теперь же, [13] исходя из своеобразия “Чингиз-наме” и некоторых других ранее известных ему сочинений, он делает принципиально важный вывод о возможности выделения особой классификационной группы из восточных письменных источников по истории Казахстана — источников, которые зафиксировали и донесли до нас устное историческое знание кочевников Дашт-и Кыпчака. Это степное устное историческое знание В. П. Юдин первоначально назвал “степной устной историографией”, а затем ввел более корректный, по его мнению, в отношении устной традиции термин — “степная устная историология”⁷.

Интерпретация известий “Чингиз-наме” по политической и этнической истории, социально-экономическим отношениям, культуре, идеологии Дашт-и Кыпчака XIV в. и выводы относительно

классификационных особенностей сочинения, его места в системе письменных источников по истории Казахстана изложены в предлагаемых ниже четырех отдельных исследованиях. Первое — более позднее по времени написания (1983 г.) — увидело свет вскоре после смерти автора. Над тремя остальными он работал осенью 1981 г., готовясь к “Валихановским чтениям”, проводимым Казахским Обществом охраны памятников истории и культуры⁸. Эти сообщения публикуются в неизменном виде. Научное значение этих работ, в которых впервые исследуется такой самобытный и ценный источник по истории казахского народа, каковым является “Чингиз-наме” Утемиша-хаджи, трудно переоценить.

Считаю своим долгом выразить глубокую признательность всем, кто способствовал изданию труда В. П. Юдина: академикам АН РК Ж. М. Абдильдину и М. К. Козыбаеву; членам Ученого Совета Института истории, археологии и этнографии АН РК, рекомендовавшим книгу в печать; сотрудникам Института К. А. Пищулиной, Х. А. Аргынбаеву, О. И. Исмагулову, ознакомившимся с рукописью работы и принявшим участие в ее обсуждении.

Особая благодарность безвременно ушедшему академику АН РК Р. Б. Сулейменову, члену-корреспонденту АН РУз. Б. А. Ахмедову, доктору филологических наук Е. З. Кажобекову, ученикам В. П. Юдина—М. Х. Абусейтовой, Т. К. Бейсембиеву, Н. Э. Масанову и спонсорам издания Б. Х. Туралиеву, Б. К. Карашанову, а также Ж. М. Жапбасбаевой и А. К. Султангалиевой.

Ю. Г. Баранова

Комментарии

1 Каль Е. Персидские, арабские и тюркские рукописи Туркестанской Публичной Библиотеки. Ташкент, 1889. № 806.

2 ЗВОИРАО. СПб., 1904. Т. 15. Вып. 2—3. С. 219, 226—232; Бартольд В. В. Соч. М., 1973. Т. 8. С. 158, 164—169.

3 ЗВОИРАО. СПб., 1915. Т. 22. Вып. 3—4. С. 320. Судьба этого более полного списка сочинения долгое время оставалась неизвестной. В начале 70-х гг. В. П. Юдин получил информацию, что рукопись находится в Стамбуле у А.-З. Валидова (Тогана). Попытки получить копию ни к чему не привели. И он вынужден был ограничиться в работе неполным ташкентским списком.

К сожалению, уже в самое последнее время (благодаря любезности Т. К. Бейсембиева) мне стало известно о вышедшей еще в 1976 г. в Стамбуле книге М. Кафали “Эпоха образования и распада Золотоордынского ханства”, где используется полный список “Чингиз-наме”, именуемый автором исследованием “Историей Утемиша-хаджи”. *Kafali Mustafa. Altin Orda Hanliginin kurulus ve yukselis devirleri. Istanbul, 1976. 7. 169 b. (Istanbul Universitesi Edebiyat Fakultesi Yayin, No 2085).*

4 Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков: (Извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Составители С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин. Алма-Ата, 1969. 652с. (Далее—МИКХ).

5 Статья обобщила источниковедческие наблюдения автора в ходе работы над МИКХ, ставила важные вопросы теории и практики казахстанского источниковедения и должна была предварять МИКХ, но не была опубликована. Хранится в архиве автора. Подготовленные В. П. Юдиным переводы извлечений из некоторых перечисленных сочинений после его смерти были переданы в Отдел истории культуры Казахстана Института истории, археологии и этнографии АН РК для подготовки к изданию.

6 Классификация в полном виде не опубликована, но излагалась в спецкурсе в КазГУ в 1970—1975 гг. и неоднократно упоминалась в статьях-справках, написанных В. П. Юдиным и предпосланных переводам извлечений из источников, включенных в МИКХ.

7 Юдин В. П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... (Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI—XVIII вв.). Алма-Ата, 1983. С. 122.

8 Также см.: “Об „узурпации“ власти в Казахстане во 2-й половине XIV в. беком племени кыйат левого крыла Золотой Орды Тенгиз-Бугой” (Материалы итоговой научной конференции профессорско-преподавательского состава КазГУ им. С. М. Кирова. Алма-Ата, 1974. С. 6—7).

ОРДЫ: БЕЛАЯ, СИНЯЯ, СЕРАЯ, ЗОЛОТАЯ...

В истории евразийских степей и прилегающих к ним районов послемонгольского времени хорошо известны кочевые объединения, в названия которых входило слово *орда*. Некоторые из них, например Золотая Орда, претендовали даже на статус “мировой” державы.

Кроме Золотой Орды были Орды Белая, Синяя, Серая, Пегай, Мамаева, Муратова, Ахматова, Волжская, Заяицкая, Перекопская, Крымская, Белгородская, Залесская, Городецкая, Большая, Средняя, Младшая (Меньшая), Орда-Сотня, Ногайская (Мангытская), Казачья (Казацкая, Киргиз-Кайсацкая, т. е. Казахская), Каракалпакская, Калматцкая и др.

Многие из орд существовали в Казахстане и других степных и горных районах в XVI—XVIII вв. и позднее. В это же время в степях продолжала жить память о ряде орд более раннего времени. Но это была не просто память. Идеализированные представления о Чингизовой орде и ордах его ближайших преемников с самого начала осознавались господствующими слоями кочевников в качестве правовых норм. Они служили важным источником права, регулировавшим внешние и внутренние отношения между кочевыми и оседлыми объединениями и государствами, образовавшимися на обломках Монгольской империи.

Феномен татаро-монгольского нашествия и завоевания, образования Монгольской империи и улусов сыновей и ближайших потомков Чингиз-хана потряс воображение современников, заслонил события предшествующей истории, а в памяти кочевых народов в огромной мере стер события более ранней этнической, политической, социальной, идеологической, этической и культурной истории. На смену пришли новые реалии.

Татаро-монгольские завоевания перекроили политическую карту Евразии. Затронули они в некоторых отношениях и Африку. В течение многих веков их отзвуки отмечались в мировой истории.

Изменен был, однако, не только материальный “мировой” порядок, но и идеальный, духовный. И в том и в другом отношениях евразийский мир претерпел величайшую перестройку. [15]

Политические последствия монгольских завоеваний изучены в целом неплохо, хотя многие проблемы нуждаются в дополнительном исследовании, а ряд вопросов даже не поставлен. То же следует сказать об изучении перестройки духовной. Здесь количество не только слабо изученных, но и не затронутых, просто не поставленных проблем с трудом поддается учету. Довольно хорошо освещен, например, культ Чингизхана и Чингизова “золотого” рода¹. Могут быть названы и некоторые другие аспекты “нового мирового” духовного порядка, утвержденного монголами.

Назовем некоторые очень важные, но недоисследованные вопросы. Например, раздел Монгольской империи Чингизханом, произведенный им при жизни между его сыновьями и внуками, стал таким прецедентом, который послужил источником права для многих народов и действовал в некоторых районах вплоть до XX столетия. Возникшие на основе этих разделов представления и, более того, непререкаемые психологические императивы являлись достаточными обоснованиями претензий на верховную власть, территориальные притязания, поводом для войн, оснований для заключения мира и мирных договоров и т. д. “Раздел Чингизхана” и “разделы” его преемников стали у кочевых и некоторых других народов высшими категориями правосознания, мировоззрения и идеологии.

Идеологический и психологический переворот в общественном сознании многих народов Евразии, прежде всего кочевых народов, который можно было бы условно назвать идейно-психологической “революцией”, был столь велик, что перерос масштабы крупного, но вписывающегося в рамки привычного развития событий явления и повлек за собой формирование нового мировоззрения.

Предания о происхождении Чингизхана, его рода, предков были, например, включены в мусульманские представления о происхождении человечества и тем самым в мусульманскую картину мира. История происхождения рода человеческого в мусульманских исторических сочинениях, начинаясь, как обычно, с сотворения человека и истории пророков, была дополнена циклом преданий об Огузе, генеалогиями тюрко-монгольских племен, генеалогией рода Чингизхана и дальнейшим разветвлением родов, племен и народов кочевого мира. Таковы, например, “Сборник летописей” Рашид ад-Дина и многие другие мусульманские исторические труды.

О кочевых народах, не исповедовавших ислам, не приходится и говорить. Наибольший интерес в этом отношении представляют, конечно же, сами монголы. Их новая вселенская доктрина дошла до нас в письменном зафиксированном виде. Это “Секретная история монголов”². Давно уже востоковеды дебатировали вопрос о жанровой принадлежности этого памятника. Писали, что он

представляет собой письменную фиксацию [16] монгольского эпоса. Высказывались и другие мнения³. Не касаясь вопроса о жанровой сущности “Секретной истории” в плане формальной литературоведческой классификации, мы скажем лишь, что это произведение монгольской словесности есть концентрированное изложение нового монгольского миропонимания. В каких-то отношениях оно сходно с мифологическими циклизациями греков и римлян.

Затронуты были и идеологии немусульманских оседлых народов. На этой основе в определенной мере были модифицированы и некоторые другие древние религиозно-идеологические системы.

Итак, у ряда кочевых народов синтез шаманистских, буддийских, мусульманских и других концепций и чингизидской доктрины привел к сложению фактически нового иллюзорного мировоззрения, новой идеологии, которые в условиях социально стратифицированного общества не только овладели сознанием и психологией господствующих слоев, но и в соответствии с законами общественного развития духовно подчинили себе широкие народные массы. Ведь были только “на небе бог и на земле Чингизхан”. Вопрос о соотношении идеологий господствующих слоев и массы непосредственных производителей татаро-монголов фактически не изучался, хотя важность его очевидна. Не может быть и речи об их полном совпадении. Но эту проблему еще только предстоит изучать.

Мы полагаем, что в данном случае есть все основания говорить о сложении новой религии. Религия эта была одной из составляющих мировоззрения и идеологии, порожденных татаро-монгольскими завоеваниями. Этот новый комплекс мировоззренческих и идеологических представлений мы назвали *чингизизмом*. В узком смысле мы употребляем этот термин и в отношении новой веры, и в отношении других аспектов этого явления, о котором более подробно говорим ниже.

Судьба чингизизма в пределах огромных покоренных татаро-монголами территорий и в жизни населявших их народов была неодинакова. Кто-то решительно отвергал его и ненавидел, кто-то принял его частично, включив в традиционные мировоззренческие и идейно-психологические схемы, для кого-то он стал философией высшего порядка, т. е. в пространственном аспекте чингизизм не был однородным. Удельный вес его в духовной жизни народов изменялся и с течением времени.

Немало написано о том, что в жизни тюрко-монгольских народов традиционные религиозные культы занимали удивительно малое место. Это даже породило в научных кругах представления о веротерпимости татаро-монголов и ее причинах. В действительности их веротерпимость была политическим орудием и дипломатическим инструментом. В необходимых случаях татаро-монголы без колебаний прибегали к жестоким репрессиям, используя в качестве предлога и конфессиональные расхождения. Естественно, как и повсюду, в основе таких конфликтов лежали причины материального порядка, что верно для всех проявлений [17] разногласий идейно-религиозного характера. Сказанное лишь означает, что татаро-монголы в этом отношении не были каким-то исключением. Однако в проводимой ими идейно-религиозной политике были и специфические черты. Их основной задачей в этом плане были внедрение и распространение чингизизма в широком смысле в сознании покоренных народов. Поэтому чингизизм, основой которого было утверждение исключительности и избранничества татаро-монголов, их права на мировое господство, легко образовывал симбиоз с любой идеологической системой, подчинявшейся ему, или инкорпорировался в ее состав в приемлемых для него формах и масштабах.

Но каким же образом чингизизм можно рассматривать как религию? Если в основе чингизизма лежат предания и исторически достоверные известия многочисленных разноязычных письменных источников о происхождении и деяниях самого Чингизхана, а также пусть легенды, но трактующие историю как достоверную, что в какой-то (не исключено, что даже в значительной) мере соответствует исторической правде о происхождении ближайших и очень отдаленных предков Чингизхана, то не является ли чингизизм в каких-то деталях достоверной, а в каких-то — полулегендарной или легендарной, но тем не менее историей великого “потрясателя вселенной”, и не больше!? Ведь тюрко-монгольские народы верили в реальность генеалогии Чингизхана, а его современники и последующие поколения знали, что он реальное историческое лицо.

Забегая вперед скажем, что буддисты верили в реальность Будды. зороастрийцы — Зороастра, христиане — Иисуса Христа. Мусульмане знали, что пророк Мухаммед, основавший ислам и по

имени которого ислам иногда называют магометанством,— историческое лицо, относительно существования которого сомнения неуместны. Примеры могут быть умножены. Тем не менее существовали ли они как исторические лица или нет, их учения стали верованиями, т. е. превратились в религии. Главное, однако, даже и не в этом.

Тюрко-монгольские народы поставили в центр своих представлений о происхождении мира действительную или мнимогенеалогическую историю рода Чингизхана, центральной фигурой которой был сам создатель Монгольской империи. Для тюрко-монгольских народов, оказавшихся в сфере влияния чингизизма, история со времени Чингизхана — это история “новой эры”, а история до Чингизхана — история “до новой эры”. Эпоха Чингизхана для них стала точкой временного отсчета, т. е. тем, чем и является эра. Генеалогические представления тюрко-монгольских родов, племен и народов были увязаны с данными о генеалогической истории рода Чингизхана. Родословные тюрко-монгольских “первоплемен” были сплавлены в единое целое с родословными более “поздних” племен и генеалогией Чингизхана, его предков и потомков и образовали “стройную пирамиду”, в которой нашлось место всем подлежащим учету чингизизмом кочевым племенам Евразии. Для чингизизма именно эта “пирамида” стала важнейшей фазой формирования рода людского, центром человечества, остальные же части человечества, [18] известные по их религиозной или действительной истории, стали несущественными.

Этот новый генеалогический комплекс, изложенный в терминах родоплеменного осмысления возникновения и сложения структуры человечества, стал базой формирования воззрений на происхождение всего человечества и вселенной. Он был дополнен традиционными элементами тюрко-монгольского шаманизма, которые стали как бы верхним этажом и пристройками здания новой веры. Тем самым был создан космогонический миф, т. е. сформировались иллюзорные мировоззрение и идеология. Так родилась новая религия.

Сказанное не противоречит тому, что сведения источников и преданий о Чингизхане являются его историей или передачей достоверных эпизодов его биографии. “Коварство” чингизизма как конфессии и как универсальной идеолого-мировоззренческой концепции и прагматической доктрины в том и заключалось, что он был “замаскирован” реально-историческими этажами своей структуры. Прямую аналогию формированию чингизизма можно видеть в истории сложения магометанства / ислама. Существенная разница между их оформлением заключалась в том, что во втором случае “вначале было слово”, а затем практические дела, а в первом — “меч”, т. е. дела, и лишь затем — “слово”. Если первые мусульмане потрясли мир, воодушевленные учением, то татаро-монголы, перекраивая мир, творили и осваивали учение. Если фундаментом первоначальных идей татаро-монголов о структуре человечества и их собственном месте в ней было достаточно для начала предприятия, то для завершения его потребовалась вселенская доктрина. История чингизизма — это и есть история рождения фантастического мировоззрения, ложной идеологии, центральной идеей которых было “мировое господство”. И если татаро-монголы не сознавали своей миссии в творении нового идеального мира, то в этом повинны именно те, что “дело” у них опережало “слово”. Этого они не поняли, не поняли до конца своих завоеваний, крушения Монгольской империи и исчезновения реликтов “мира по-монгольски”. Человечество, занятое ликвидацией последствий татаро-монгольских завоеваний, “не заметило” чингизизма-конфессии. Враждебность прочих универсальных идеолого-мировоззренческих систем, инкорпорировавших в некоторых случаях, подобно исламу или ламаизму, в свой состав отдельные элементы чингизизма, способствовала его повсеместному светскому осмыслению. Его собственный “примитивизм” и ксенофобия воздвигали стену на пути его распространения. Увлеченные изучением результатов “практической деятельности” татаро-монголов, не принявшие в расчет чингизизм как целостное учение и современные ученые. Так он и остался в истории человеческой мысли как явление светское. Если и предпринимались попытки осмыслить чингизизм в духовном плане, то этот его аспект в целом изображался как придатак татаро-монгольского мирового погрома, не имеющий идеологической системности и цельности. Поэтому чингизизм до сих пор — это по преимуществу событийная история. Если и для татаро-монголов он также был достоверной событийной историей, но вписавшейся в их [19] идеальную историю мира, то ведь для татаро-монгольской иллюзорной мысли сама идеальная история была достоверной историей, что свойственно всем религиям и не должно мешать научному пониманию чингизизма-веры. Таким образом, конфессиональное понимание чингизизма и реальность истории Чингизхана и татаро-монголов не противоречат друг другу и не исключают одно другого. Изучение конфессиональной истории чингизизма, зарождение, развитие и отмирание которого хорошо освещены в источниках, прояснит не только этот феномен, но и поможет, вероятно, пониманию истории сходных степных и нестепных, например греко-римских, мифологических циклизированных систем, так как чингизизм —

это есть типичная циклизация достоверного и легендарного. Ценность методологических выводов из такого изучения бесспорна.

Если поиски религии и религиозно-церковной организации у тюрко-монгольских народов времени Чингизхана и его потомков не выявляли ничего, кроме незначительных элементов шаманизма, которые на фоне грандиозных катастрофических последствий татаро-монгольских завоеваний, естественно, не могли быть признаны движущей идеологической силой и закономерно порождали мысль о необъяснимом противоречии между военной мощью и свершениями татаро-монголов и их идейно-религиозным потенциалом, то разгадка кроется в том, что духовную мощь татаро-монголов искали не там, где ее следовало искать. Религия татаро-монголов была в действительности мощной, основой ее были генеалогические мифы, которые и ранее были сердцевинной тюрко-монгольской картины мира, а следовательно, и в предшествующие эпохи были основой иллюзорного, фантастического мировоззрения и идеологии кочевых племен. Заметим, что мифы-генеалогии образовывали сложные по составу конусы. Если в низу такого конуса перечислялись живущие поколения и их действительные предки, то чем выше по конусу, тем проблематичней становилась цепь перечисляемых предков, а самый верх его венчала явная фантазия. Думаем, что реальность нижних этажей и мешала прежде всего пониманию генеалогий как ложной идеолого-мировоззренческой системы, конструировавшей картину сложения и функционирования мира. Складывавшиеся в процессе исторической деятельности Чингизхана и его потомков в чингизизм, дополненный элементами шаманизма, эти мифы в их новой системе стали для татаро-монголов могучей духовной силой, адекватной их воинской мощи. Но чингизизм был не только религией. Чингизизм был мировоззрением, идеологией, философией, санкцией общественного строя и структуры социальных институтов, политической и правовой системой, культурологической доктриной, основой просвещения, средством регуляции поведения в семье и обществе... И в этом он не отличался от других религий,

Чтобы показать значение чингизизма в истории тюрко-монгольских народов, напомним лишь несколько общеизвестных фактов. Чингизизм освятил право рода Чингизхана на верховную власть. Это, в частности, выразилось в том, что титул “хан” стал исключительной прерогативой [20] Чингизидов. Попытка присвоить ханский титул нечингизидом в сознании тюрко-монгольских и многих других народов отражалась как противоправная и даже аморальная. Такой акт как бы ставил вне закона лицо, решившееся осуществить его. “Впредь да прекратится воцарение простолюдинов!”⁴. С таким кличем Исатай из племени кыйат и Алатай из племени сиджут, сторонники золотоордынского хана Узбека, который сам был лже-Чингизидом, убили его соперника-нечингизида Ток-Бугу, пытавшегося “узурпировать” ханскую власть.

Поэтому в тех случаях, когда объективный ход исторического развития приводил к отстранению Чингизидов от верховной власти, историческая практика выработала несколько приемов, чтобы обойти постулат о принадлежности верховной власти роду Чингизхана.

Нечингизиды, захватывавшие фактическую власть, как, например, Эмир Тимур, Едыгей и др., вынуждены были править от имени подставных, номинальных ханов-чингизидов.

В других случаях такие правители сочиняли легенду о своем происхождении от Чингизхана либо от одного из его предков или потомков. Такими легендами пользовались золотоордынские ханы Узбек, лже-Кельдибек, могулистанские ханы Туглук-Тимур и Хызр-Ходжа, тот же Эмир Тимур, который, однако, не решился принять ханский титул, кокандские ханы и многие другие.

Нередко даже Чингизиды, не обладавшие в соответствии с местом, занимаемым ими в генеалогии рода Чингизхана, каким-то правом, но жаждавшие им обладать, подделывали родословные Чингизидов, перерабатывали их в удобном им смысле и добивались цели, если обладали реальной силой, чтобы принудить несогласных принять сфабрикованные ими аргументы. В противном случае они погибали.

В истории Шайбанидов имеются случаи их территориальных притязаний, которые аргументировались ими особым местом, занимаемым в истории Чингизидов их предком Шайбаном, и “разделом Чингизхана”. т. е. тем же чингизизмом. Анализ их аргументации дает основание говорить о преднамеренной фальсификации.

Фактов такого рода в истории тюрко-монгольских и других народов, засвидетельствованных устными и письменными источниками, много. Таким образом, история чингизизма предоставляет

свидетельства такой его мощи, которая делала возможной борьбу против него в определенных условиях только средствами самого чингизизма. Это, в свою очередь, требует конкретно-диалектического подхода к изучению его функционирования.

Чингизизм, по-видимому, не был в истории тюрко-монгольских народов явлением уникальным и неповторимым. Стадиально и типологически в один ряд с ним может быть поставлен, например, цикл преданий об Огузе. В дошедшем до нас виде этот цикл, быть может, представляет собой редуцировавшуюся до эпического уровня более раннюю [21] политическую и идейно-религиозную концепцию типа чингизизма⁵. С большой долей уверенности можно говорить о существовании в далеком прошлом, в степях “огузизма”. В немалой мере, должно быть, в деградации и эрозии “огузизма” повинен именно чингизизм, потому что в отношении “огузизма” его конфессиональная нетерпимость была и естественной и закономерной, так как “огузизм” был соперником чингизизма в степях, т. е. именно там, где Чингизхан “расформировывал” народы, поголовно вырубая их.

Не исключено, что великие потрясения евразийских степей всегда или почти всегда сопровождались идеологическими переворотами, подобными возникновению чингизизма. Если это так, а мы убеждены в этом, то перед исследователями вырисовываются контуры грандиозного объекта изучения, которое потребует приложения колоссального труда, но и раскроет широчайшие перспективы познания сокровеннейших тайн духовного, культурного, политического прошлого тюрко-монгольских и других степных кочевых народов. Осуществление таких исследовательских программ потребует, несомненно, выработки новых методик изучения источников и, возможно, оформится в особое историко-научное направление изучения кочевничества.

Как ни странно, но чингизизм как исторический феномен не изжил себя вплоть до нашего времени. История XX в. дает ряд примеров его использования определенными политическими кругами и силами в современной политической практике. Это говорит о том, что изучение чингизизма не только имеет историко-познавательное значение, но и является актуальным (даже злободневным) в политическом и других отношениях и в наши дни.

Помещаемое ниже сообщение имеет целью объяснить некоторые реалии истории Казахстана и соседних стран и народов XVI и последующих веков. Они, эти реалии, в их большей части, но не только, были вызваны к жизни чингизизмом и вместе с тем являлись его конкретными проявлениями. В виду имеются кочевые объединения, в состав названия которых входило слово *орда*. До сих пор в их истории немало неясного: происхождение названий, время возникновения и исчезновения, размеры территории и границы, характер взаимоотношений, были ли они державами или географическими понятиями, да и существовали ли некоторые из них вообще и т. д. Нами предпринимается попытка объяснения этимологии названий некоторых орд с учетом достижений востоковедения и исторической науки вообще и на основе показаний источников, прежде всего восточных, отчасти еще не введенных в научный обиход. Этимологические интерпретации осуществляются на фоне истории Дашт-и Кыпчака в расширенных по необходимости хронологических рамках. Попутно рассматриваются и некоторые специальные аспекты истории тех или иных орд. [22]

Из истории слова “орда”. Слово *орда*, иначе — *орду*, является общим для тюрко-монгольских языков и считается исконным в словаре этих языков. Его исходное значение—*‘юрта’*, ‘ханская юрта’, ‘дворцовая юрта’, ‘парадная юрта’, из которого выросло новое значение — ставка, резиденция хана, правителя⁶.

Поскольку в тюрко-монгольской среде в условиях многоженства предпочитали каждой жене предоставлять отдельную юрту, то слово *орда* приобрело даже и такое метафорическое значение, как ‘жена’.

При ханских ставках-ордах в степях обычно находились большие группы торговцев, ремесленников и прочих представителей средневековой “сферы обслуживания” вместе со своими семьями, прислужниками, юртами, всем своим хозяйством. Они постоянно кочевали вместе с ханской ставкой-ордой и образовывали при ней “кочевой город”, иногда очень большой. Такие кочевые города назывались *орда-базар*, буквально ‘орда-рынок’, естественно, в восточном смысле этого слова. Ведь на Вос-токе, впрочем, как нередко и в Европе, рынок был не только торжищем, но и местом производства разнообразной продукции, например кулинарных изделий. В войнах кочевых владетелей орда-базар бывал нередко причиной степной кампании и ценным трофеем,

который вводили на далекие расстояния, исчисляемые сотнями и тысячами километров ⁷. Так неожиданно в отдаленных местах вдруг возникали города, которых раньше там не было. Из кочевых они могли превращаться в обычные города оседлых жителей. Такова, возможно, судьба некоторых городов Сибири до появления там русских землепроходцев.

Значение термина “орда” ‘ставка хана, правителя’ иногда усиливалось присоединением к нему семантически равноценных, но более высоких по стилю слов, например слова *сарай* ‘дворец’. Так, походная ставка [23] Эмира Тимура называлась “Сарай-Ордум”, или “Ордум-Сарай”. Называлась она также и “Высокая Орда” ⁸, или “Великая Орда” ⁹.

Синонимом орды выступало слово *** *брга* {*врэд-врге*}, имеющее в некоторых тюрко-монгольских языках и значение ‘свадебная юрта’ ¹⁰. Употребление *** *вргэ* в значении ‘ставка правителя’ отразилось, например, в том, что прежде г. Улан-Батор — столица МНР — назывался Урга, так как город возник именно на месте, где находилась ставка хана.

Другим синонимом *орды* было тюркское слово *** *вй/уй* — обычное слово в тюркских языках для обозначения все той же юрты, ставшее также названием любого стационарного жилого строения, т. е. эквивалентом русского *дом*. В Семиречье была известна, например, ставка Чингизидов, именованная *** *Улуг-Иф*, т. е. *Улуг-эв* (или *Улуг-й/Улуг-Уй*) — ‘Большая (Великая, Старшая) Ставка’.

В процессе семантического развития на тюркской почве слово *орда*, как и слова *** *ргэ* и *эй*, обросли многочисленными дополнительными значениями. Отметим следующие: ‘войско, армия’, ‘свита’, ‘дворец, замок’, ‘становище, стан, лагерь’, ‘двор’ или ‘резиденция правителя’, ‘семья в кибитке’, ‘жилище жен знатных людей’, ‘очаг’ и др.” Равным образом и слово *** *ргэ* стало означать ‘павильон, большой дом, замок, возвышение, крутое место, фундамент, храм, трон, престол, стоянка, ночлег, восход’ и т. д. ¹² У слова *ей* появились такие значения: ‘жилище, жилье, комната’, ‘домохозяйство’, ‘помещение, место обитания’, ‘становище’, ‘семья, домочадцы’, ‘жена, женщина’ и пр. ¹³

Предложено много разных этимологии слов *орда*, *** *ргэ* и *ей* специалистами, которые расходятся во мнениях относительно их исходного значения, источника происхождения, фонетической истории... ¹⁴ Мы полагаем, однако, что до обнаружения каких-то особых доказательств за исходное значение этих слов следует принимать ‘юрта, кибитка’. Такое решение позволяет удовлетворительно объяснить все линии их семантического развития. Можно заметить, по-видимому, только, что ей было самым общим обозначением юрты, а *орда* и *** *ргэ* — наименованиями их специализированных разновидностей.

Образовавшаяся в тюрко-монгольских языках смысловая многозначность этих слов, а главное — слова *орда* породила значительные трудности их истолкования, усугубляемые к тому же в переводах восточных источников их передачей на русский и другие языки словами-понятиями, не адекватными по своему семантическому полю и вызывающими ассоциации иного культурно-исторического плана. [24]

Из тюрко-монгольских языков слово *орда* было заимствовано в русский, а из русского — в другие, прежде всего в центрально-и западноевропейские. Не исключено, что некоторые из этих языков заимствовали его самостоятельно. В русский язык оно вошло и в значении ‘ханская юрта, ханский шатер, резиденция хана’, и в значении ‘степное кочевое объединение, кочевая держава’. Отсюда русские выражения типа *ходить в Орду*. Под Ордой на Руси в течение долгого времени разумелась Золотая Орда. Племена, кочевавшие вместе с ханской ордой-ставкой, на Руси также стали именоваться *ордой* или *ордами*. Специфическое русское восприятие степных объединений, кочевавших вместе с ханской ордой-ставкой, сплывало в заимствованном слове и значения ‘кочующее племя’, ‘скопище, толпа, орава, ватага’. Отсюда недалеко уже и до современного значения ‘банда’ ¹⁵.

Значение ‘скопище людей, толпа, орава’ послужило основанием для использования слова *орда* специалистами по истории первобытного общества для обозначения самых ранних человеческих коллективов с неопределенной структурой, именуемых иначе “первобытным человеческим стадом”.

Столь широкий диапазон использования слова *орда* в русском и многих других заимствовавших его языках зачастую создает ложное впечатление его глубокой древности в этих языках. Между тем заимствовано оно было лишь в послемонгольское время.

В научной литературе, в переводах и исследованиях слово *орда* нередко используется сразу и в его тюрко-монгольских значениях, и в значениях русских или иных европейских языков. В результате взаимоналожения этих двух теперь уже ставших автономными линий развития семантики слова *орда* трудности его истолкования в литературе возросли еще больше. В полной мере с этими трудностями сталкивается востоковедение в изучении Золотой и других орд. Сказанное означает, что в употреблении слова *орда* в научной литературе должен быть применен какой-то лимитирующий принцип. Представляется, что слово *орда* в русских и иных научных текстах должно быть ограничено преимущественно теми случаями, когда оно употребляется в исследуемом восточном тексте. Разумеется, это ограничение не может быть распространено на употребление таких терминов-наименований, как Золотая Орда, Белая Орда и т. д.

Белая, Синяя, Серая, Золотая Орды. По поводу названных орд все еще продолжается дискуссия. Отчасти дебатировались такие стороны проблемы, которые уже решены, но решения эти либо не принимаются, либо остаются неизвестными по каким-то причинам некоторым авторам, отчасти причиной продолжающейся дискуссии является недостаток аргументов. Что же касается вопроса о Серой Орде, то это совершенно новая проблема. Ранее о Серой Орде вообще ничего не было известно, и вопрос о ее существовании в литературе не ставился. [25]

Дальнейшее продвижение вперед в изучении затронутой проблематики упирается в выявление и привлечение новых, ранее не использовавшихся источников и в более глубокий анализ известных, уже введенных в научный обиход.

Одним из таких источников по истории Белой, Синей и Золотой Орд, сведения из которого еще не привлекались, является тюркоязычное историческое сочинение “Чингиз-наме” (“Чингизова книга”), написанное в XVI в. в Хорезме Утемиш-хаджи ибн Маулана Мухаммадом Достом¹⁶. Хотя сообщения Утемиша-хаджи о Белой, Синей и Серой Юртах зарегистрировал еще В. В. Бартольд¹⁷, но он не связал их с проблемой Белой и Синей Орд и не интерпретировал. Не придавал он никакого значения и Серой Юрте. Известия эти не попали в поле зрения специалистов в последующее время и в исследованиях не использовались.

Между тем данные “Чингиз-наме” для решения вопросов, связанных с историей Белой, Синей, Золотой Орд, имеют особое значение. “Чингиз-наме” написана на основе рассказов Чингизидов и представителей племен Дашт-и Кыпчака о Чингизхане, его потомках, племенах и родах евразийских степей, т. е. в ней письменно зафиксировано устное историческое знание кочевников. Письменные же источники Утемиш-хаджи почти не использовал. Степная устная историческая традиция регистрируется в этом сочинении в том ее состоянии, в каком она существовала в XVI в., т. е. более чем три века спустя после Чингизова времени. “Чингиз-наме”—это не только своеобразный исторический труд, но и памятник идеологии чингизизма в его шайбанидской версии, что делает его особо ценным для нас. Анализ сведений “Чингиз-наме” выпукло демонстрирует, сколь живучи и жизненны были идеи чингизизма в Дашт-и Кыпчаке в XVI в., в то время, когда потомки Бату уже сошли в степях с исторической сцены, а на смену им выдвинулись соперничавшие группировки Шайбанидов и Тукатимуридов. Постоянная апелляция Утемиша-хаджи к деяниям Чингизхана и его потомков позволяет анализировать чингизизм XVI в. в различных аспектах—общественно-политическом, социально-стратификационном, правовом, морально-этическом, культурном и, в целом, идеологическом и мировоззренческом. В совокупности со сведениями аналогичных источников, например “Таварих-и гузида-йи нусрат-наме” предположительно Мухаммад Шайба-ни-хана (XVI в.), “Сборник летописей” Кадыр-Али-бий джалаира (XVII в.), “Шаджара-йи турк во могул” Абу-л-Гази и других, известия “Чингиз-наме” дают возможность реконструкции степного устного исторического знания кочевников, которое было достаточно ясно сформировавшимся и оформленным. Это степное устное историческое знание можно было бы назвать степная устная историология. [26] так как термин “историография” не был бы корректным в отношении устной традиции.

Данные о Белой и Синей Ордах в “Чингиз-наме” приводятся в рассказе о передаче верховной власти в Дашт-и Кыпчаке Бату. Сообщается, что после смерти Джучи между его первым сыном Орда-Эдженем и вторым сыном Бату возник спор, кому из них быть ханом в Улусе Джучи, братья уступали власть друг другу. В конце концов они отправились к Чингизу и просили рассудить их: “Два сына, родившиеся от одной матери, и 17 сыновей, родившиеся от других матерей, все вместе

отправились на аудиенцию к Великому хану. Когда они прибыли на служение к своему [деду] хану, тот поставил им три юрты (*ергэ*): белую юрту с золотой дверной рамой (*алтун босаралы ак, ергэ*) поставил для Саин-хана (Бату. — В. Ю.), синюю юрту с серебряной рамой (*кумуш босаралы кэк орда*) — для Эджена (Орда-Эджен. — В. Ю.), серую юрту со стальной рамой (*болат босагалы баз орда*) — для Шайбана (пятый сын Джучи. — В. Ю.).

Одним словом, в трех отношениях огланы Шайбан-хана гордятся и возвеличивают себя перед огланами Тохтамыш-хана, Тимур-Кутлы¹⁸ и Урус-хана¹⁹ говоря: „Мы превосходим вас“. Во-первых, это—юрта, [Они] говорят: „Когда после смерти нашего отца Йочи-хана (Джучи.— В. Ю.) наши отцы отправились к нашему великому деду Чингизхану, то после Эджена и Саина он поставил юрту [и] для нашего отца Шайбан-хана. Для вашего [же] отца он не поставил даже и [крытой] телеги“²⁰.

Итак, Чингиз возвысил трех внуков над остальными и определил их ранги в их взаимоотношениях: белый цвет и золото символизировали утвержденное им старшинство Бату, синий цвет и серебро—подчиненность Орда-Эджена, серый цвет и сталь — подчиненность Шайбана и Бату, и Орда-Эджену. Здесь наглядно выявляется символика цветов и металлов в иерархии ценностных представлений тюрко-монгольских народов: первое место — белое и золото, второе — синее и серебро, третье — серое и сталь. В каждой паре слова эти созвучны между собой: *ак* 'белый' и *алтун* 'золото', *кэк* 'синий' и *кумуш* 'серебро', *боз* 'серый' и *[27] болат* сталь²¹. Эти созвучия не только усиливают поэтическую музыкальность и торжественность текста, но и выявляют такие эпико-лексические штампы-стереотипы, древность которых может быть лишь с трудом осознана. Интересны эти примеры и тем, что в них символика цвето-обозначений связана с социальной стратификацией, а не с ориентированием по странам света. Последнее в тюркологии приобрело неоправданно широкое признание и стало “модным”. Проблема нуждается в углубленном исследовании на конкретном материале, который, как правило, отрицает за цветообозначениями исходность и тем более исключительность символизации обозначений по странам света.

Из цитированного отрывка в сопоставлении с другими сведениями может быть извлечена следующая информация, если истолковывать этот явно легендарный рассказ как исторически достоверный. Но ведь именно в качестве такого он подается в “Чингиз-наме” и соответствующим образом воспринимался аудиторией, для которой была написана “Чингизова книга”.

1. Прямое значение Белой Орды и Синей Орды—юрты белого и синего цветов²². Юрты были поставлены самим Чингизом, что освятило прецедент и создало политико-правовую традицию. Поставлены они были после смерти Джучи и до смерти Чингиза, т. е. в 1227 г. В любом случае это было до Западного похода Бату в 1236 г., что явствует хотя бы из его слов Орда-Эджену: “Мы уходим в чужой юрт”²³.

2. Цвет юрт определил ранги трех сыновей Джучи и одновременно разграничение их владений в Улусе Джучи: ставка Орда-Эджена находилась на востоке, почему термин “Синяя Орда” должен быть отнесен к восточной части улуса, его левому крылу, а “Белая Орда” — соответственно к западной, к правому крылу. Распределена была территория улуса, полученного самим Джучи от Чингиза, простиравшаяся от Яика до Иртыша, а не территория Улуса Джучидов, сложившаяся после Западного похода, когда она протянулась до Дуная. Это означало, в свою очередь, что первоначально ставка Бату, Белая Юрта, находилась где-то к востоку от Яика, а ставка Орда-Эджена, Синяя Юрта,— на берегах Иртыша (Сырдарья, Алакуля, Эмиля), т. е. термины “Белая Орда” и “Синяя Орда” в качестве официальных названий держав или даже географических районов тогда еще не применялись, а имели переносные, метафорические значения и использовались: Синяя Орда — для обозначения удела Орда-Эджена, левого крыла Улуса Джучи, а Белая Орда для обозначения удела Бату, правого крыла Улуса Джучи.

3. После Западного похода Улус Джучидов неизмеримо возрос, и **[28]** граница между владениями Бату и Орда-Эджена значительно сместилась на запад. Как результат определились новые территориальные контуры Белой и Синей Орд, появились их два различных географических образа и возникли две системы ассоциаций по поводу их размеров границ — первая, восходящая ко времени до Западного похода, и вторая, сложившаяся после похода. Поскольку Белая и Синяя Орды не были официальными обозначениями, постольку они сохранялись в основном в стенной устной исторической традиции и лишь спорадически попадали на страницы письменных трудов, фактически не применяясь в официальном делопроизводстве. В зависимости от того, какой из двух систем— первой или второй — в качестве точки отсчета пользовался автор, возникали

противоречия в источниках как результат наложения друг на друга раннего и более позднего контуров Белой и Синей Орд. Все сказанное объясняет явную нерегулярность и даже случайность применения терминов “Белая Орда” и “Синяя Орда” в письменных источниках, в которых некоторые специалисты наших дней, исходя из современного понимания смысла, содержания и конкретно-исторического, территориально-политического наполнения, хотели бы видеть совершенно иную картину функционирования.

Некоторые источники особенно запутали вопрос о Белой и Синей Ордах. В первую очередь к ним относится “Аноним Искандара” Му’и ад-Дина Натанзи, который ошибочно поменял местами Белую и Синюю Орды, а также совершенно запутал вопрос о династиях, правивших в Восточном Дашт-и Кыпчаке ²⁴.

Сыграла свою роль и шайбанидская историография, непомерно возвеличившая Шайбана и его потомков. Непоследовательность введения в научный обиход восточных сочинений различных историографий и неправоммерно сохраняющийся высокий авторитет некоторых из них, например того же “Анонима Искандара” и “Шаджара-йи трук ва могул” Абу-л-Гази, подлежащий пересмотру в свете последних достижений источниковедения, также играли и играют до сих пор негативную роль в дискуссии по проблеме Белой и Синей Орд и в историографии Дашт-и Кыпчака в целом.

Дискуссия о местонахождении Белой и Синей Орд. длившаяся начала научного изучения Золотой Орды в России и на Западе, завершилась выводом, что Синяя Орда находилась на востоке, а Белая Орда — на западе. Было установлено, что после Западного похода Золотая

Орда отождествлялась с Белой Ордой ²⁵. Подтверждают это мнение известия “Чингиз-наме”. [29] Особняком стоит мнение А. В. Митрошкиной, которая считает, что Золотая Орда была центром Улуса Джучи, Белая Орда — его левым крылом, а Синяя Орда — правым ²⁶.

Подведены итоги дискуссии ²⁷. Поэтому неожиданной является публикация, в которой без анализа результатов дискуссии воскрешается мнение о восточном местонахождении Белой Орды, да к тому же утверждается, что она была государством, просуществовавшим с середины XIII и по первую четверть XV в. включительно ²⁸.

Следует отметить, что сейчас дискуссия о Белой и Синей Ордах переросла в основном в диспут по поводу времени их возникновения и исчезновения, а также относительно местонахождения и названия удела Шайбана. Не вдаваясь в полемику о времени возникновения Белой и Синей Орд, укажем, что, по данным “Чингиз-наме”, — это собственно почти равные по возрасту Улусу Джучи реалии, восходят они ко времени до Западного похода, и, следовательно, генезис их должен датироваться более ранним временем, чем середина XIII в. Погибла же Белая Орда вместе с Золотой Ордой, а Синяя Орда прекратила свое существование после первых преемников Орда-Эджена, задолго до XV в. Потомки Орда-Эджена еще правили некоторое время после него и даже действовали на второстепенных ролях при ханах других джучидских династий в Дашт-и Кыпчаке, но на смену Синей Орде уже в XIV в. пришли новые политические образования, не соответствовавшие прежним. Политическая карта левого крыла бывшего Улуса Джучи, впрочем, как карта и история правого крыла, стала сложной и быстро меняющейся.

Почти сразу же после смерти Бату (1255) и Орда-Эджена (1280) Белая и Синяя Орды превратились в политико-правовые абстракции, как остатки установлений Чингиза и монгольского права, т. е. функционировали как явления чингизизма. Но они еще долго жили в памяти [30] насельников Дашт-и Кыпчака и соседних народов и в течение веков служили источником права в конкретно-политических акциях.

Как сказано, перерос в новую дискуссию и вопрос об Улусе Шайбана. Поскольку рассказ “Чингиз-наме” о Белой, Синей и Серой Юртах-это одновременно и рассказ о размещении и иерархии Белой и Синей Орд, то и упоминание Серой Юрты в одном ряду с Белой и Синей указывает на существование особой Серой Орды (*Боз Орда*), главой которой был Шайбан. Помещая Улус Шайбана на крайнем западе Улуса Бату, “Чингиз-наме” указывает тем самым на западное расположение Серой Орды, вероятно, на границах с Польшей. Вызывает, однако, недоумение отсутствие упоминаний о Серой Орде в других источниках. Можно, правда, предположить, что некоторые упоминания Йуз-Орды-это в действительности фиксация названия Серой Орды, так как Серая Орда в передаче арабской графикой будет иметь вид *** *боз орда*, а Йуз-Орда— *** *орда*, т. е. Они отличаются друг от друга в арабском написании только одной лишней точкой под первым

зубчиком слова *** *йуз*, которая в скорописном тексте часто сливается со второй точкой, почему слова *боз* и *йуз* становятся графически неразличимыми.

Если тем не менее названия Серой Орды в обследованных к настоящему времени восточных сочинениях и документах нет, это не должно означать, что его не было в действительности и что можно заподозрить фальсифицированность данного сообщения “Чингиз-наме” в угоду Шайбанидам и отмахнуться от него. Можно указать, например, на то, что о существовании *Йуз-Орды* мы знаем из единичных упоминаний этого названия. Но специалисты не усомнились в существовании такой орды, и среди них возникла даже полемика относительно этимологии этого термина

Мы полагаем, что сведения о Боз-Орде в “Чингиз-наме” не могли быть сфабрикованы в XVI в. Утемиш-хаджи в “Чингиз-наме” постоянно ссылается на то, что рассказы о таком-то и таком-то случае широко распространены среди узбеков, под которыми он подразумевает тюрко-язычные роды и племена всего Дашт-и Кыпчака от Дуная до Иртыша и той их части, которая лишь недавно пришла с Шайбанидами в Хорезм. Ведь если бы Утемиш-хаджи предложил фальшивку в рассказе о Белой, Синей и Серой Ордах, то немедленно был бы разоблачен узбеками, среди которых было много знатоков истории Улуса Джучидов. Сам Утемиш-хаджи был хорошо известным лицом в Средней Азии, и предположение о подлоге с его стороны маловероятно.

Таким образом, можно полагать, что известие о Серой Юрте и, следовательно, о существовании особой Серой Орды Шайбана и Шайбанидов является уникальным, а потому особо ценным. Необходимы тщательное обследование уже известных источников, в которых возможно обнаружение каких-то свидетельств в пользу существования Серой Орды, и поиск новых источников. [31]

О том, что серый цвет и серая юрта занимали в монгольских воззрениях на ценностное и социальное градуирование особое место, подобное описанному выше, говорят, например, обстоятельства убийства Чингизханом его соперника шамана Кокочу, когда, “приказав принести с заднего двора запасную серую юрту (разрядка наша.—В. Ю.), он велел поставить ее над Теб-Тенгрием, а затем, приказав заложить подводы, уключивал с этого места”²⁹. Из этого рассказа вытекает, что “серая юрта” в монгольской ценностной иерархии занимала малочетное место. Быть может, это и послужило причиной того, что народное предание и рассказ Утемиша-хаджи не стали популярными, так как Шайбаниды в угоду своему авторитету предпочли замолчать факт предоставления Серой Юрты-Орды Чингизханом Шайбану.

Нам особенно плохо известна внутренняя, событийная история Восточного Дашт-и Кыпчака, т. е. Казахстана XIII—XVI вв. Если Улусы Шайбана и Тука-Тумура имели особые названия, то и другие сыновья Джучи стояли во главе улусов, которые также имели какие-то названия. Ниже мы высказываем гипотезу о том, что каждый улус каждого сына Джучи, кроме Орда-Эджена, Бату и Шайбана, мог именоваться *Йуз-Орда*. Но эта гипотеза не может, разумеется, исключить того, что некоторые улусы могли иметь какие-то специальные имена.

Н. Н. Мингулов полагает, что термином “Синяя Орда” с самого начала назывался Улус Шайбана и находился он на территории между Золотой Ордой и Белой Ордой Орда-Эджена, очерченной на удивление точно во второй половине XVII в. Абу-л-Гази³⁰, что объясняется, вероятно, притязаниями хивинских Шайбанидов на территории к северу от Аральского моря и по Яику и хорошим знакомством с нею Абу-л-Гази, скитавшегося здесь в течение некоторого времени. “Бахр ал-асрар” Махмуда ибн Вали указывает, что Бахадур, сын Шайбана, кочевал на территории *Йуз-Орды*, которая якобы называлась также и Белой Ордой. По “Фирдаус ал-икбал”, владения Шайбана как будто прямо именовались Синей Ордой³¹. Таким образом, Улус Шайбана помещают то в Синей Орде, то в Белой Орде, то в *Йуз-Орде*, которая якобы была тождественна Белой Орде, то ей приписывается особое наименование— Серая Орда, то утверждают, что Синяя Орда — это и есть исконное название Улуса Шайбана.

Если оставить в стороне тенденциозность и прямые ошибки источников, то можно сказать, что все эти противоречия являются реминисценциями двух вышеупомянутых воззрений на время возникновения и местонахождение Белой и Синей Орд и их наложений друг на друга. К этому добавились неясные указания источников о местонахождении Улуса Шайбана. Порождены они весьма многочисленными сочинениями шайбанидской историографии. Ряд конкретно-исторических причин обусловил написание очень большого количества восточных

трудов, [32] посвященных Шайбану и его потомкам, и почти полное отсутствие сочинений, посвященных потомству других сыновей Джучи. Прошайбанидские авторы, каждый по-своему стремясь превознести Шайбанидов, создали ложную картину, что три сына Джучи — Бату, Орда-Эджен и Шайбан — были отличены Чингизханом, а потому занимали особое место среди Джучидов и играли особую роль в истории Дашт-и Кыпчака. Если это верно в отношении Бату и Орда-Эджена, то в отношении Шайбана такое утверждение требует дополнительной аргументации. Для этого необходимо специальное исследование, в котором была бы преодолена прошайбанидская тенденция, а история Шайбана была доказательно изложена в исторически достоверном виде.

К тому же и источники, и современные авторы, как правило, не различают Улус Джучи, Улус Бату, Улус Орда-Эджена, Улус Шайбана, Улус Тука-Тимура и Улусы других сыновей Джучи, с одной стороны, и Улус Джучидов, Улус потомков Бату, Улус потомков Орда-Эджена, Улус Шайбанидов, Улус Тукатимуридов и Улусы потомков других сыновей Джучи—с другой. Да и существовали ли вторые в более или менее стабильном и целостном виде?! Наиболее показательными в этом отношении являются именно сведения об Улусах Шайбана и Шайбанидов. Источники помещают их в самых разных районах Улуса Джучидов— от крайнего запада до крайнего востока. Есть свидетельства, что Улус самого Шайбана еще при его жизни перемещался из одного пункта в другой, с запада на восток, на реку Яик и за нее. В смутное время в Золотой Орде (1360—1380) ряд Шайбанидов перебрался в Волго-Донское междуречье. Шайбаниды на короткое время даже становились ханами Золотой Орды. Это означает, что без скрупулезного, конкретного а отношении времени и пространства изучения динамики исторических изменений всех доступных исследованию Улусов Джучидов на территории Дашт-и Кыпчака трудно ожидать крупных позитивных сдвигов в изучении истории Казахстана XIII—XV и XVI—XVIII вв., да и всего Дашт-и Кыпчака за это время. Понятно, что без использования вышеуказанной методики исследования только произвол современного автора будет обуславливать его выводы.

В свете сказанного трудно переоценить сообщения “Чингиз-наме” о Серой Юрте.

Давно установлено, что название “Золотая Орда” было присвоено Улусу Бату русскими. Этимология названия была установлена после опубликования 1-го тома “Сборника материалов, относящихся к истории Золотой Орды” В. Г. Тизенгаузена. Обычай тюрко-монгольских народов ставить верховному хану “золотую юрту” хорошо известен. “Золотая юрта” была у Ван-хана керейтского ³², у Чингизхана, у Хулагуидов и других степных владетелей. Об этом же говорит и сообщение “Чингиз-наме” о белой юрте с золотой дверной рамой у Бату. Не вся юрта, правда, была золотой, но главное, за Бату утверждалось право на золото. В дальнейшем такая юрта была сооружена, как считают, ханом Узбеком (1312—1341). Ее описал Ибн Баттута: “...в пятницу, после молитвы [33] он (Узбек-хан.— В. Ю.) садится в шатер, называемый золотым шатром, разукрашенный и диковинный. Он [состоит] из деревянных прутьев, обтянутых золотыми; листками. Посредине его деревянный престол, обложенный серебряными позолоченными листками; ножки его из чистого серебра, а верх его усыпан драгоценными камнями” ³³.

О Золотой Юрте, т. е. о Золотой Орде, на Руси узнали немедленно после ее появления. Однако по ряду причин название “Золотая Орда” стали применять лишь с конца XVI в. ³⁴Русские ездили уже не “в Орду”, а в “Золотую Орду”, т. е. название ставки переосмыслилось в название державы. Но и до сих пор историки допускают иногда ошибку, утверждая, что название “Золотая Орда” — исконное и восходит ко времени Бату.

Если существование Золотой Юрты и этимология названия “Золотая Орда” твердо установлены, то до сих пор неизвестной оставалась, однако, конечная судьба самой юрты. Рассказ о том, как она исчезла, был обнаружен нами в “Чингиз-наме”. Произошло это в смутное время в Золотой Орде, в правление ханши Тайдулы, как она именуется в русских источниках. “Чингиз-наме” сообщает: “Когда Тай-Дуглы-бегим (т. е. Тайдула.— В. Ю.) призвала Хызр-хана и сделала [его] ханом на троне Саина, поставила она в качестве свадебной юрты золотую юрту, оставшуюся от Узбек-хана и Джанибек-хана. Рассказывают. Бегим покрасила свои волосы в черный цвет и пожелала выйти замуж за Хызр-хана. Желание жениться [на ней] было и у хана. Был, однако, у него бек из [племени] найман, по имени Кутлуг-Буга, который не согласился. Сказал он: “...Не женись!” Послушался тот его слов и не женился.

Когда почуяла бегим, что не возьмет он ее в жены, начала она оказывать [хану] меньше почета и уважения, чем прежде. Когда же и хан, озлившись на нее, решил разломать золотую юрту, [а золото] поделить между своими казаками, то, прослышав [о том], бегим послала к хану человека,

сказала: "Пусть так не поступают...". Не прислушался к ее словам [Хызр-хан], разломал и поделил. Бегим запылала в свою очередь злобой на хана, собрала своих внутренних беков и прогнала его. Хан ушел назад и снова пришел к Аккулю" ³⁵. Упомянутый здесь Хызр-хан был ханом, вероятно, одним из нескольких, на территории Казахстана. Известно также, что озеро Аккуль находилось в Казахстане ³⁶.

В дальнейшем Хызр-хан вновь собрал войска, пошел походом на Тайдулу и вторично стал ханом в Золотой Орде ³⁷. "Под Сараем [34] произошла битва. Базарчи ³⁸ и бегим были схвачены. Посадили бегим в крытые санки, полость туго завязали и, заложив бешеного жеребца, отпустили на все четыре стороны. Конь этот бешеный понес санки и бил [их] по оврагам и буеракам, пока бегим не погибла. [Поэтому] узбеки говорят:

„Тай-Дуглы-бегим убил Хызр-хан". Обстоятельства этого таковы, [как изложено]" ³⁹. Так погибла Тайдула, так сгинула Золотая Юрта Узбека.

Йуз-Орда. В "Бахр ал-асрар" зафиксирован особый термин "Йуз-Орда" (каз. *Жуз-Орда*.—В. Ю.): "Что касается Бахадура, сына Шайбан-хана, ...он вместо отца стал главенствовать над элем и улусом. Повелев собраться близким родственникам, племенам и четырем каучинам, он выбрал для зимовок и летовок Ак-Орду, которая известна также как Йуз-Орда" ⁴⁰. В другой рукописи "Бахр ал-асрар" имеется еще одно известие о Йуз-Орде: "[Бахадур] для зимовки и летовки избрал Ак-Орду, которая известна под [названием] Йуз-Орда, считал своим обязательным и непрременным долгом подчинение и повиновение потомкам Тукай-Тимур-хана, которые были известны под именем ханских сыновей (букв. 'ханский сын'. — В. Ю.), и в течение жизни не убирал ногу из того круга [повиновения]" ⁴¹.

Термин "Йуз-Орда", по понятным причинам, уже привлек к себе внимание исследователей. Состоит он из тюркских слов *йуз* 'сто', 'сотня' и слова *орда*. Состоялся обмен мнениями. Б. А. Ахмедов перевел его как 'сто орд' ⁴². Грамматически перевод верен, но не единственно возможен. Если обратить внимание на состав таких названий, как *Белая Орда*, *Синяя Орда*, *Серая Орда*, *Золотая Орда*, то нетрудно установить их модель: центральным в этих словосочетаниях является слово *орда*, к которому прилагается детерминатив-определитель, указывающий на особые свойства этой орды. По этому же принципу построено и словосочетание *Йуз-Орда*: здесь также одна *орда*, к которой приложен детерминатив *йуз*. Последний не может быть переведен как 'сто', так как в этом случае мы получим именно "сто юрт", а ведь речь идет только об одной юрте-орде. Поставленным условиям отвечает перевод 'Орда-Сотня', который и был предложен нами в печати ⁴³. С этим переводом согласился теперь и Г. А. Федоров-Давыдов ⁴⁴. Ранее он принимал перевод "сто орд" ⁴⁵. [35]

Но почему Улус Тука-Тимура получил название Орда-Сотня? Допустимо предположение, что произошло это потому, что Тука-Тимур получил 100 юрт-хозяйств собственно монголов из тех 4000 монголов-воинов ⁴⁶, которые были выделены Чингизханом Джучи. Основные контингенты монголов Чингиз отдал, естественно, Бату и Орда-Эджену. Все же прочие сыновья Джучи получили, вероятно, только по 100 монгольских юрт-хозяйств. Традиция наделения тюркской знати сотней хозяйств известна еще из древнетюркских рунических памятников ⁴⁷.

Можно полагать, что этот институт действовал и в Улусе Джучи. Поэтому термином "Йуз-Орда" обозначался, возможно, не только Улус Тука-Тимура, но и улусы других сыновей Джучи, ранг которых был равен рангу Тука-Тимура. Если сказанное верно, то термин "Йуз-Орда" и, по-видимому, сокращенное *йуз/жуз* является в Дашт-и Кыпчаке столь же давним, сколь и "Белая Орда" и "Синяя Орда". Древность же его вообще у тюркских народов доходит, но меньшей мере, до середины 1 тысячелетия н. э.

Иное толкование названия *Йуз-Орда* предложил Т. И. Султанов. По его мнению, слово *йуз/жуз* употреблено в *Йуз-Орда* не в прямом значении 'сто', а в метафорическом смысле — 'основная, главная Орда', в результате чего "получается логически ясная характеристика термина „Ак-Орда" ⁴⁸. Т. И. Султанов, как и некоторые другие исследователи, принимает за бесспорное то, что автор "Бахр ал-асрар" в буквальном смысле отождествляет Йуз-Орду и Ак-Орду. Между тем Махмуд ибн Вали хотел только сказать, что Улус Тука-Тимура в его, Тука-Тимурово, время располагался на землях Белой Орды, и не более. По нашему мнению, из соответствующих высказываний Махмуда ибн Вали не вытекает, что для него Йуз-Орда и Белая Орда были синонимами и равновеликими категориями. Кстати, Махмуд ибн Вали в этом случае продолжил

ошибочную традицию помещения Белой Орды на востоке, которая в данной группе источников восходит, вероятно, к “Анониму Искандара”.

Без внимания осталось указание “Бахр ал-асрар” на то, что потомки Тука-Тимура носили титул “хан оглы” ‘ханыч’, ‘ханский сын’. Употребление в персоязычном тексте этого тюркского словосочетания-титула имело особый, глубокий смысл. Термин этот был таксоном вполне определенного уровня в иерархической номенклатуре Чингизидов в Дашт-и Кыпчаке. Условно его можно передать титулом “принц”. Автор “Бахр ал-асрар” хотел этим подчеркнуть, что ни Тука-Тимур, ни его потомки, по решению Чингиза и курултаев, не имели в Дашт-и Кыпчаке прав на достоинство хана.

Если в Европе титул “принц” и подобные ему предполагали право [36] на наследование трона государства или высокого титула отца или другого предка, то звание “хан оглы” в данном случае указывает на то, что его носители таким правом как раз не обладали. Их наследственным уделом было положение “ханычей” без надежды стать верховным правителем.

Сам Тука-Тимур назван в “Бахр ал-асрар” ханом задним числом — ханом он не был. “Бахр ал-асрар”—сочинение аштарханидской, т. е. в конечном счете тукатимуридской историографии, что, возможно, и объясняет приписывание Тука-Тимуру того, чем в действительности он не обладал. И тем не менее сила воздействия мощной шайбанидской историографии на “тщедушную” тукатимуридскую была столь велика, что Махмуд ибн Вали, не сознавая, вероятно, своего промаха, говорит о поведении Шайбанида Бахадура в Улусе Тука-Тимура как в собственных владениях.

Таким образом, передача значения Йуз-Орды как “основной, главной Орды” теряет доказательную силу.

Когда потомки Тука-Тимура возглавили Казахское ханство (ханства), слово *йуз/жуз* стало, по-видимому, его обозначением ⁴⁹.

Заметим, кстати, что употребление в названии *Йуз-Орда* слова *** *йуз* ‘сто’ именно в такой графической передаче, отражавшей реально-этимологическое звучание, снимает вопрос о возможности соотношения названия *жуз* с арабским словом)*** *джуз*, или *** *джузе* ‘часть’ ⁵⁰.

В заключение добавим, что числительное *йуз* ‘сто’, ‘сотня’, его производные и лексикализовавшиеся словосочетания, возникшие на его базе, равно как и ряд других числительных, довольно активно участвовали в формировании тюркской этнонимии, абстрактной номенклатуры структурно-иерархической терминологии родоплеменной организации тюрко-монгольских объединений, союзов, народов, общественно-политической и военно-административной терминологии.

1. *Йуз* ‘сто’, ‘сотня’. Слово это прежде всего стало обозначением военно-тактической единицы—сотни, так же как и административно-хозяйственного подразделения, включавшего в себя сто хозяйств (юрт, дворов) или обязанного выставлять или содержать сто воинов. Корни этого явления уходят в глубокую древность и связаны с тем, что у тюрко-монгольских и других народов евразийских степей преобладали структуры, основанные на десятичной системе.

Как переосмысление “сотни” в связи со складывавшимися [37] родоплеменными структурами в конкретных обстоятельствах слово *сто* (*сотня*) переосмыслялось в собственное имя родоплеменного коллектива, т. е. становилось этнонимом. Племя или род *йуз* (*юз*) в этом и других фонетических вариантах обнаруживаются в истории ряда народов ⁵¹.

Особым путем семантического развития этого слова следует признать приобретение им значения составной части, на которые делился казахский народ, о чем упоминалось выше.

2. *Йузлик* ‘сотня’. У огузов-туркмен стало термином, обозначающим один из уровней туркменской иерархии родоплеменной структуры. Абу-л-Гази сообщает: “У Огуз-хана было двадцать четыре внука, которые родились у его шести сыновей от законных жен. Кун-хан посадил их по двое в отдельные палатки; они составили двенадцать [*болуков*]. Потомство, народившееся от этих двенадцати [*болуков*], назвали *йузлик*. Это потому, что лицевая (*йуз*) часть всякой вещи лучше ее

оборотной стороны, и, следовательно, йузлики это те, кто обращается к лицу *** (йуз) иля и народа (халк)»⁵². По поводу толкования, которое дал Абу-л-Гази в данном случае слову йуз, А. Н. Кононов совершенно справедливо пишет, что «этот термин имеет прямую связь не со значением 'лицо', как полагает Абу-л-Гази, а со значением 'сто'...»⁵³.

3. *Йузбеги* 'бек-сотник', 'бек, командовавший (или управлявший) сотней'. Известная должность (чин) в следующем восходящем ряду военных и общественно-административных званий: *онбеги* 'бек-десятник', *йузбег1* 'бек-сотник', *кошунбег1* 'бек кошуна', *минбеги* 'бек-тысяцкий', *тумэнбеги* 'бек тумана (тумена, тьмы)', 'бек десятитысячник'. Имеется много других должностей-званий, в состав которых входит слово *бек*, например: *тузбеги* 'знаменный бек', *кушбеги* 'сокольник' (существует также мнение, что последний термин следует правильно произносить как *кошбеги*, а переводить как 'квартирмейстер') и др.

В источниках, однако, встречается такое употребление термина «йузбеги», которое заставляет усомниться в том, что он всегда должен переводиться словами *бек-сотник* или синонимичными ему. Например, в тюркоязычном сочинении «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» встречаются такие выражения как «йузбеги гор Огуз (Окуз) Кушчи-йузбеги»⁵⁴, или «Чакмак (Чикмак)-йузбеги»⁵⁵. Значительность сана названных лиц, что вытекает из контекста, не позволяет принимать их за обычных сотников. По-видимому, истинное общественное, административное или военное положение этих лиц было иным и его еще предстоит выяснять. Известную параллель в изменении семантики слова *йузбеги* в [38] приведенных примерах можно найти в изменении значения слова *онбеги* у туркмен, где оно стало обозначением начальника⁵⁶.

Из разбора значений слова *йуз* и его производных можно сделать вывод, что выявление его истинного значения, причин семантических сдвигов в каждом особом случае требует сугубо индивидуального подхода и совершенно конкретного текстологического и исторического анализа.

Подводя итог сказанному, приведем следующую цитату из работы Ю. А. Зуева, который предпринял еще одну попытку продвинуться вперед в решении проблемы жузов: «Дискуссии, посвященной данному вопросу, отведено уже немало страниц в ученых изданиях, однако общего мнения на этот счет из-за отсутствия конкретных письменных свидетельств пока не достигнуто. По этой же причине большинство опытов реконструкции ранней истории жузов и их семантики основывается на отыскании более или менее созвучных фонетических параллелей слова жуз в исторических документах без привлечения контекста, поэтому заключения, сделанные таким путем, лишены научной доказательности»⁵⁷.

Действительно, новых свидетельств употребления в источниках термина *йуз/жуз* после выхода в свет работы В. В. Вельяминова-Зернова, от которой ведет свой отсчет Ю. А. Зуев, найдено не так уж много, но они есть и введены в научный обиход, например сведения об употреблении в источниках названия *Йуз-Орда*, которые мы приводим. Поэтому правомерным является утверждение, что в решении проблемы жузов наметился определенный сдвиг.

Что касается отыскания «более или менее созвучных фонетических параллелей слову жуз в исторических документах», то следует сказать, что специалисты ищут прежде всего не фонетические созвучия, а само слово *йуз / жуз* и ведут поиск сдвигов его семантики в сторону специфического казахского значения жуз. Но не пренебрегают они и фонетическими параллелями, исследуя их с соблюдением правил исторической фонетики и семасиологии. Работа Ю. А. Зуева может служить иллюстрацией применения такого, безусловно, правомерного, исследовательского приема.

Увлеченный собственными гипотезами и концепциями, часть которых вызывает интерес, Ю. А. Зуев, конечно же, несправедлив и неточен в утверждении, что в большинстве исследований проблемы жузов не привлекается контекст изучаемых источников.

Орды Большая, Средняя, Малая. В проблеме такого наименования орд выявляется несколько аспектов. Во-первых, почему они получали названия больших, средних, малых, т. е. каким было первоначальное значение этих детерминативов и каким стало впоследствии. Во-вторых, [39] когда возникли эти названия. В-третьих, сколько их было в разных конкретных случаях.

Для выяснения этих вопросов, естественно, следует обратиться к более раннему времени, ко времени их возникновения. При этом выявляется, что все вышеназванные аспекты проблемы в их

конкретных проявлениях могут быть удовлетворительно решены в рамках послемонгольского времени. С такими же вопросами сталкивается и исследователь более раннего времени, но в целом и в предмонгольское время они принципиально решаются так же, как и для времени после татаро-монгольских завоеваний.

Прежде всего нужно сказать, что слова *большая, средняя, малая (меньшая)* в приложении к ордам-ставкам и ордам-объединениям означают их иерархию в системе господства-подчинения в разных планах, но не по времени возникновения. С момента появления орд, или, жузов, такая последовательность может иметь связь, но не причинную, а сопутствующую ⁵⁸.

Например, главная, старшая ставка Чагатаидов в долине реки Или именовалась ****Улуг-Иф* ⁵⁹ (*Улуг-эв*) 'Старшая Орда-Ставка', 'Старшая Юрта', 'Старший Дом'. Смысл этого названия в том, что это была главная ставка среди прочих ставок Чагатаидов. Имели ли ставки других Чагатаидов наименования средняя, младшая и т. п. или они назывались по имени возглавлявших их Чагатаидов, мы не знаем, да это и несущественно, так как главное в том, что Улуг-Иф именовался так потому, что он главенствовал над ставками других Чагатаидов.

Большой Ордой называлась ставка поздних ханов Золотой Орды. И в этом случае слово *большая* означало 'старшая', так как ханы, возглавлявшие эту ставку, претендовали на политическое старшинство в отношении других ставок-орд, которых стало много.

В 50-х гг. XVI в. распалась Ногайская Орда, кочевавшая на степных просторах от Волги до Иртыша. В результате выделились Большие Ногаи, Малые Ногаи (Казиев Улус), Алтыульские Ногаи (Улус Шести Сыновей *алты ул*; по-русски его иногда называли *Улус Шти Братьев*, т. е. *Улус Шести Братьев*) ⁶⁰, а позднее и другие ногайские орды. Это были две новые ногайские орды. Из них одна была старшей, [40] другая — младшей. Еще одна имела особое название — Алтыульская, или Шести Братьев, иначе—Джембойлукская Орда. Большие Ногаи были по той причине Старшей Ногайской Ордой, что их правитель Мурза Исмаил был старшим по положению среди своих братьев — ногайских мурз, потомков Едыгея. Хотя и Малые Ногаи, и Алтыульский Улус, и другие были фактически независимыми ордами, тем не менее старшей среди них по своему рангу, хотя и номинально, была все-таки Большая Ногайская Орда.

Таким образом, из приведенных примеров явствует, что в тюрко-монгольском объединении могла быть всего лишь одна Большая/ Старшая Орда при наличии признававших ее верховенство других нескольких орд. Могли быть Большая/ Старшая и Малая/ Младшая Орды. Но могли быть и три орды — Большая/Старшая, Средняя и Малая/ Меньшая/Младшая. Наличие трех орд, имеющих каким-то образом связывающие их имена, было лишь частным случаем структурной организации крупных кочевых объединений. Раскрытие организационной системы таких объединений может быть достигнуто лишь анализом разных по составу объединений, а не только трехсоставных. Верховенство одних орд признавалось другими, которые могли называться какими-то особыми именами, не обязательно отражавшими их иерархию. Что касается старшинства орд, то оно устанавливалось в соответствии с тюрко-монгольскими традициями, в основном по старшинству родственников из правящего рода, которое определялось порядком местничества, но иногда и по завещанию-распоряжению покойного верховного хана/ кагана или бия, т. е. на основании тех принципов, которые пытался насадить Чингизхан, а также на основании тех, которые отстаивал, иногда в противоположность заветам Чингизхана, но авторитетом его имени, его "золотой" род.

Названия Большая, Средняя, Младшая Орды следует признать, безусловно, не зависящими от численности входивших в их состав людей. Фактическое положение дел противоречит такому допущению.

О времени появления в Дашт-и Кыпчаке и причинах употребления слова *йуз/жуз* в качестве термина, обозначавшего ставку (или ставки) Тукатимуридов, и, вероятно, группировку племен вокруг Йуз-Орды, мы говорили выше.

В дальнейшем, в связи с разделением жуза на три части, появились и дополняющие названия — Старший, Средний, Младший Жузы, по русским источникам—Большая, Средняя, Малая Казачьи Орды.

Мнение о древности деления казахского этноса на три жуза бытует в среде историков Казахстана достаточно давно⁶¹. Зиждилось оно на [41] генеалогии казахских племен и преданиях о ханах Хакк-Назаре, Тауке и других. Совсем недавно первым годом достоверного упоминания в источниках жузов назывался 1731 г.⁶² Нам удалось установить, что таким годом может быть назван 1616 г.⁶³ С тех пор более ранней даты установить не удалось. Нам кажется, однако, что углубленное изучение источников непременно принесет положительные результаты. Вспомним, что *три жуза* (каз. *уш жуз*) в переводе означает 'триста'. Именно это число обыгрывается иногда в источниках, рассказывающих о казахах. Так, Бабур писал, что у казахского хана Касыма было триста тысяч войска⁶⁴. В одном из персоязычных источников засвидетельствован приход казахского хана и 300 султанов в Среднюю Азию. Количество примеров можно увеличить. Полагаем, что среднеазиатские авторы осмыслили выражение *уш жуз* как 'триста', или 'три сотни' казахов. Разумеется, в источниках имеются указания и на иную численность казахов, действовавших в конкретных ситуациях. По-видимому, не все числа, содержащие в себе "три сотни", всегда отражали понятие "три жуза". И тем не менее встречающееся в источниках числительное *триста*, *три сотни* при упоминании о казахах иногда являлось, вероятно, своеобразным переводом-переосмыслением казахского понятия "уш жуз". На этом пути стоит вести поиск. Он может привести к открытию прямых известий о жузах до 1616 г.

Но сколько было жузов — два или три — в то время, когда началось деление единого жуза на отдельные жузы, если исходить из этой идеи?

Заметим, однако, что существует противоположное мнение, которое высказал А. П. Чулошников, солидаризируясь с М. Красовским: он полагает, что не три жуза образовались в результате деления первоначально единого казахского народа, а единый казахский народ образовался из слившихся воедино трех ранее независимо существовавших частей, которые или прежде были жузами, или в новом едином народе стали его составными частями — жузами. При этом предполагается, что вначале объединились Старший и Средний Жузы и лишь некоторое время спустя к ним присоединился Младший⁶⁵. Или мы неправильно понимаем А. П. Чулошникова, или следует полагать, что объединившиеся первоначально жузы, которые предусмотрительно приняли названия Старший и Средний Жузы, заранее "планировали" присоединить к себе какую-то группу племен, для которой "резервировали" название [42] Младший Жуз. Такое предположение абсурдно по крайней мере в одном отношении: ведь первоначально объединившиеся две группы племен, естественно, должны были назвать себя Старшей и Младшей Ордами (Жузами). В противном случае мы должны приписать предводителям двух первых жузов такую прозорливость, которая подстать пророкам. Справедливости ради следует признать, что в рассуждениях А. П. Чулошникова мог быть совершен промах не по существу, а чисто словесного свойства. Действительно, вначале могли объединиться две группы племен, которые стали Старшим и Младшим Жузами, а затем к ним могла присоединиться третья группа, которая естественным образом получила название Среднего Жуза.

Однако такое предположение трудно принять. А. П. Чулошников считает, что образование союза трех жузов произошло при Хакк-Назар-хане, а тот был убит в 1580 г. Между тем первое упоминание Старшего Жуза относится к 1616 г. Если учесть существование в структуре казахского народа трех жузов, то, видимо, более естественным будет осторожности ради предположить (в свете вышеизложенных фактов возникновения племенных объединений с названиями Старший и Младший), что в 1616 г. как минимум существовал уже и Младший Жуз. Между прочим, именно такую осторожность и проявляет Т. И. Султанов⁶⁶.

Сообщение о Старшем Жузе в 1616 г. имеет, однако, такой характер, что предполагать его недавнее возникновение трудно. Можно добавить, что когда писал А. П. Чулошников, это известие еще не было введено в научную литературу. Для А. П. Чулошникова временной разрыв между первым упоминанием жузов по известным в его время источникам (1731 г.) и данными преданий о Хакк-Назар-хане был слишком велик, и можно было предполагать, что в этом промежутке происходило множество любых событий. Для таких предположений в наше время хронологические возможности сузились до предела. И затем само обнаружение указания источника на существование в 1616 г. Старшего Жуза не является ли достаточно красноречивым предупреждением!?

После смерти в 1598 г. хана Таваккула казахским ханом стал его младший брат Есим. Одновременно с ним казахским ханом был некий Бахадур. В персоязычном сочинении "Та'рих-и Шайбани", которое идентично "Мусаххир ал-билад" Мухаммадйар бен Араб катагана, приведены сведения о том, что осенью 1603 г. Бахадур-хан совместно с Есимом боролся против ставленника

каракалпаков в Туркестане лже-Шайбанида Абд ал-Гаффар-султана и потерпел поражение. Абд ал-Гаффар овладел Туркестаном, Сайрамом, Ташкентом, Ахсикентом, Андуганом/Андижаном. Весной 1605 г. Бахадур и Есем внезапно напали на лже-Абд ал-Гаффара в Кара-Камыше под Ташкентом, Есим убил Абд ал-Гаффара, [43] и казахи вновь овладели присырдарьинскими городами, Ташкентом и Ферганой⁶⁷. В русских документах от 1617 г. сообщается: “И Топинского государства люди им сказывали, что в Топинском государстве 2 царя: одному имя Ишим, а другому имя Баатырь... А говорят-де про те государства, что то прямая Казачья орда ...”⁶⁸.

Также одновременно с Есимом и Бахадуром казахским ханом был Турсун-Мухаммад, который по “Бахр ал-асрар”, около 1613/14 г. стал ханом в Ташкенте⁶⁹. Более подробно об этих событиях рассказывает персоязычное стихотворное сочинение “Имамкули-хан-наме” (“Имам-кули-ханова книга”) Сухайла, которое, вероятно, послужило источником для “Бахр ал-асрар”. В “Имамкули-хановой книге” сообщается, что Турсун-Мухаммад оказал поддержку Аштарханиду Имамкули-хану, в результате чего Есим и другие казахские владетели были разбиты, потеряли Фергану и некоторые присырдарьинские владения⁷⁰, а Есим со своими родственниками вынужден был уйти в Восточный Туркестан⁷¹. Появился он в Восточном Туркестане после смерти хана Могулии Шах Шуджа ад-Дин Ахмада, случившейся около 1617 г.⁷², ушел же снова в Ташкент, пробыв в Восточном Туркестане около шести лет, т. е. примерно в 1623 г.⁷³ После возвращения Есим около 1628 г. убил Турсун-Мухаммада и вновь укрепился в присырдарьинских районах.

Также одновременно с Есимом казахским владетелем в Фергане был Абулай-султан. Русские документы называют его “Савранским... Казацкие орды... царем Аблаханом”⁷⁴. (В данном случае он именуется Аблаханом потому, что именно так он титуловался населением Казахстана и Средней Азии. Русские же наделили его званием царя. Царский титул на Руси, как известно, присваивался татаро-монгольским ханам, а также ханам, правившим отдельными частями бывшей Монгольской империи, в том числе среднеазиатским и казахским ханам. Не позднее 1616 г. “бухарский царь Имямкули савранского царя Аблахана с его городов согнал, а побегал деи в Казацкую орду, а на его деи место посадил на Савране и на иных городах посаженника своего Турсана-царевича (т. е. Турсун-Мухаммад-хана.— В. Ю.)”⁷⁵. В свете приведенных [44] данных сомнений в том, что Абулай являлся ханом, быть не может. “Имамкули-хан-наме” Сухайла называет также казахскими ханами в первые два десятилетия XVII в. Али, Назара, Кучика...

Таким образом, в 10-х и 20-х гг. XVII в. у казахов одновременно были ханами Есим, Бахадур, Абулай, Турсун-Мухаммад, да кроме того ханами называются еще Али, Кучик, Назар⁷⁶. Такое множество ханов, правивших одновременно, могло быть только в том случае, если казахский народ был разделен на несколько политических единиц. В политическом смысле в конце XVI — начале XVII в. казахский народ не был един. Поэтому неоправданными, во всяком случае неосторожными по отношению к этому времени являются такие высказывания, как “Казахское ханство”, “узурпация власти”, “верховный хан” и под. Положение усугубляется тем, что в источниках ханы нередко называются султанами, а султаны—ханами. Одним словом, ситуация была такова, что с большой долей уверенности можно говорить, что жузы существовали уже в конце XVI в. Следовательно, известия источников как будто подводят к выводу, что жузы действительно образовались примерно во время правления Хакк-Назара. Но и этот вывод признать окончательным трудно, если учесть, что Корей и Джанибек оба были ханами, Касым-хан оспаривал власть у Бурундук-хана и т. д.

Можно сказать, что историк имеет достаточно прочные основания утверждать, что в конце XVI в. жузы уже были, но, памятуя об этом, обязан продолжать поиск, так как вероятность обнаружения известий о более раннем существовании жузов стала очень высокой.

К сказанному добавим, что к настоящему времени накоплено столько данных по истории казахского народа XV—XVIII вв., что не может быть места взгляду на казахскую историю как на прерывистый процесс развития разрозненных групп казахов, а это совершенно уже подрывает основания, на которых возникли воззрения М. Красовского и А. П. Чулошникова.

Причина разделения казахского народа на три жуза, как мы вслед за В. В. Бартольдом и другими историками считаем, “диктовалась хозяйственно-экономическим районированием Казахстана, базирующемся на географо-климатических признаках”⁷⁷. Мы полагаем, что общие экологические факторы, на которые наложились параметры социально-экономические и общественно-политические, обусловили появление жузов и, как следствие, более стабильное воспроизводство жизни.

Для более подробного ознакомления с разными точками зрения на время и причины возникновения жузов мы отсылаем читателя к известным обзорам проблемы ⁷⁸.

Рассмотрение причин возникновения трех жузов определило [45] появление новой гипотезы, которую ее автор обосновывает древней триальной системой организации кочевых союзов племен и народов: “Внешне институт триальной организации сходен с трехродовым союзом, или кольцевой связью племен, когда каждый род из трех выступает родом тестя по отношению к одному партнеру и родом зятя по отношению к другому. Однако здесь связь осуществляется только по отношению к каганскому, центральному роду со стороны двух других, брачащихся с ним, но автономных друг к другу. Эта система межродовых брачных связей, названная нами этническим триумвиратом, накладывалась на систему военно-тактической организации у древних кочевников Азии с обозначенным делением на левое крыло — центр — правое крыло.

Разумеется, нельзя проводить прямую параллель между известиями, восходящими к столь глубокой древности, и явлениями послемонгольской эпохи. Но нельзя и вовсе отрицать действия могущественного фактора традиции. В период создания казахской государственности, несомненно, выступавшей преемницей предшествовавших традиций, их консервативная сила материализовалась в виде триальной системы военно-племенной организации, хотя о ее содержании к этому времени напоминали лишь слабые реминисценции прежних социальных институтов” ⁷⁹.

Скажем сразу, что мы считаем концепцию триальной организации племен в послемонгольский период искусственно сконструированной и надуманной. Да и существование ее в древности, в домонгольскую эпоху, считаем сомнительным и требующим доказательств системно-структурного характера на основе возможно более полного охвата конкретных фактов истории, говорящих “за” и “против”, без какого-либо их выбора.

Проблема, поднятая Ю. А. Зуевым, достаточно серьезна. Это видно хотя бы из того, что его гипотеза уже используется в практике исследовательской работы. С ее помощью, например, пытаются объяснить трехсоставный характер казахской народности, т. е. происхождение и существование трех казахских жузов, В. В. Востров и М. С. Муканов. Хотя они и прибегают к оговоркам о невозможности прямых параллелей между явлениями этнической истории до-и послемонгольского времени, как и Ю. А. Зуев, тем не менее они приняли ее на вооружение, также не будучи в состоянии найти аргументы в пользу реального существования триальной организации или хотя бы ее пережитков. Поэтому в качестве основной причины деления казахского народа на три жуза они все-таки называют природно-экологический и хозяйственно-экономический факторы, действие которых было усилено причинами социальными и другими.

Поэтому позитивное или негативное, но правильное решение вопроса относительно гипотезы будет полезным для уяснения сути общественного строя кочевых тюрко-монгольских и других народов Евразии в древности и средневековье. [46]

Во-первых, отметим, что никаких систем, традиций или реминисценций триальной организации племен в послемонгольское время мы в истории народов Дашт-и Кыпчака не видим, так же как и сомневаемся в ее существовании во все предшествующие эпохи. Факты, долженствующие аргументировать триальную организацию, представляются нам в целом специально подобранными и особым образом истолкованными, вольно или невольно — это уже другое дело.

Во-вторых, для подтверждения существования института триальной организации Ю. А. Зуев приводит свыше десятка тюрко-монгольских “этнонимов с детерминантой *три*” ⁸⁰. Приведенная подборка производит довольно внушительное впечатление, но только потому, что рассматриваются лишь этнонимы, образованные при участии числительного *три*. Участвуют же в тюрко-монгольском этнонимообразовании и числительные *четыре*, *пять*, *шесть*, *семь*, *восемь*, *девять*, *десять*, *тридцать*, *сорок*, *сто*, *тысяча*, *туман* и другие. Некоторые из них в составе этнонимов встречаются не реже, чем *три*, а может быть и чаще. Чтобы установить это, достаточно обратиться хотя бы к известным работам Н. А. Аристова по родоплеменному составу тюркских народов ⁸¹. Для того чтобы этнонимы с числительным *три* приобрели силу доказательства существования триальной организации, необходимо сплошное обследование тюрко-монгольской этнонимии, образованной с использованием числительных, с целью выявления ее системности и особого места этнонимов с числительным *три* в системе. Без такой предварительной работы можно, конечно, найти и триальную организацию и организации,

основанные на числах “четыре”, “пять” и т. д. Одним словом, список этнонимов с числительным *три* до проведения такого обследования не имеет доказательной силы.

В-третьих, видеть корни триальной организации племен в трехкомпонентной военной организации левое крыло — центр — правое крыло невозможно потому, что трехсоставная военная организация возникала только как построение войска во время военных кампаний. В мирное время такой организации не существовало—были левое и правое крылья этноса или объединения племен, но центра не было. Ханская или каганская ставка отнюдь не была равной по своему значению, количеству принадлежащих к ней людей и прочим признакам центру военно-тактического построения войск кочевников. Проекция военного строя на социальный строй в данном случае не корректна. Опровержение нашего утверждения требует убедительных доказательств существования центра, т. е. аргументированного исследования по поводу значимости центра в мирное время. Между тем Монгольская империя, как и другие степные образования в послемонгольское время, делилась на большее количество улусов, чем три. И ставок, равных по значению, было много, [47] гораздо больше трех. В Монгольской империи были Улусы Джучи, Чагатай, Угедея, Тулуя, Хулагуидов в Иране и другие. Примерно такое же положение было и внутри улусов Монгольской империи, и внутри политических образований, возникших после ее распада.

В-четвертых, ответить на вопрос, почему существовало у “казахов деление на три жуза (“три сотни”) и соответствующее социально-иерархическое соотношение между ними: Улу (Большой, Старший), Орта (Средний) и Кши (Малый, Младший). Почему именно три (а не семь, как у эфталитов, и не восемь, как у киданей) и почему в такой последовательности: Большой — Средний — Малый”, значит ответить, почему Ногайская Орда разделилась на Больших и Малых Ногаев, а также почему из Ногаев выделилась Алтыульская Орда, а в дальнейшем и другие, значит действительно ответить на вышеставленный вопрос об эфталитах и киданях, а также о многих других народах и объединениях в том же Дашт-и Кыпчаке. Почему, в самом деле, среди народов Дашт-и Кыпчака именно казахи разделились на три части? Почему, если в данном случае действовала система (традиции, реминисценции), действие это не было универсальным и не охватило все тюркоязычные народы Дашт-и Кыпчака? Полагаем, что все это имело место потому, что в конкретных условиях действовали конкретные причины, почему и результат был конкретным и специфическим. Разделение казахского народа на три жуза — лишь частный случай действия совокупности конкретно-исторических причин, что мы и пытались показать выше.

Полагаем, что ни традиционные идеологические системы, ни брачно-ритуальные традиции не лежат в основе выделения жузов. Во всяком случае влияния названных факторов на оформление структуры этносов евразийских степей в послемонгольское время обнаружить не удастся. Считаем также, что деление кочевых коллективов на три, четыре и иное количество частей происходило прежде всего под давлением материальных условий жизни и лишь впоследствии получало идеологическое осмысление, точнее, мнимоидеологическое осмысление, которое в сознании людей приобретало права приоритета и исконности. Квази-идеологическому переосмыслению такого типа, как правило, сопутствовала народно-этимологическая, следовательно, ложно-этимологическая интерпретация или, по-другому, мнимоидеологическое обоснование становилось составляющей ложной народной этимологии. В наши дни излишний “интеллектуализм” некоторых исследований, настойчивый поиск обязательной “игры идей” за событиями давней и слабо обеспеченной источниковыми данными истории влечет за собой мену местами причин и следствий, невольное выведение базисных явлений из надстроечных.

Ю. А. Зуев считает, что “реально существенным в разрешении данной проблемы должен быть не поиск того или иного наименования, а выяснение исторической роли этнических компонентов в составе народа”⁸². Действительно, поиск наименований — не самоцель, на что уже неоднократно указывалось. Однако, чтобы выявить в источниках известия [48] о тех или иных этнических компонентах, нужно искать, а искать можно только по их названиям или, в случае переименования, по другим наименованиям или описательным “этнонимозаменителям”⁸³, т. е. отталкиваться в поиске все-таки от имен. Есть ли другая методика выявления в источниках конкретных известий о конкретном этническом коллективе?!

Что подразумевается под выяснением “исторической роли этнических компонентов”? Их роль в истории до образования народа (этноса)? Судя по работе Ю. А. Зуева, имеется в виду это. Но на какую временную глубину? И если исследуется роль, скажем, найманов, аргынов, кыпчаков, джалаириров, конратов, других компонентов в до-и послемонгольский периоды, то как быть с таким явлением, как множественность коллективов с такими наименованиями до их вхождения в

казахский этнос? Иначе говоря, как выяснить, какая из нескольких групп, например, аргынов или найманов, известных нам по источникам, вошла затем в состав казахского народа? Из статьи Ю. А. Зуева не следует, что у ее автора на эти вопросы есть четкие ответы.

И, наконец, пожелание Ю. А. Зуева использовать для решения проблемы жузов казахские предания и легенды совпадет с общим мнением и опытом. Однако следует отметить, что, как правило, исследователи ищут и находят в устных источниках то, что подтверждает защищаемые ими тезисы, а то, что противоречит, обходят и не интерпретируют. Именно такова методика использования легенд и преданий в работах Ю. А. Зуева⁸⁴. Но при таком подходе данными устных источников можно обосновать почти все. Мы хотим сказать, что необходима разработка научной методики использования известий преданий и легенд и не только известий, “подтверждающих” гипотезы, но и методики обязательного рассмотрения и опровержения противоречащих данных.

Мы привели лишь несколько напрашивающихся сами собой замечаний и возражений. Только убедительный ответ на эти и другие возможные возражения и вопросы позволил бы принять гипотезу Ю. А. Зуева в качестве полезного руководства в исследовательской работе.

Нашим убеждением является то, что решение некоторых аспектов проблемы жузов, все еще остающихся не до конца выясненными, возможно только на путях скрупулезного анализа конкретных данных источников различного характера и активного поиска и введения в научный обиход новых источников.

Мамаева, Ногайская, Крымская и другие Орды. Названия Мамаева [49] Орда, Муратова Орда и многие подобные возникли по именам лиц, возглавлявших их фактически или номинально. Большинство их существовало недолго, до гибели возглавлявшего их лица. Люди такой орды обычно вливались в состав какой-либо другой орды.

Чтобы показать, как много неизвестного таится еще в истории Казахстана, в истории кочевых объединений и держав Восточного Дашт-и Кыпчака, мы расскажем об Орде Тенгиз-Буги из племени кыйат. Тенгиз-Буга был сыном Джир-Кутлу, полновластного владетеля левого крыла Золотой Орды, который, по сведениям некоторых источников, был убит Урус-ханом. В свою очередь Джир-Кутлу был сыном Исатай кыйата. Последний в источниках известен под именем Иса-гурген, или Иса-курэкан. Он был могущественным временщиком золотоордынского Узбек-хана. За заслуги Узбек-хан пожаловал Исатай кыйату всех Джучидов, кроме Шайбанидов. Эти Джучиды составили особый кошун и находились при Исатай кыйате на положении рабов или крепостных. От Исатай они перешли к Джир-Кутлу, а от Джир-Кутлу—к Тенгиз-Буге.

По сведениям “Чингиз-наме”, смутное время в Золотой Орде началось с воцарения Бердибек-хана (1357—1359).

В его время Кыйат Мамай увел часть людей Золотой Орды в Крым, а Кыйат Тенгиз-Буга — к низовьям Сырдарьи. Так появилась знаменитая Мамаева Орда и возникла не известная еще историкам Орда Тенгиз-Буги на территории Казахстана.

Тенгиз-Буга использовал Джучидов в качестве чернорабочих на строительстве мавзолея над могилой своего отца. Далее в “Чингиз-наме” следует авантюрный рассказ о перевороте, устроенном Джучидами. Кратко передаем его содержание.

Джучидам стало известно, что в орду-ставку Тенгиз-Буги приехал гонец. В орде состоялось совещание, на которое пригласили одного из Джучидов, по имени Кара-Ногай, или, кратко, Ногай. Другим его именем было *Алп-Атгучу-бахадур*, т. е. Великан-Стрелок-богатырь. Среди оставшихся Джучидов был некто по имени Букри-Ходжа-Ахмад, другим именем которого было *Сагышы-Артук-Сайчи-орлан*, т. е. Мудрый-Сайчи-оглан. Этот Мудрый-Сайчи-оглан разъяснил остальным Джучидам ситуацию. По его словам, гонец привез известие о смерти Бердибек-хана. В связи с этим Тенгиз-Буга устроил совет. На этом совете Тенгиз-Буга и его приближенные убеждали Кара-Ногай в том, что провозгласят его ханом, если тот даст согласие на истребление всех Джучидов. Кара-Ногай якобы согласился.

Джучиды устроили засаду и схватили вышедшего из орды Тенгиз-Буги Кара-Ногай. Когда ему обещали, что Джучиды в свою очередь сделают Кара-Ногай ханом, он рассказал о совещании в орде, и его слова полностью совпали со словами Мудрого-Сайчи-оглана.

Джучиды решили устроить переворот и на следующий день удачно его осуществили, убив Тенгиз-Бугу. Ханом был провозглашен Кара-Ногай. “Оба они, сын Мангутая Хызр-хан и Кара-Ногай, в один месяц стали ханами. Хызр-хан стал ханом в Сарая на его [Саин-хана] троне, а Кара-Ногай — на берегу [реки] Сыр в левом крыле”⁸⁵. [50]

“Три года правил Кара-Ногай на берегах Сыра...”⁸⁶. После его смерти ханом стал его младший брат Туглы-Тимур. Неизвестно, сколько лет он был ханом, но после его смерти ханом якобы стал Урус, сын Бадык-оглана, т. е. Урус-хан, основатель династии казахских ханов.

Историчность лиц и событий этого рассказа подтверждается таким источником, как “Сборник летописей” Кадыр-Али-бий джалаира⁸⁷. Имена Джучидов из этого рассказа мы находим в родословных Джучидов, в разделе потомков Тука-Тимура.

Таким образом, Утемиш-хаджи сохранил для нас сведения об образовании на берегах Сырдарьи Орды Кыйата Тенгиз-Буги, о которой нам до сих пор ровным счетом ничего не было известно⁸⁸. Если об Орде Кыйата Мамай известно очень много, то этим мы обязаны русским и некоторым другим источникам. Однако одновременно со смутным временем в Золотой Орде началось смутное время в Средней Азии, где оно закончилось с образованием государства Эмира Тимура. Поэтому среднеазиатские источники, т. е. основные источники по истории Казахстана рассматриваемого времени, сохранили крайне мало информации о событиях в степях Восточного Дашт-и Кыпчака.

В годы смутного времени степи жили, оказывается, бурной жизнью. На смену Орде Тенгиз-Буги пришли времена правления ханов-Джучидов из рода Тука-Тимура, но не той линии, из которой происходил Урус-хан. Имена некоторых из этих ханов нам известны и из других источников. Так, о Туглы-Тимуре (Туглук-Тимуре) мы знаем, что он был ханом, но в известных источниках он отождествляется с могулистанским ханом-Чагатаидом Туглук-Тимуром. В разъяснении, которое дал Утемиш-хаджи к имени Туглы-Тимура на основании имевшегося на руках у хивинского Шайбанида Дост-султана дафтара, т. е. письменного источника, говорится: “Этот Туглы-Тимур стал великим государем. Он повелевал Самаркандом и Бухарой”⁸⁹. Следовательно, дафтар также отождествляет Туглы-Тимура “Чингиз-наме” с могулистанским ханом Туглук-Тимуром.

Между тем рассказ из “Чингиз-наме”, являющийся разделом из степной устной историологии, не сообщает ничего о связях Туглы-Тимура и Туглук-Тимура могулистанского.

Мы вправе считать, что “Чингиз-наме” донесло до нас замечательный [51] рассказ из предыстории казахских ханств, который историкам еще предстоит только проанализировать.

Такие орды, как Ногайская (Мангытская), Казачья (Казахская), Каракалпацкая, Калматцкая (Калмакская) и другие, получали свои названия как результат процесса формирования новых этносов из кочевников Дашт-и Кыпчака. Новые этносы складывались в основном из племен и родов так называемых кочевых узбеков. Последние же получили свое название от золотоордынского хана Узбека, одного из последних потомков Бату. Узбеками называлось население и Западного, и Восточного Дашт-и Кыпчака, а не только кочевники Восточного Дашт-и Кыпчака. Последнее мнение довольно широко распространено среди историков Казахстана и Средней Азии, но не соответствует действительности. Этноним узбек долее всего продержался именно в Восточном Дашт-и Кыпчаке, но это не основание тем не менее относить его только к населению восточной части бывшего Улуса Джучидов.

По поводу происхождения названия узбеков и их орд существует дискуссия, которая возникла давно, продолжается сейчас и далека от завершения. Заметим, что в названии населения Дашт-и Кыпчака “узбек” заложено любопытное явление, еще не получившее надлежащей оценки. В нем отразился процесс формирования огромного этноса на территории от Дуная до Иртыша. Сколь реален был этот процесс, до какого времени он продолжался и когда прервался, насколько далеко он зашел, какова была степень консолидации родов и племен, захватывал ли он широкие народные массы или получил отражение только в сознании господствующих слоев — это вопросы, все еще ждущие своего решения.

Несмотря на наличие определенных успехов в решении проблемы формирования большой даштыкыпчакской узбекской общности, ее исследование тормозилось заметным негативным отношением к самой ее постановке и значительными трудностями теоретического и практического,

объективного и субъективного характера. Проблема же эта не является надуманной. Она вполне реальна и сходна с проблемой формирования монгольской общности в процессе и после монгольских завоеваний в том смысле, в каком мы ее находим, например, в “Джами’ ат-таварих” Рашид ад-Дина и в сложении которой (в сознании ли авторов “Джами’ ат-таварих” или в действительности) участвовали не только монгольские, но и тюркские племена, быть может, последние в большей мере, чем собственно монгольские.

Такие же и сходные трудности существуют в изучении других орд, в названии которых присутствуют названия формировавшихся народностей. Решить вопрос о происхождении каждой из таких орд — это значит решить вопрос о сложении каждой из таких народностей. Многое на этом пути уже предпринято и достигнут большой конкретный результат, но масса частных и общих вопросов этой проблематики нуждается в доисследовании и даже в постановке.

Скажем лишь несколько слов о возникновении Казачьей Орды, т. е. в конечном счете о сложении казахской народности. О том, что казахи [52] являются обособившейся частью большой даштикыпчакской узбекской общности, уже писали. Из этого вытекает, что предыстория казахов — в истории так называемых кочевых узбеков Дашт-и Кыпчака. Высказывалось мнение, что история казахов начинается не с откочевки Керей и Джанибека, а гораздо ранее. Если это так, то нужно искать не только причины, но которым казахи выделились из узбеков, но и те события, в которых это выразилось. Возможно, часть этих событий зафиксирована в вышеприведенном рассказе о Тенгиз-Буге и Джучидах.

Отметим один парадокс. Основатель династии казахских ханов Урус правил в то время, когда казахи не назывались еще казахами. Он правил узбеками. То же самое можно сказать и о некоторых его потомках. Лишь после откочевки Керей и Джанибека слово *казак* становится этнонимом, а казахские ханы оказываются действительно во главе казахов. Вскоре после этого слово *казак* распространяется в этом новом качестве на огромных просторах Восточного Дашт-и Кыпчака и Семиречья. Произошло переименование узбеков Восточного Дашт-и Кыпчака в казахов, сопровождавшееся некоторыми дополнительными процессами их этнической истории.

Таким образом, династия казахских ханов возникла как бы раньше, чем сложилась казахская народность, если исходить из того, что превращение слова *казак* в этноним знаменовало сложение народности.

Если внешние контуры этого процесса уже ясны, то все-таки существует еще путаница и неуверенность относительно исходного значения слова *казак*, а также порожденные М. Красовским, А. П. Чулошниковым и другими сомнения в том, когда слово *казак* впервые превратилось в этноним.

По поводу исходного значения слова *казак*, можно заметить следующее. Для того чтобы установить, какое значение имело слово *казах*, когда оно превратилось в этноним, не нужно знать всей его “семантической” истории. Чтобы прекратить дискуссию, достаточно знать, какое конкретно значение послужило семантической базой этнонима. А это значение установлено давно. Оно в обозначении лица, ведущего образ жизни *казака*, действующего в качестве *казака*, представляющего институт *казачества* у тюркских народов. Переводов этого слова предложено много. Можно сказать, что все эти переводы верны и в то же время неверны. Переводы правильно характеризуют какую-то сторону деятельности *казака*, оставляя нераскрытыми другие. Иными словами, слово *казак* непереводимо. Поэтому русские и восприняли его, не переводя.

Что касается того, для обозначения какого коллектива впервые было использовано слово *казак* в качестве этнонима, то можно сказать, что в наше время какие-либо колебания или сомнения по этому поводу уже неуместны. Таким коллективом были люди, сопровождавшие Керей и Джанибека в откочевке и присоединившиеся к ним в Семиречье несколько позднее. История превращения нарицательного имени *казак* в этноним начинается с прецедента этой откочевки.

Все другие случаи использования слова *казак* для обозначения отдельных лиц или групп кочевников Дашт-и Кыпчака не обнаруживают [53] его превращения в этноним. Таких случаев было множество до откочевки Керей и Джанибека и после нее. Даже используя цитаты из источников в этой статье по другим поводам, мы в двух случаях невольно привели свидетельства о тюркских коллективах *казаков*, но не *казахов*. Во-первых, это *казаки* в цитате из “Чингиз-наме”,

для которых Хызр-хан разломал Золотую Юрту Узбек-хана. Во-вторых, это *казаки-шибаны* и *казаки-ногаи*, которые вместе с Шайбанидом Иваком (Ибаком) напали на Белую вежу (Белую орду-ставку) золотоордынского хана Ахмада в цитате из “Устюжского летописного свода”. Примеры можно умножать и умножать. Но только откочевка Керей и Джанибека наполнила слово *казак* этническим содержанием. Говорят и пишут иногда, что нельзя переоценивать значение откочевки. Но нельзя и недооценивать. Хотя бы потому откочевка Керей и Джанибека имеет выдающееся значение в истории казахского народа, что именно она дала ему его имя. Но было ли это событие началом или венцом формирования народности или какой-то иной фазой процесса — это еще подлежит доисследованию, хотя априори или исходя из некоторых фактов можно полагать, что начальные этапы сложения собственно казахского этноса предшествовали принятию имени *казак*. Нельзя забывать, что на Востоке, в том числе отчасти и в евразийских степях, складывавшиеся и уже сложившиеся этносы типа народности веками обходились без обобщающего имени. Задача заключается в том, чтобы суметь увидеть в потоке фактов событийной истории признаки консолидации этносов, а не вовлекаться в эмоциональный диспут на основе общелогических или умозрительных посылок.

Таким образом, происхождение названия орды по этнониму непосредственно связано с происхождением народности (этноса), с обстоятельствами ее зарождения и оформления. В полной мере это видно и из истории названия Казачья Орда.

Что же касается названий таких орд, как Волжская, Заяицкая, Перекопская, Крымская, Залесская, Городецкая, Джембойлукская, то их возникновение связано с обособлением определенных кочевых коллективов на определенной территории и закреплением территорий за этими коллективами. Этимология таких названий прозрачна, и их проблема — это прежде всего проблема не названия, а причин и времени обособления и последующей судьбы орд — этнических коллективов.

Несколько слов скажем о Джембойлукской, иначе Алтыульской Орде, или Орде Шести Братьев. Название *джембойлуки* может быть переведено, как ‘люди, живущие по реке Эмба’, где действительно находились кочевья этой группы ногаев. Название *Джем-Бой*, или *Джем-Бойы* не одиноко, оно стоит в ряду значительного количества однотипных. Например, в “Шараф-наме-йи шахи” Хафиз Таныша река Сырдарья называется *Талаш-Бой* (или *Талаш Бойы*), т. е. ‘Таласская река’, или ‘Река Талас’. Та же модель обнаруживается в названии *Узбой*, русла Амударьи, впадавшей в Каспийское море. Таких примеров немало. Везде в этих случаях слово *бой* имеет значение ‘река’ и является синонимом слов *дарйа*, *су*, *эзен* и других. [54]

История названий орд по местам их кочевий — интересный объект исследования. Они возникали или только на тюркской почве, или только на русской, или заимствовались, обычно с какой-то перестройкой, из тюркских языков в русский. Были и обратные заимствования. Сама история названий таких орд — в значительной мере история отдельных тюркских коллективов, составлявших эти орды.

Интересно, что эти орды появлялись в результате разрушения тех, иногда гигантских, образований, которые возникали как следствие татаро-монгольских завоеваний и утверждения “мира по-монгольски”, т. е. как результат политики и продолжение идеологии чингизизма. Справедливо утверждение, что распад Монгольской империи и Улусов Чингизидов — результат освободительной борьбы покоренных народов. Действительно, центробежные силы в Улусах Чингизидов, в частности в Улусе Джучидов, были неодолимы. Социально-экономические, демографо-экологические и другие факторы ломали “Чингизово наследие”. Однако в самом этом процессе заложен парадокс. Против “Чингизова наследия”, т. е. против чингизизма, кочевые народы Дашт-и Кыпчака, да и многих других регионов, во главе которых стояли все те же Чингизиды, должны были бороться и боролись методами и средствами чингизизма, о чем говорилось выше. Разрушая Улус Джучидов, Джучиды обосновывали свои права, и прежде всего свое право устранения других Джучидов, интересами рода Джучидов, “разделом Чингизхана”, следовательно самим чингизизмом. “Чингизизм против чингизизма”— вот одна из форм проявления освободительной борьбы тюркских народов против монгольского засилья и ига. После тюркизации монголов и Джучидов в Дашт-и Кыпчаке это была уже не собственно борьба против монголов, а борьба против установления чингизизма. Да и почти любая другая, социальная и политическая борьба, вызывавшаяся объективным ходом исторического развития, проходила под лозунгами античингизизма, но и во имя чингизизма. Так продолжалось до тех пор, пока во главе орд-держав стояли Чингизиды и те господствующие слои, которые в своей практической деятельности руководствовались чингизизмом.

Поучительна в этой связи история Едыгея, фактического основателя Ногайской Орды. Продолжая политику Золотой Орды в отношении Руси и других покоренных стран и народов, он действовал на основании установлении чиигизизма и ради его восстановления и укрепления. Добиваясь политической самостоятельности и единовластия в Золотой Орде, он боролся против Джучидов, и это была борьба против чингизизма.

В борьбе против Чингизидов и чингизизма Едыгей и его потомки прибегли к испытанному средству. Они сфабриковали легенду о происхождении Едыгея от первых деятелей ислама. Тем самым Едыгей и его потомки получили статус саййидов, или ходжей. В связи с тем, что Едыгей настойчиво насаждал ислам в степях, можно сказать, что в борьбе против чингизизма он использовал и эту конфессию и тем самым повышал свой авторитет— авторитет мнимого саййида.

Однако в его эпоху еще не пришло время искоренения чингизизма. Сам Едыгей правил от имени подставных ханов-Джучидов. Это [55] показывало, что чингизизм в степях был еще мощной силой. В источниках о Едыгее, его потомках говорилось, что были *** *б1р1* — хан, *б1р1* — бий 'один — хан, другой — бий'. И в это крылатое выражение вкладывался тот смысл, что хан был политическим фасадом, подставной, декоративной фигурой, а бий решал практические дела, был выразителем реальной власти.

Хотя Едыгей часто менял ханов, не считался с ними и немало их уничтожил, тем не менее он еще не мог отказаться от института ханской власти. Такое положение сохранялось и при нескольких поколениях его преемников — биях Ногайской Орды. С течением времени потомки Едыгея все-таки преодолели традицию и отказались от использования подставных ханов, т. е. решились и сумели преодолеть чингизизм.

Но не только в этом отношении Едыгей покусился на прерогативы “золотого” рода Чингизхана. Он заложил основы уничтожения политико-правовой системы чингизизма в степях. Древний термин “бий” и новые титулы “нурадин”, “кейковат” (кейковат), “тайбуга” стали терминологическим выражением ее крушения.

Собственные решения Едыгея по разным случаям стали прецедентом, на котором зиждилось обычное право ногаев, да и некоторых других кочевых народов. “Право Едыгея” и “право Едыгеидов” были аналогом Ясы Чингизхана, яс других Чингизидов, да и прецедентов кодифицирования обычного права домонгольской эпохи.

Показательно происхождение вышеназванных терминов. “Нурадин” — это *Нур ад-Дин*, в народном произношении *Нурадин*, имя сына Едыгея, ставшее названием должности-титула наследника бия Ногайской Орды. “Кейковат” — также имя сына Едыгея, ставшее названием должности-титула второго после нурадина лица в Ногайской Орде. “Тайбуга” — имя бия Тай-Буги, сыгравшего значительную роль в истории Улуса Джучидов. Титул “хан” ушел из Ногайской Орды, а на его месте возродился старый степной титул “бий”, которым стал называться носитель верховной власти у ногаев. Русские передавали его словом 'князь'.

Казалось бы, произошла демократизация общественного строя ногаев. Но это было не так. Сущность власти Едыгея и его потомков аналогична сущности власти Чингиза до провозглашения его ханом (каганом). В Ногайской Орде, таким образом, обнаружилось движение вспять, к более архаичным формам организации власти. Причины — в истории Золотой Орды и самих ногаев. Ногайская Орда по сравнению с Золотой Ордой была более отсталым образованием. В ней, например, почти не было городов. В сознании господствующих слоев ногайского общества эти перемены отразились превратным образом, они осознавались как возврат к “золотому веку степной вольницы”, как восстановление основ родоплеменного строя, “нарушенных” предшествующими этапами исторического развития, протекавшими под знаком чингизизма. В действительности, однако, эти явления знаменовали возврат к более консервативным социально-экономическим отношениям, отношениям господства-подчинения, устраивавшим ту часть господствующих слоев, которая ориентировалась на кочевой образ жизни в степях и была противницей городской ориентации. Ногайская Орда была самым [56] “кочевым” из кочевых образований Дашт-и Кыпчака. Идеологическое выражение последняя традиция получила в эпосе так называемого “ногайлинского” цикла.

Введение вышеупомянутых терминов не было словесной игрой. В формировании этой терминологической системы отразились процессы долгой борьбы против чингизизма, его поражения и формирования новой идеологии, на основе коренных идейно-психологических сдвигов в сознании ногайского общества. Эту новую идеологию и мировоззрение можно назвать “едыгеизмом”. Это был очередной степной идеологический и мировоззренческий переворот типа все того же “чингизизма” или “огузизма”.

Отталкиваясь от рассмотрения этимологии названий орд и некоторых аспектов их истории, мы хотели показать, что возникновение, развитие и исчезновение таких орд — это не просто история бесконечных и бессмысленных войн, растративавших людские, материальные и культурные ресурсы, но и история родов, племен, этносов, история с закономерностями, общими для всех народов, но в то же время и конкретная, специфическая. Часть этих этносов продолжает существовать в народностях и нациях нашей страны. Это была история людей!

Мы хотели также показать, что за внешней стороной истории степных народов находится внутренняя, история идеологии и мировоззрения. Если степные идеологические и мировоззренческие перевороты и были стадияльно однотипными явлениями, то каждый из них был все-таки конкретным и своеобразным. Изучение этой “внутренней” истории поможет более глубоко понять смысл исторического прошлого бывших кочевников, понять изменения материального порядка, сопровождавшиеся этапом перестройки духовного порядка.

Одновременно на примерах из истории отдельных орд мы хотели показать и некоторые специфические и конкретные особенности протекания общего исторического процесса в степях.

Комментарии

1 См., напр.: *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. Л., 1938. С. 17, 144—147.

2 *Козин С. А.* Сокровенное сказание. М.; Л., 1941.

3 Дискуссию по этому вопросу между В. В. Бартольдом и Б. Я. Владимирцовым и новейшую литературу см.: *Бартольд в. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. М., 1963. Т. 1. С. 90—91; *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов; *Козин С. А.* Сокровенное сказание, особенно с. 29—75.

4 *Утемиш-хаджи ибн Маулана Мухаммад Досту.* Чингиз-наме. Рук. ИВ АН РУз., № 1552, л. 476.

5 Об Огузе и цикле преданий о нем см., например: *Кононов А. Н.* Родословная туркмен: Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. М.; Л., 1958; *Щербак А. М.* Огуз-наме. Мухаббат-наме. М., 1959; Книга моего деда Коркута: Огузский эпос / Пер. акад. В. В. Бартольда. М.; Л., 1962.

6 Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 370; *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков: (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974. С. 470—472.

7 Русская летопись сообщает, например: “В лето 6989 (1481 г.—*В. Ю.*) Поиде князь Андрей Васильевич угличский к берегу на Угру против царя Ахмата да с ним брат его князь Борис Васильевич своими дворами. И слышав то царь Ахмат, что князь великий смирился з братьею, и убояся брата великого князя и побежа от Угры месяца сентября в 15 день, не дождався короля... Тое же зимы слышав царь Ивак Шибанский, что царь Ахмат идет с Руси, а воивал землю Литовскую, полону и богатства бесчисленно, и приде царь Ивак в Ногаи, а с ним силы 1000 казаков. И взял с собою шурью свою из Ногаи Мусу мырзу да Ямгуръчеи мырза, а с ним силы пятнадцать тысяч казаков, и перевезеся Волгу на горную сторону, а уже осень. И поиде на переем на Ахмата царя и перенял след его за Доном, и понде после Ахмата по вестем. И как Ахмат разделился своими ити салтаны, на зимовище приде и ста зимовати расплошася. А царь Ивак приде на него силою своею безвестно с мырзами месяца генваря в 6 день. Приде на него на утре изноровася, а царь Ахмат еще спит. А царь Ивак сам вскочи в Белу вежу цареву Ахматову и уби его своими руками. А силы межи собою не билися. А шибаны с наган начаша ахматову орду грабити меж Доном и Волгою, на Донцу на Малом близ Азова. И стоял царь Ивак 5 дней на ахматове орде и поиде прочь, а ордобазар (разрядка наша.—*В. Ю.*) с собою поведе в Тюмень, не грабя, а добра и скота и полону литовскаго бесчисленно поймал и за Волгу перевел” (см.: Устюжский летописный свод: (Архангелогородский летописец) М.; Л., 1950 С. 93—94).

8 *Низам ад-Дин Шами.* Зафар-наме // Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973. Вып. 1. С. 108 (далее МИКК, 1); *Шараф ад-Дни. Али Иазди.* Зафар-наме /, Там же. С. 139; *Абд ар-Разак Самарканда.* Матла' ас-са'даи ва маджма' ад-бах-раин // Там же. С. 156.

9 *Му'ин ад-Дин Натанзи.* Муитахаб ат-таварих-и Му'ини // Там же. С. 126.

10 *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. С. 546—547.

11 Там же. С. 470—472.

12 Там же. С. 546—547.

- 13 Там же. С. 513—515.
- 14 О предпринимавшихся попытках этимологизирования слов *орда*, *вргэ*, ай см.: Севортян Э. В. Этимологический словарь... С. 470—472, 513—515, 546—547.
- 15 О значениях слова *орда* в рус. яз. см.: Даль П. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. 2. (И—О). С. 690; Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1958. С. 657; Ожегов С. И. Словарь русского языка, М., 1960 С 447: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1971. Т 3 (Муза-Сят). С. 150.
- 16 Об авторе и соч. см.: Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан // Соч. М., 1973. Т. 8. С. 164—169; История Казахской ССР: С древнейших времен до наших дней. Алма-Ата, 1979. Т. 2. С. 379. Вышеуказанной рукописью “Чингиз-наме” пользовался и В. В. Бартольд. О другой рукописи “Чингиз-наме” см.: Валидов А.-З. Восточные рукописи в Ферганской области // Записки Восточного отделения Императорского русского Археологического Общества. Пг., 1915. Т. 22. Вып. 3—4. С. 320.
- 17 См.: Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан.
- 18 Имя Тимур-Кутлы В. В. Бартольд ошибочно прочитал как Рур-Китай (См.: Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан. С. 168).
- 19 Названные ханы—потомки Тука-Тимура, 13-го сына Джучи. Из них Тохтамыш-хан правил Золотой Ордой, объединил Белую Орду и Синюю Орду; Тимур-Кутлы (Ти-мур-Кутлук) основал династию астраханских ханов; Урус-хан, один из правителей левого крыла Улуса Джучидов, предок династии казахских ханов, в течение недолгого времени был и ханом Золотой Орды.
- 20 Словами [крытая] телега мы перевели слово *тэлзгэн/телеген*, т. е. 'телега'. В. В. Бартольд перевел это слово как 'палатка' (Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан. С. 168. Вся цитата приведена из рукописи: Утемиш-хаджи. Чингиз-наме, л. 38а, б). В этой цитате ярко выразилась прошайбанидская ориентация автора, стремившегося возвеличить Шайбаиндов и опорочить их врагов Тукатимуридов. Слово отец здесь употребляется в значении 'предок'. Признавая, что Тохтамыш, Тимур-Кутлы и Урус происходят от одного предка, автор тем самым признает происхождение и Уруса от Тука-Тимура.
- 21 Приведенный пример свидетельствует, что в XVI в. кочевники Дашт-и Кыпчака произносили *болат/булат*, а не *полад/пулад* или *фолад/фулад*.
- 22 В русских летописях белые юрты/белые орды золотоордынских ханов иногда назывались *белая вежа*. См., например, приведенную выше цитату из “Устюжского летописного свода”. Что же касается Синей Орды, то всего лишь 150 лет назад А. Левшин наивно писал, что “в Русских летописях оно (Аральское море.—В. Ю.) именуется Синим, от чего и монголы-татары, около его кочевавшие, назывались у нас Синюю Ордою (см.: Левшин А. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1832. Ч. 1: Известия географические. С. 71
- 23 Утемиш-хаджи. Чингиз-наме, л. 38а.
- 24 Му'ин ад-Дин Натанзи. Аноним Искандара // Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: Извлечения из персидских сочинений М., Л., 1941. Т. 2. С. 126—138 (далее — СМИЗО). Об ошибках и искажениях истории Белой и Синей Орд Му'ин ад-Дином Натанзи см., например: Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 14.
- 25 Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.: Л., 1959. Вяткин М. Очерки по истории Казахской ССР. М., 1941. Т. 1: с древнейших времен до 1870 г.: Иванов П. П. Очерки по истории Средней Азии. М., 1958; Сафаргалиев М. Распад Золотой Орды; Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков М., 1965;
- 26 Митрошкина А. Г. Термин “Золотая. Орда”. С. 26.
- 27 Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды; Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй...; Егоров В. Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой.
- 28 Мингулов Н. Н. К некоторым вопросам изучения истории Ак-Орды.
- 29 Козин С. А. Сокровенное сказание. С. 178. 496, 567; *боро хошилиг* 'серая юрта'. См. также: Кычанов Е. И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. М., 1973. С. 99.
- 30 Мингулов Н. Н. К некоторым вопросам изучения истории Ак-Орды. С. 83, 84, 95.
- 31 Там же. С. 85
- 32 Козин С. А. Сокровенное сказание. С. 139, 457; *алтан терме* — 'золотая юрта' или 'золоток терем', как перевел это словосочетание С. А. Козин.
- 33 Тизенгаузен В. Г. СМИЗО. СПб., 1884. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. С. 290.
- 34 Богатова Г. А. Золотая Орда. С. 76; Егоров В. Л. Государственное и административное устройство Золотой Орды. С. 34.
- 35 Утемиш-хаджи. Чингиз-наме, л. 53а,б.
- 36 О казахстанском озере Аккуль (под искаженным названием Анколь) см., например: Книга Большому Чертежу. М.; Л., 1950. С. 95. Сообщается, что в этом месте Находилось “кочевье Казацкия орды” // Там же.

- 37 Факт вторичного воцарения Хызр-хана в Золотой Орде подтверждается русскими летописями. См.: *Егоров В. Л.* Золотая Орда перед Куликовской битвой. С. 184. Хотя, возможно, было два разных Хызр-хана.
- 38 Базарчи — новый хан Золотой Орды, посаженный на трон Тайдулой.
- 39 *Утемиш-хаджи*. Чингиз-наме, л. 54а.
- 40 Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков: (Извлечения из персидских и тюркских сочинений) (далее—МИКХ). Алма-Ата, 1969. С. 347. *Каучин*—букв. 'гость'. Под этим названием, вероятно, имеются в виду собственно монголы (4000 чел.), выделенные Чингизханом Джучи.
- 41 МИКХ. С. 327, а также с. 551, прим. 81. Персидский текст этого отрывка приведен в кн.: *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 192, прим. 301.
- 42 *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков. С. 163.
- 43 См. нашу рецензию на кн.: *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. 1966. № 2. С. 87; см. также нашу статью "Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар" в кн.: МИКХ. С. 327.
- 44 *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй... С. 144.
- 45 *Федоров-Давыдов Г. А.* "Аноним Искандера"... С. 230.
- 46 Сообщение "Джами' ат-таварих" Рашид ад-Дина. Другие источники называют иные цифры собственно монголов, выделенных Джучи, но в целом их число было невелико.
- 47 *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. М.; Л., 1951. С. 76—77; Он же. Енисейская письменность тюрков. М.; Л., 1952. С. 84—90.
- 48 *Султанов Т. И.* О терминах Ак-Орда, Кок-Орда и Йуз-Орда // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. 1972. № 3. С. 73—74.
- 49 А. Левшин писал: "Слово *Орда* киргиз-казаки выражают словом *Юз*, что в ближайшем переводе значит сто, или сотня, а потому говорят *Улу Юз*, большая сотня; *Урта Юз*, средняя сотня, и проч. Впрочем *Юз* имеет и другое значение на языке турецком" (см.: *Левшин А.* Описание киргиз-кайсацких, или киргиз-казацких орд и степей. СПб., 1832. Ч. 2: Исторические известия. С. 65).
- 50 См.: *Юдин В. П.* Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар // МИКХ. С. 328. Это мнение принял Т. И. Султанов (см.: *Султанов Т. И.* О времени образования казахских жузов. С. 68).
- 51 *Радлов В. В.* К вопросу об уйгурах. СПб., 1893. С. 128; *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. Год шестой. СПб., 1896. Вып. 3—4. С. 343, 386, 390, 422—424, 427 *Султанов Т. И.* Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв.: (Вопросы этнической и социальной истории). М., 1982. С. 34.
- 52 *Кононов А. Н.* Родословная туркмен: Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. М.; Л., 1958. С. 52.
- 53 Там же. С. 94, прим. 107.
- 54 Таварих-и гузида-йи нусрат-наме // МИКХ. С. 31.
- 55 Там же. С. 22, 29.
- 56 *Бартольд В. В.* Очерк истории туркменского народа // Соч. М., 1963. Т. 1.4. 1. С. 600, 610, 618; *Кононов А. Н.* Родословная туркмен. С. 67, 101.
- 57 *Зуев Ю. А.* Историческая проекция казахских генеалогических преданий: (К вопросу о пережитках триальной организации у кочевых народов Центральной Азии) // Казахстан в эпоху феодализма: (Проблемы этнополитической истории). Алма-Ата, 1981. С. 63.
- 58 В одной из своих публикаций мы допустили неточную формулировку: "... во взаимном расположении казахских жузов, видимо, зафиксирована последовательность распространения власти казахских ханов на территории Казахстана..." (см.: *Юдин В. П.* [Рец. на кн.: *Мишинов А. М.* Описание уйгурских рукописей Института народов Азии АН СССР. М., 1962 // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1965. Вып. 2. С. 82). Мы и сейчас полагаем, что, возможно, временное возникновение Старшего, Среднего и Младшего Жузов имело такую последовательность, но главным в том, почему они были названы Старшим, Средним и Младшим, было их властно-политическое ранжирование.
- 59 1958. V. 2. P. 504, 507, 536, 538, 563, 586, 612.
- 60 *Сафаргалиев М. Г.* Ногайская Орда во второй половине XVI века // Сборник научных работ. Мордовский гос. пед. ин-т им. А. И. Полежаева. Саранск, 1949. С. 32—56; Он же. Распад Золотой Орды; Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках: (Сборник документов и материалов). Алма-Ата, 1961. С. 3, 13 и сл.
- 61 А. Левшин, например, писал: "Мы говорим здесь о разделении казанского народа на три Орды не сказав, когда и каким образом произошло оное. К сожалению, происшествие сие остается для нас тайною; мы не имеем никаких источников для определения оною. Все, что мы знаем о нем, заключается только в предании народном, которое говорит, будто бы один из сильных ханов казакских разделил весь свой народ между тремя сыновьями, и что удел старшего назван Большою Ордою; удел второго среднюю; а удел младшего меньшою". Таким образом, здесь зафиксировано народное мнение, что названия орд-жузов зависят от возрастного ранга лиц, возглавивших их (см.: *Левшин А.* Описание киргиз-кайсацких, или киргиз-казацких орд и степей. СПб., 1832. Ч. 2: Исторические известия. С. 65).

- 62 *Востров В. В., Муканов М. С.* Родоплеменной состав и расселение казахов: (конец XIX—начало XX в.). Алма-Ата, 1968. С. 10.
- 63 МИКХ. С. 243, прим. 17. Наше мнение принял и Т. И. Султанов: *Султанов Т. И.* О времени образования казахских жузов // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XI годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР: (краткие сообщения и автоаннотации). М., 1975. Т. 1. С. 69. Он же. Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв. С. 84.
- 64 Бабур-наме: Записки Бабура. Ташкент, 1958. С. 22.
- 65 *Чулошников А. П.* Очерки по истории Казак-Киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Оренбург, 1924. Ч. 1: Древнее время и средние века. С. 104, 135, 136, 256, 257.
- 66 *Султанов Т. И.* Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв. С. 84.
- 67 Та'рих-и Шайбани. Рук. ИВ АН РУз., № 1505, л. 656; *Юдин В. П.* "Та'рих-и Шайбани" как источник по истории казахского и каракалпакского народа XVI—XVII вв. // Тезисы докладов научной конференции профессорско-преподавательского состава, посвященной XXIV съезду КПСС. Мин-во высш. и сред. спец. образования КазССР, Казахский ордена Трудового Красного Знамени гос. ун-т им. Кирова. Алма-Ата, 1971. С. 155—157; *Абусеитова М. Х.* О ташкентском и ленинградском списках "Мусаххир ал-билад" // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР: (краткие сообщения). М., 1977. С. 70—74; *Она же.* "Мусаххир ал-билад" Мухаммад-йар бен Араб Катагана как источник по истории Казахстана XVI века // Письменные памятники Востока: история, филология. М., 1979. С. 3—12.
- 68 Материалы по истории русско-монгольских отношений: Русско-монгольские отношения. 1607—1636: Сборник документов. М., 1959.; С. 57,66 (далее МИРМО).
- 69 *Султанов Т. И.* Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв. С. 119.
- 70 *Сухайла.* Имамкули-хан-наме. Рук. ИЦ АН РУз., № 89, л. 89а и сл.
- 71 О Есим-хане в Восточном Туркестане см.: *Шах-Махмуд ибн мирза Фазил Чурас.* Хроника /Критический текст, перевод, комментарии, исследование и указатели О. Ф. Акимушкина. М., 1976. С. 202—204; Та'рих-и Кашгар. Рук. ЛО ИВ АН РФ, С. 576, л. 79а—80а, 85а; В 2472, л. ЮОа—1016, 1076; МИКХ. С. 337, 339—345, 382—384, 414—415, 417—418.
- 72 Та'рих-и Кашгар, С 576, л. 78а; В 2472, л. 99а; 1026 г. х.= 1617 г. н. э.
- 73 *Махмуд бен Вали.* Бахр ал-асрар... // МИКХ. С. 245, 550.
- 74 МИРМО. С. 45.
- 75 Там же. С. 49.
- 76 Сводку сведений о некоторых казахских ханах см.: *Султанов Т. И.* Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв. С. 111—121.
- 77 *Юдин В. П.* [Рец. на кн.]: *Музинов А. М.* Описание уйгурских рукописей... С. 82.
- 78 *Вяткин М.* Очерки истории Казахской ССР. М., 1941, Т. 1: с древнейших времен до 1870 г. С. 97—102; *Вострое В. В., Муканов М. С.* Родоплеменной состав и расселение казахов. С. 8—23; *Муканов М. С.* Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата, 1974. С. 5—28.
- 79 Эта гипотеза была высказана Ю. А. Зуевым. См.: *Зуев Ю. А.* Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков: Автореф. дис. канд. ист. наук. Алма-Ата, 1967; *Он же.* Историческая проекция казахских генеалогических преданий. С. 67—68.
- 80 *Зуев Ю. А.* Историческая проекция казахских генеалогических преданий. С. 65.
- 81 См., например: *Бравин Н., Беляев И.* Указатель племенных имен к статье Н. А. Аристова "Заметки об этническом составе тюркских племен и сведения о их численности" // Записки Императорского Русского Географического Общества по отделению этнографии. СПб., 1903. Т. 28. Вып. 2. С. 1—32.
- 82 *Зуев Ю. А.* Историческая проекция казахских генеалогических преданий. С. 63.
- 83 *Зуев Ю. А.* Историческая проекция казахских генеалогических преданий. С. 77.
- 84 Такую методику использования известных устных источников применил 150 лет тому назад А. Левшин: "Различие их (казахских преданий.—В. Ю.) в порядке рассказа, в хронологии событий, в родословии, в именах лиц и названиях мест так велико, и истинные происшествия затемнены столь многими выдумками, что принятием оных за основание мы обратили бы все сочинение сие в собрание исторических мечтаний. Избегая сей погрешности, мы будем иметь вышеизложенные предания в виду только для соображения и сравнения с известиями достовернейшими" (см.: *Левшин А.* Описание киргиз-кайсацких, или киргиз-казацких орд и степей. СПб., 1832. Ч. 2: Исторические известия. С. 30—31).
- 85 *Утемиш-хаджи.* Чингиз-наме, л. 53а.
- 86 Там же, л. 54а.
- 87 *Кадыр-Али-бий джалаир.* Сборник летописей. Рук. Восточного отдела Научной библиотеки Казанского университета, шифр Т. 40 (старые шифры: Т. 969; Т. 5028). Сведения о некоторых действующих лицах этого рассказа "Чингиз-наме" Утемиша-хаджи см. в исследовании "Сборника летописей" Кадыр-Али-бий джалаира: *Усманов М. А.* Татарские исторические источники XVII—XVIII

вв.: “Сборник летописей”, “Дафтар-и Чингиз-наме”, “Таварих-и Булгария”, татарские шаджара. Изд-во Казанского ун-та, 1972. С. 33—96.

88 Очень кратко эти события мы описали в сообщении: Юдин В. П. Об “узурпации” власти в Казахстане во 2-й половине XIV в. беком племени кыйат левого крыла Золотой Орды Тенгиз-Бугуй // Материалы итоговой конференции профессорско-препо-давательского состава. Изд-во КазГУ, 1974. С. 6—7.

89 Там же.

ПЕРЕХОД ВЛАСТИ К ПЛЕМЕННЫМ БИЯМ И НЕИЗВЕСТНОЙ ДИНАСТИИ ТУКАТИМУРИДОВ В КАЗАХСКИХ СТЕПЯХ В XIV В.

(К ПРОБЛЕМЕ ВОСТОЧНЫХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ, СТЕПНОЙ УСТНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И ПРЕДЫСТОРИИ КАЗАХСКОГО ХАНСТВА)

Наша цель — описать некоторые события истории Казахских степей XIV в., а также показать на этом примере, сколь многое еще предстоит выяснить в истории средневекового Казахстана. В связи с этим ставятся некоторые вопросы прикладного и теоретического источниковедения.

В XIV в. в Восточном Дашт-и Кыпчаке установилась власть племенных биев, а затем особой династии ханов — потомков Тука-Тимура, 13-го сына Джучи. Искаженные имена этих ханов зафиксированы в сочинениях тимуридской и некоторых других историографии. Но в них не содержатся сведения о том, что это была особая династия, не выяснены ее происхождение, причины исчезновения. О возвышении же биев не упоминается совсем.

В результате многолетнего изучения из восточных письменных источников нами выведена особая классификационная группа, данные которой позволяют решить вышеуказанную проблему. К ней мы относим сочинения, донесшие до нас степную устную историографию Золотой Орды и государств, возникших после ее распада. Здесь мы используем термин “устная историография” для обозначения устного исторического знания кочевников Дашт-и Кыпчака¹.

К таким источникам мы относим “Таварих-и гузида-йи нусрат-наме” предположительно Мухаммад-Шайбани-хана (начало XVI в., Средняя Азия), “Чингиз-наме” Утемиша-хаджи (XVI в., г. Хива), “Сборник летописей” Джалаира Кадыр-Али-бия (XVII в., г. Касимов), “Шаджара-йи таракима” и “Шаджара-йи турк ва могул” Абу-л-Гази (XVII в., г. Хива) и др.

Предыстория вопроса о вышеупомянутых биях и Тукатимуридах восходит ко времени золотоордынского хана Тохты (иначе Токта, Ток-тага, Токтайга). Основным источником здесь нам послужило “Чингиз-наме”, которое фактически до сих пор все еще не введено в научный [58] обиход. Лишь В. В. Бартольд без какой-либо интерпретации были опубликованы небольшие отрывки из этого сочинения в переводе и пересказе.

По “Чингиз-наме”, Тохта (1290—1312) истребил своих сыновей и других потомков Саин-хана, т. е. Бату. Он страшился, что после его смерти они отберут “трон Саина” у его сына Эль-Басара. Но тот умер раньше отца, в 1309/10 г. Верховная власть в Золотой Орде, следовательно, должна была перейти к другой линии потомков Джучи. Это мучило Тохту.

Однажды Келин-Байалин, византийская принцесса и вдова Тогрула, младшего брата Тохты, также им убитого, ставшая по левирату женой Тохты, призналась, что у нее есть от Тогрула 14-летний сын Узбек. Опасаясь Тохты, она укрыла его в Черкесских горах. Тохта “за радостную весть подарил Келин-Байалин туман в две тысячи [человек]” и немедленно отправил за юношей 40 000 человек во главе с Кыйатом Исатаем и Сиджутом Алатаем. Но когда те возвращались с Узбеком, Тохта умер.

Этим воспользовался аталык Тохты Баджир Ток-Буга уйгур. Опираясь на свое сильное племя уйгур, он провозгласил себя ханом, хотя и был *** *кара кыш* “черный человек”, т. е. простолюдин-нечингизид. Он взял в жены Келин-Байалин и других жен Тохты. По другой версии (которую Утемиш-хаджи посчитал нужным также привести в “Чингиз-наме”, хотя сам и расценивал ее как неверную), Баджир Тока-Буга — это имена двух людей: один — Баджир — из племени уйгур, другой — Ток-буга из племени нутин (?). Сам Утемиш-хаджи считал, “что имя его было Баджир, а прозвище — Ток-Буга”².

Узбек и его сподвижники узнали об этих событиях. Они послали гонца к Баджир Ток-Буге с изъявлением покорности, сами же искали способ уничтожить его. Тот, в свою очередь, направил к ним гонца с ложной вестью: “Я поступил так потому, что опасался, как бы кто другой до их [Узбека] приезда не поднял головы и пожелал ханства. Допустимо ли, чтобы возжелал я стать ханом, когда есть сын моего повелителя?! Пусть государь приезжают. Что ханство это, что народ—все принадлежит им!”³. Между тем Ток-Буга только ждал прибытия Узбека и его сторонников, чтобы немедленно их уничтожить.

О его замысле некто по имени Сангусун предупредил Исатаю. Узбек и его спутники приняли меры и сумели уничтожить “узурпатора”. Утемиш-хаджи так рассказывает об этом. Когда они вошли в ставку, то сразу “ринулись на Баджир Ток-Бугу. Не успел тот подняться [с трона], как подскочил Исатай и рубанул его по шее [да так, что] голова его отлетела на целый шаг. Алатай насадил [ее] на кинжал, поднял высоко и когда закричал: “Вот голова вашего владыки! Не двигайтесь со своих мест!”,—все оцепенели и замерли [на своих местах]. Потом носили эту голову по куреням и возглашали: “Впредь да не смеют провозглашать [59] себя ханами черные люди!”. Когда убили Баджир Ток-Бугу, подняли ханом Хазрат Узбек-хана, и воссел он на троне”⁴.

В благодарность за верность Узбек-хан (1312—1341) отдал всех огланов-Джучидов с их нукерами и другими людьми “в кошун черному человеку” Кыйату Исатаю. Сделал это он якобы потому, что Джучиды уронили честь рода Чингизхана, покорно признав над собой власть простолюдина, Алатаю он выделил эль, состоящий из племени минг⁵. Из пожалованных ему Джучидов Исатай освободил лишь Шайбанидов, выделив им двусоставный эль из племен карлык и буирак и разрешив поселиться в юрте, который еще Бату пожаловал своему брату Шай-бану, 5-му сыну Джучи, в районе озера Ак-Куль в Восточном Дашт-и Кыпчаке.

Истреблял своих сыновей и других Джучидов также и Бердибек-хан (1357—1359), за что получил в Дашт-и Кыпчаке прозвище Керкин-Котан-хан. Делал он это якобы по наущению своего аталыка Канглы Тулубая, который из мести умыслил известить Джучидов, так как по приказу Джанибек-хана (1341—1357) был казнен его сын-разбойник Самай (Сумай?). Репрессии привели к смутам: Кыйат Мамай увел правое крыло узбеков, как называлось тогда все кочевое население Дашт-и Кыпчака, в Крым, а Кыйат Тенгиз-Буга, сын Джир-Кутлу, сына Исатая, увел левое крыло на Сырдарью, в том числе и кошун Джучидов. Из этого вытекает, что знатное племя кыйат, из рода борджигин которого происходил Чингизхан, в это время в Дашт-и Кыпчаке разделилось. Бердибек остался в Сараях лишь со своими “внутренними людьми”⁶.

Утемиш-хаджи оставил интересный рассказ об использовании кошуна Джучидов Тенгиз-Бугой. Он писал: “Очень наглым и злым человеком был этот Тенгиз-Буга. Жестоко истязал и унижал он огланов этих, что были из потомства государей его. Например, когда решил он возвести мавзолей над отцом своим Джир-Кутлы, то заявил: “Быть им строителями” — и всю работу по [возведению] мавзолея поручил им, никого больше не привлекая. Даже воду подносить, кирпичи делать и подносить их приходилось им. Много мук приняли они: у одних спина превратилась в рану, у других — грудь, у третьих истерзаны была ноги. [Так] рассказывают. А впрочем, Аллах лучше ведает!

Кроме того, ежедневно утром приходили огланы эти и сидели в кругу перед дверьми [юрты Тенгиз-Буги]. Всякий раз, когда устраивал он прием, играли музыканты хвалебный кюй, как только доходила до него чаша. [Так и] узнавали, что дошла чаша до бека,.. Снимали [тогда] огланы эти шапки свои, опускались на колени и стояли, пока не выпивал он чашу, и не прекращали играть мелодию. [Лишь] после того надевали они шапки свои.

Рассказывают. Устроил однажды зимой, в лютую стужу этот злосчастный прием. Вдруг послышалась мелодия. Скинули огланы эти в соответствии с повседневным требованием шапки свои и опустились на [60] колени. Стоял мороз. [У того из них,] кого звали Хусайн-оглан, а был он из родичей отцов Тимур-Кутлук-хана [и] Урус-хана, обморозились уши и больше чем до половины отвалились. С тех пор стали называть его Корноухий Хусайн”⁷.

Однажды зимним утром Джучиды, как обычно, сидели в кругу перед юртой Тенгиз-Буги, который как раз устроил прием. Музыканты играли мелодии йыба, йыравы пели йыры. “Какой-то человек, верхом на буром коне, плотно закутанный в волчью шубу и с туго затянутой шубой на коне, близко подъехал к юрте, спешил и привязал коня своего к крытой повозке, положил на повозку лук свой и стрелы и вошел в юрту. Все затихли...”⁸. Затем опять пир пошел горой. “И вот, были среди

огланов этих два человека. Был один из них умным и мудрым. Звали его Букри-Ходжа-Ахмад. Кое-кто говорит, [что] звали его [также] Мудрый Сайчи-оглан. Другой был исполин, стрелок [и] богатырь, равного которому в то время не было. Звали его Кара-Ногай”⁹. Какое-то время спустя ундакчи пригласил Кара-Ногаю к Тенгиз-Буге. Опять все стихло в юрте. Затем вновь воцарилось веселье¹⁰.

Джучиды обсуждали происшедшее. Букри-Ходжа-Ахмад полагал, что гонец привез известие о смерти Бердибека и что Тенгиз-Буга решил в связи с этим захватить верховную власть в Восточном Дашт-и Кыпча-ке, потому он задумал провозгласить Ногаю подставным ханом, а всех остальных Джучидов на завтрашнем корунуше перебить. Ногай, по мнению Ходжа-Ахмада, принял предложение Тенгиз-Буги. Поэтому им оставалось только схватить Ногаю и силой вырвать у него признание. Если тот сознается, то им следовало заключить с ним “договор и условие”, провозгласить Ногаю ханом, самим стать его нукерами, а Тенгиз-Бугу попытаться уничтожить.

Все так и случилось. Вечером (когда они разъезжались по домам) они схватили Ногаю, и тот во всем сознался. Предвидение Ходжа-Ахмада подтвердилось. Джучиды заключили с Ногаем “договор и условие”, обязались быть его нукерами и провозгласить его ханом. Тот в свою очередь тоже поклялся “не преступать уговора””. На следующий день они решили убить Тенгиз-Бугу и совершить переворот.

“Наутро, когда пришли они на корунуш, пригласили Ногаю [в юрту] , как [и] говорил он. Немного спустя пришел человек звать [и] их. Они же пришли с оружием. Когда отважно вошли все они в дверь, то [тут же] пустили оружие в ход. Ногай, [который] восседал рядом с Тен-гиз-Бугой на почетном месте, мгновенно придавил [его, и они] отрезали ему голову. Насадил [ее] на кинжал, вынесли наружу и возгласили:

“Смерти больше никому нет! Не двигаться со своих мест!”.

После того как народ утих на своих местах, усадили Ногаю на белый войлок и все в согласии провозгласили [его] ханом. **[61]**

Итак, оба они, сын Мангутая Хызр-хан и Кара-Ногай, в одном шестце стали ханами. Только Хызр-хан стал ханом в Сарае, на троне [Саина, а] Кара-Ногай — на берегу Сыра, на левом крыле”¹². Управлял Кара-Ногай вилайетами Туркестана. “Через три года он скончался. Ханом стал младший брат его по имени Туглы-Тнмур. В дафтаре, который находится у гордости султанов Хазрат Дост-султана, говорится, [что] Туглы-Тимур этот стал великим государем, правил Самаркандом и Бухарой. Срок его правления, однако, не известен. После него ханом стал Урус, сын Бадык-оглана”¹³.

Изложенные по “Чннгиз-наме” события охватывают в основном первую половину XIV в. Они завершаются приходом к власти Урус-хана—основателя династии казахских ханов. С этого времени история Казахских степей более или менее адекватно, хотя и фрагментарно, получает отражение в тимуридской и других историографиях. Однако предшествующая история в этих же сочинениях освещена путано. Просто фантастически она описана в “Анониме Искандара”, на что многократно указывали источникиведы. Тем не менее этот источник, как это ни странно, продолжает использоваться широко, почти как основной.

Такое состояние источниковой базы до времени воцарения Уруса требует поставить этот вопрос и относительно “Чингиз-наме” и других источников степной устной историографии. Сверка известий последней историографии с точно установленными фактами истории показывает, что источники степной устной историографии сообщают сведения верные. Большинство событий и лиц, о которых рассказывается в них, — историчны. Это дает основание сделать вывод, что и неизвестные события и лица этой историографии вполне реальны.

Так, Кыйат Исатай — это временщик Узбек-хана, известный как Иса-бек, или Иса-гурген. Существование его сына Джир-Кутлу и его роль в истории Восточного Дашт-и Кыпчака подтверждается “Сборником летописей” Джалаира Кадыр-Али-бия: “После того как Джани [бек]-хан скончался, все разбрелись кто куда... В ту же смуту Урус-хан со своим войском ушел к Ала-Тагу. В то время после Джанибек-хана над всем улусом [левого крылат биом был Джир-Кутлу, сын Кыйата Исатая. Урус-хан убил Джир-Кутлу. Все признали старшинство Урус-хана”¹⁴. В свете этих сообщений у нас не остается места для сомнений по поводу историчности и Тенгиз-Буги, сына

Джир-Кутлу. Тем самым устанавливается, что на какое-то время в XIV в. политическое верховенство в Восточном Дашт-и Кыпчаке перешло в руки племенных биев. Но если это так, то для историков Казахстана приобретают необыкновенно важное значение сведения “Чингиз-наме” об этом лице, его предках и потомках. В особенности они важны для реконструкции культуры Казахстана XIV в. Ведь “Чингиз-наме” написано на тюркском языке, отразившем язык насельников Казахстана, т. е. в этом источнике реалии названы так, как их называли последние. В нем рассказывается о быте, [62] военном деле, музыке, хозяйстве и многих других сторонах жизни кочевников Восточного Дашт-и Кыпчака.

Трудно переоценить и сведения о строительстве на Сырдарье мавзолея Джир-Кутлу. Мы знаем теперь и время и обстоятельства этого строительства. Не мавзолей ли Кок-Кесене это? Может быть, как предполагал А. Ю. Якубовский, ханы так называемой Белой Орды также строили мавзолеи в низовьях Сырдарьи, но что это делали и племенные бии, мы знаем теперь совершенно точно.

Потомки Кыяата Исатая вошли в Казахских степях в состав знати самого высокого ранга. “Таварих-и гузида-йи нусрат-наме”, например, отмечает их участие в важнейших политических событиях в Восточном Дашт-и Кыпчаке в XV в.

Период правления племенных биев, определение территории, бывшей в их подчинении, хронологии их правления — все эти вопросы нужно уточнять. Но одно не подлежит сомнению — это своеобразный период в истории Казахских степей.

Конец правлению племенных биев положил “переворот”, произведенный Джучидами. История Джучидов-“каторжан”, Джучидов-“строителей” — необыкновенно интересный факт из истории функционирования ханской власти и “быта” Чингизидов Дашт-и Кыпчака. Эта авантюрная история, как и другие подобные “главы” степной устной историографии, вполне могла лечь в основу художественных произведений для наших писателей.

“Чингиз-наме” называет имена Джучидов, которые уничтожили власть племенных биев — это Букри-Ходжа-Ахмад, Кара-Ногай, возглавившие остальных. Кара-Ногай стал после этого ханом, а наследовал ему его младший брат Туглы-Тимур. Но историчны ли эти лица? Не порождение ли они фантазии? Однако другие источники подтверждают и их существование. В сочинениях тимуридской и других историографии мы находим имя Ногая, который называется также и Сасы-Ногаем, Тукаем и т. д. В некоторых источниках он неверно отождествляется с известным ханом Золотой Орды Тохтой. Все источники, описывающие это время, упоминают Туглы-Тимура под его собственным именем. Однако некоторые сочинения говорят о его двух походах на Мавераннахр, а это означает, что в этих источниках спутаны известия о даштикыпчакском Туглы-Тимуре и могулистанском хане Туглук-Тимуре. Это свидетельствует о том, что тимуридская историография располагала лишь смутными данными по истории Дашт-и Кыпчака до Урус-хана.

Тимуридская историография называет Кара-Ногаю и Туглы-Тимура ханами Золотой Орды, происходившими из Белой Орды. Правители они якобы в смутный период истории Золотой Орды (1360—1380). Действительно, в это время Джучиды Восточного Дашт-и Кыпчака претендовали на власть в Сарае. Анализ списков ханов Золотой Орды этого периода в сочинениях тимуридской и зависящих от нее историографии позволяет выявить еще ряд имен, которые неизвестны, например, по русским источникам, — это брат Туглы-Тимура Мурад-Ходжа, сын Шахи (отца Кара-Ногаю или самого Кара-Ногаю) Кутлук-Ходжа. “Аноним Искандара” [63] называет еще Эрзена, сына Сасы-Буки, Мубарак-Ходжу, сына Эрзена, Чимтая, брата Мубарак-Ходжи и др.

Но как же установить происхождение этих лиц? Наводящим моментом в данном случае является указание в тексте “Чингиз-наме” на то, что один из участников свержения власти племенных биев “был из родичей отцов Тимур-Кутлук-хана [и] Урус-хана”. Оба названных хана, как теперь уже установлено, были потомками 13-го сына Джучи Тука-Тимура. Но может быть и остальные участники “переворота” были таковыми? Сопоставление введенных к настоящему времени в научный обиход генеалогий Джучидов показало, что Букри-Ходжа-Ахмад, Кара-Ногай, Туглы-Тимур, а также прочие “белоордынские” ханы Золотой Орды, известные из сочинений тимуридской историографии, — действительно реально существовавшие лица, и все они — потомки Бай-Тимура (Баймура), сына Тука-Тимура¹⁵. Все они названы в этих генеалогиях своими собственными именами или несколько видоизмененными. Находит даже объяснение, почему Кара-Ногай, или

просто Ногай, назван в некоторых сочинениях Сасы-Ногай. Оказывается, личный антропоним Сасы-Ногай сконструирован в источниках из двух имен — имени самого Ногая и имени его отца Сасы.

Благодаря этому устанавливается как непреложный факт существование в XIV в. в Казахских степях особой довольно многочисленной династии Тукатимуридов, происходивших от Баймура и находившихся между собой в различных степенях родства.

Как сошла с исторической арены эта династия? Пока на этот вопрос ответа нет. Возможно, что она была уничтожена Урусом. Вражда между потомками даже одного и того же сына Джучи была в Дашт-и Кыпчаке обычным явлением. Иногда это приводило к поголовному истреблению той или иной линии Джучидов.

Мы не рассматриваем здесь вопросы истории Казахских степей времен правления племенных биев и указанной династии Тукатимуридов. Укажем лишь, что она была очень сложной, смена правящих группировок была вызвана глубинными процессами, происходившими в обществе насельников Восточного Дашт-и Кыпчака, а политическая карта Казахских степей зачастую значительно изменялась под влиянием этих процессов.

Подводя итог, можно сказать, что рассмотренный период в истории Восточного Дашт-и Кыпчака — особый. Это было время, когда уже закончилась тюркизация монголов; время крушения Золотой Орды, которая после потери власти потомками Орда-Ичена включила в свой состав и Восточный Дашт-и Кыпчак; время гибели династии потомков Бату; время выхода на историческую арену потомков Шайбана и Тука-Тимура; время обособления групп племен Дашт-и Кыпчака и формирования современных народов — казахского, татарского, башкирского, каракалпакского и др. Политическая история этого времени проходила под знаком борьбы потомков Шайбана и Тука-Тимура. Потомки Тука-Тимура^[64] создали династии ханов казахских, астраханских, казанских, крымских. Шайбаниды в дальнейшем были вытеснены в Среднюю Азию; а Сибирское шайбанидское ханство Кучума было уничтожено русскими землепроходцами. Короче говоря, XIV в. — это век предыстории казахской и других национальных государственностей. Без тщательного изучения истории XIII—XIV вв. трудно понять историю возникновения Казахского ханства.

Между тем политическая история этого периода изучена недостаточно. В советской историографии нет ни одного общего труда, в котором бы связно и последовательно была бы изложена событийная история Казахских степей XIII—XIV вв. Нет нужды говорить о том, что политическая и этническая история не может быть понятна вне рамок экономической и социальной истории. Но и социально-экономическая история не может быть вполне понята без уяснения этнополитической истории. Поясним это положение примером. Урус-хан — основатель династии казахских ханов. Но почему население его ханства называлось не казахами, а узбеками? Почему он вдруг “врывается” в историю Казахских степей, не имея предшественников? Нельзя же всерьез принять генеалогию Урус-хана, предложенную тимуридской историографией и возводящую его к Орда-Ичену, первому сыну Джучи? Практически вся история Казахстана XIII—XIV вв. соткана из таких запутанных вопросов.

Все это говорит о том, что прогресс в изучении истории Казахстана XIII—XIV вв., в свете которой только и можно понять последующую историю Казахского ханства, возможен лишь на основе широких исследований в области источниковедения. К настоящему времени источниковеды проделали в этом направлении значительную работу, но тем не менее все еще недостаточную.

Из нашего сообщения можно было бы сделать вывод, что мы недооцениваем значения тимуридской и любых других феодальных, в основном придворных, историографий. Но это не так: значение восточных письменных источников для изучения истории Казахстана до присоединения к России определено уже достаточно четко — они являются основными и без их данных воссоздать историю Казахстана названного периода невозможно.

Мы же стремились показать, что имеется принципиально иной источник, данные которого не менее важны, а во многих случаях являются уникальными, а потому и бесценными, — это степная устная историография — память самого субъекта истории о своем прошлом. Реконструировать историю Казахстана можно только на основе привлечения данных обеих историографий — обычной, письменной, т. е. продукта культуры оседлых народов, и степной устной.

Степная устная историография — это историческое знание кочевников Дашт-и Кыпчака, для нас прежде всего Восточного Дашт-и Кыпчака, которое в послемонгольский период предстает уже выделившимся из общего знания кочевников в особую область. По этой причине оно не может быть дефинировано ни термином “устная традиция”, ни словами “легенды”, “предания”. Степная устная историография не может быть [65] сведена ни к мифологии, ни к фольклору, например, к героическому эпосу, так как сам фольклор питался степной устной историографией.

Сочинения, отразившие ее, можно было бы обозначить как источники степной устной историографии. Они представляют собой как бы сборники исторических рассказов — “глав” исторического знания кочевников Дашт-и Кыпчака. Эти рассказы-главы имели специальное название—*кары соз* “старое слово”, “древний сказ”. В этом отличие этих источников от сочинений обычных восточных феодальных придворных и иных историографии. В них по-разному переплетаются элементы степной устной и восточной письменной историографии.

Степная устная историография характеризуется несколько видоизмененными, но теми же самыми параметрами, что и историография вообще. Полагаем, что изучение источников указанной историографии позволит реконструировать историческое знание кочевников Дашт-и Кыпчака как феномен, как систему, как индикатор уровня развития кочевой культуры.

Степная устная историография — лишь частный случай устной историографии народов Евразии. Что касается последней, то она, в свою очередь, является лишь частным случаем устной историографии народов мира. Можно утверждать, что устная историография — это универсальный стадияльно-типологический феномен в развитии историографии как общественного явления.

Данные устной историографии очень часто используются в исторической науке, не отклоняясь от сведений письменной историографии. Например, “Секретная история” — это памятник устной историографии монголов, зафиксированный письменно. История государства инков до Конкисы написана на основании известий устной историографии. “Мун-тахаб ат-таварих-и Му’ини”, иначе — “Аноним Искандара” Му’ин ад-Дина Натанзи соединяет в себе данные письменной и устной историографии в такой степени, что создает значительные трудности в работе востоковедов. В нем сведения устной историографии вплетены в ткань письменной историографической традиции не искусно. И это создало такой клубок противоречий, что только специальное исследование может привести к извлечению из этого источника действительно ценной информации, соответствующей реальному историческому процессу. В значительной мере основано на известиях устной историографии сочинение известного историка Мирза Мухаммад Хайдар доглата “Та’рих-и Рашиди”. В большинстве трудов арабо-, персо-и тюркоязычных авторов могут быть выделены и значительные отрывки, восходящие к устной историографии или являющиеся ее прямой фиксацией. Примеры можно было бы умножить.

Таким образом, устная историография выступает как объект, отличающийся от письменной историографии, как объект, обладающий наряду со сходными и неповторимыми характеристиками. Это приводит нас к выводу, что изучение первой — проблема по своему предмету и методике отличная от второй. Поэтому мы выдвигаем положение, что устная историография — это особая вспомогательная историческая дисциплина [66] источниковедческого профиля. В ее задачи должны входить сбор, систематизация, классификация, анализ и разработка принципов использования в исторических исследованиях данных устной историографии. Она должна создать свою собственную исследовательскую методику. Конечным итогом работы в области этой вспомогательной дисциплины должна быть реконструкция устной историографии в ее целостном виде.

В приложении к степной устной историографии Дашт-и Кыпчака это означает, что должны быть выработаны приемы и принципы сбора и обработки ее данных и осуществлены сами сбор и обработка. Прежде всего должно быть проведено исследование, которое ввело бы эту вспомогательную историческую дисциплину в ряд других вспомогательных дисциплин, могло бы стать учебным пособием для студентов вузов и рекомендательным пособием для членов “Общества охраны памятников истории и культуры” по организации сбора памятников степной устной историографии.

Подобно археологам, добывающим из-под земли памятники материальной культуры и воскрешающим по ним далекое прошлое народов, источниковеды должны воскресить степную

устную историографию, вернуть эту большую и забытую область культуры потомкам ее создателей — казахскому, каракалпакскому и другим народам, возродить их былую память о самих себе. Это — нелегкая задача. Но это долг исследователей — почетный и благородный.

Дополнительные замечания

I. Достоверность известий “Чингиз-наме” достаточно высока. Большинство исторических событий, отраженных в сочинении, подтверждается другими источниками. Историчность подавляющего числа лиц, упомянутых в “Чингиз-наме”, — Чингиз, Джучи, Саин, (Бату), Шайбан, Тохта, Тогрул, Эль-Басар, Узбек, Джанибек, Бердибек, Мангутай, Ба-дык, Туглы-Тимур, Урус, Тимур-Кутлук, Хызр, Келин-Байалин, Исатай, Джир-Кутлу, Алатай, Сангусун, Баджир Ток-Буга, Тулубай, Мамай — очевидна и не подлежит сомнению. Тем не менее в отношении некоторых лиц должны быть даны пояснения, так как сведения о них, содержащиеся в источниках, или не введены в научный оборот, или противоречивы, или их личности должны быть идентифицированы, поскольку они известны под именами иной формы.

Мангутай и его сын Хызр-хан. Лица исторические. Родословная Хызра: Хызр-хан, сын Мангутая, сына Тула-Буки, сына Кадака, сына Шайбана, сына Джучи ¹⁶. Известно, что Хызр — один из ханов Золотой Орды в смутное двадцатилетие после Бердибека. В “Генеалогиях Джучидов” ¹⁷ к его имени прибавлено слово “хан”, а в данном источнике это последовательно проведено в отношении лиц, действительно бывших ханами. Следует указать также, что в “Генеалогиях Джучидов” [67] упоминается еще один Хызр-хан. Его родословная: Хызр-хан, сын Ибрахима, сына Пулада, сына Минг-Тимур-хана, сына Бадагула, сына Джочи-Буки, сына Бахадура, сына Шайбана, сына Джучи ¹⁸.

Второй Хызр-хан был современником первого. В “Чингиз-наме” сообщается, что Хызр-хан дважды воцарялся на “троне Саина” ¹⁹. Таким образом, устанавливается историчность этих Хызр-ханов, их происхождение из Казахских степей, но встает вопрос: не слила ли устная историография двух ханов в одно лицо?

Бадык-оглан и его сын Урус-хан. Происхождение основателя династии казахских ханов Уруса считается спорным. Одни исследователи утверждают, что он потомок Орда-Ичена, 1-го сына Джучи, другие полагают, что он ведет свое происхождение от Тука-Тимура, 13-го сына Джучи. В действительности вопрос давно уже перестал быть спорным — Урус был потомком Тука-Тимура. Все источники, отразившие подлинную традицию Дашт-и Кыпчака, подтверждают происхождение Уруса от Тука-Тимура. Его родословная по “Генеалогиям Джучидов”: Урус-хан, сын Бадыка, сына Ходжи, сына Уз-Тимура, сына Тука-Тимура, сына Джучи ²⁰. Прошайбанидская “Чингиз-наме” и другие источники этой ориентации уделяли очень много внимания Урус-хану, Тохтамыш-хану, Тимур-Кутлук-хану, их предкам и потомкам, так как они были Тукатимуриды, а потомки Тука-Тимура были основными, а в XV и последующих веках единственными противниками Шайбанидов в борьбе за власть в Золотой Орде и Восточном Дашт-и Кыпчаке. Поэтому данные “Чингиз-наме”, фиксирующие, в частности, общность происхождения Уруса и Туглук-Тимура (тот факт, что Туглук-Тимур — потомок Тука-Тимура, не подлежит сомнению), являются дополнительным и веским доказательством происхождения Уруса и казахских ханов от Тука-Тимура.

Исатай, Джир-Кутлу, Тенгиз-Буга. Исатай — также лицо историческое. Он легко может быть идентифицирован с фаворитом Узбек-хана Иса-беком, иначе — Иса-гургеном. Устная историография предпочитает имя Исатай. Его дочь была женой Узбек-хана, а сам он был женат на дочери Узбека. Его сын Джир-Кутлу также известен: “После того как Джани [бек]-хан скончался, все разбрелись кто куда... В ту же смуту Урус-хан со своим войском ушел к Ала-Тагу. В то время после Джани-бек-хана над всем улусом [левого крыла] бием был Джир-Кутлу, сын Кыйата Исатая. Урус-хан убил Джир-Кутлу. Все признали старшинство Урус-хана” ²¹.

В XV в. среди сподвижников “основателя государства кочевых узбеков” Абу-л-Хайр-хана (1428—1468) был известен “из потомков Кыйата Исатай-бека — Бузанджар-бек” ²². Таким образом, сведения “Чингиз-наме” о Тенгиз-Буге, сыне Джир-Кутлу следует считать достоверными. [68]

Алатай. Этот бек племени сиджут известен был под именем Али-бека. Он также лицо историческое: “Кыйат Исатай и Чнчут Алатай отправились в Иран-Замин, привезли Узбека, сына

Тогрылчи, и посадили на ханство”²³. Среди сподвижников Абу-л-Хайр-хана был также известен “из потомков конграта Али-бека — Мухаммад-бек”²⁴. Таким образом, можно говорить о тождестве *конграт // сиджут*.

Ток-Буга. Лицо историческое: “Затем Токтага (т. е. Тохта. — В. Ю.) умер. Из его потомства никого не осталось. Бачкыр Ток-Буга был старшим беком, эмиром; над тем улусом он стал бием. Кыйат Исатай и Чи-чут Алатай отправились в Иран-Замин, привезли Узбека, сына Тогрылчи, и посадили на ханство. Бачкыр Ток-Бугу убили”²⁵. Обращает на себя внимание часть имени этого лица *баджир // бачкыр*. Не этноним ли это “башкир”? В пользу этого говорят следующие соображения.

Восточные источники сообщают, что Узбек-хан принял ислам и учинил расправу над иноверцами, в то время как Тохта “был неверным [державшимся] религии поклонения идолам, любил Уйгуров, т. е. лам и волшебников, и оказывал им большой почет”²⁶. Узбек же “умертил нескольких (т. е. многих. — В. Ю.) эмиров и вельмож, умертил большое количество Уйгуров, т. е. лам и волшебников, и провозгласил исповедание ислама”²⁷. Тот же источник сообщает, что “был у него сын (Эль-Басар. — В. Ю.), красивее которого (никто) не видал; он был привержен к исламу, любил слушать чтение корана великого, хотя и не понимал его, и предполагал, когда сделается царем (этой) страны, не оставит в царстве своем никакой другой религии, кроме мусульманской. Но он умер (уже) при жизни отца, оставив сына. Когда он умер, то отец его (Токтай) назначил наследником (престола) сына упомянутого сына своего, однако же ему не привелось повелевать, так как после него (Ток-тая) царством овладел сын брата его, Узбекхан”²⁸. Приведенные известия подтверждаются и рядом других восточных сочинений. Таким образом, следует признать, что в истории воцарения Узбека много неясного. “Чингиз-наме”, “Джами'ат-таварих” и некоторые другие источники проливают новый свет на эти события, но задают и новые вопросы.

Вопросы возникают сразу же, когда знакомишься с именем Баджир Ток-Буга. Дело в том, что структура собственных имен в “Чингиз-наме”, а также в “Джами'ат-таварих” и некоторых других источниках отлична от структуры имен большинства восточных сочинений. В них племенная принадлежность ставится перед личным именем и является составной частью всего имени, например: Кыйат Мамай, Канглы Тулубай, Конграт Нагадай, Кенегес Куган и др. В этой форме имени отразился способ формирования личных имен кочевников Дашт-и Кыпчака. В других восточных источниках этноним, указывающий на племенную принадлежность, ставится в конце имени. Такая структура сложилась под [69] влиянием арабо-иранской системы имен, в которых на первое место выносятся обычно различного рода титулатура. Два разных культурных мира, различие мировоззрений и идеологий породили различные структуры имен. Эти различия четко сознавал и проводил и Утемиш-хаджи. В этом смысле его не могло не удивлять имя Баджир Ток-Буги из племени уйгур. Если он был уйгур, то имя его должно было бы быть Уйгур Баджир Ток-Буга. Но в таком виде оно представлялось “неуклюжим”, да и Баджир воспринималось, очевидно, как этноним, что подтверждается формой Бачкыр в “Джами' ат-таварих”. Вероятно, затруднения в истолковании традиционной формы имени Баджир Ток-Буги испытывали и информаторы автора “Чингиз-наме”. Это и отразилось в устной историографии, которая попыталась разложить одно имя на имена двух лиц.

Есть, однако, иной способ истолкования этого имени. Можно предположить, что оно построено обычным “степным” способом, т. е. *Баджир // Бачкыр* — это этноним *башкир*, а Ток-Буга — собственное имя лица. Тот факт, что башкиры играли важную роль в истории междуречья Итил-Иайик, хорошо известен по позднейшим источникам. Что касается отнесения Ток-Буги к племени уйгур, то это может быть понято в свете сообщения “Та'рих ал-Бирзали”, что уйгуры Золотой Орды — это ламы и волшебники, т. е. буддисты. Очевидно, Баджир Ток-Буга был беком, который одновременно являлся и священнослужителем. Что касается “этнонима” *нутин* ***, то это может быть искаженным написанием буддийского термина *тойын // тойун* “буддийский монах”²⁹. Если это так, то отнесение Баджир Ток-Буги к уйгурам связано с принадлежностью его к буддийским священнослужителям, а *нутин (тойын // тойун)* есть уточнение положения его в иерархии буддийских священнослужителей.

Следует, однако, сказать, что это лишь одна из возможных гипотез. Дело в том, что в Дашт-и Кыпчаке действительно существовало племя уйгур, что хорошо известно, хотя происхождение его и не выяснено. Решение вопроса требует дополнительных источников.

По-иному представляется и воцарение Узбека, если сообщение “Та'рих ал-Бирзали” о том, что у Эль-Басара был сын и он должен был наследовать Тохте, соответствует действительности. В

таком случае Узбек совершил “противозаконный” переворот. Учитывая, что Узбек был юноша и не обладал реальной силой, то переворот должен был быть совершен группой эмиров и какой-то придворной кликой. В связи с этим “Чингиз-наме” называет беков Исатая и Алатая и Келин-Байалин. Вспомним, что в соответствии с устной историографией у этих беков было 40 000 человек. Отсюда понятным становится и обращение Узбека к исламу как идеологическому обоснованию переворота, репрессий и прочих перемен.

Вообще история появления Узбека в Сарае очень напоминает позднейшие истории Туглук-Тимур-хана и Хызр-Ходжа-хана в Могулистане, [70] Лже-Кельдибек-хана в Золотой Орде, Лже-Абд ал-Гаффар-хана в Ташкенте, Лже-Дмитриев на Руси и т. д. Поэтому-то Узбек, чтобы оградить себя от опасности, и вынужден был обрушить массовые репрессии на Джучидов — любой из них независимо от того, к какой линии потомков Джучи принадлежал, представлял для Узбека потенциальную и реальную опасность. С целью обоснования правомочности репрессий он мобилизовал даже, по “Чингиз-наме”, представления Чингизидов о родовой чести: “Когда воссел Хазрат [Узбек-] хан на троне и народ обрел покой, призвал он огланов йочи-хана от [его] семнадцати сыновей, родившихся от других матерей, и сказал: “Разве не сыновья вы [нашего] отца? Чем становитесь рабами [и] нукерами черного человека и покоряетесь ему, вступил бы кто-нибудь из вас в борьбу [с ним] за ханство. Коль согласились вы на рабство [и] нукерство у черного человека, то и я отдам вас в кошун черному человеку!” — и в гневе пожаловал [их и] нукеров и всех людей их Кыйат Исатаю” ³⁰,

Сангусун. Историчным является даже такое, казалось бы “случайное”, лицо, как Сангусун, который под именем Санклы-Син упомянут в “Шаджара-йи таракима”, из которого мы приводим соответствующий отрывок в переводе А. Н. Кононова с незначительными уточнениями:

“Эски. В те времена, когда Балхан и Мангышлак в Ургенче принадлежали справедливому Джанибек-хану, сыну Узбек-хана, Джанибек-хан послал к туркменам [человека] по имени Уйгур Санклы-Син с тем, чтобы он взыскивал с тех, кто провинился и совершил преступление. Он прибыл в эль и прожил [там] один год, и всюду, где оказывались преступники и провинившиеся, — взыскивал. У него было много нукеров и рабов. И был у него один раб по имени Айаз, который был самым приближенным из всех рабов. Провинившиеся туркмены, которые считали, что [все равно] лишатся головы своей или скота, собрались все в одном месте, дали Айазу много взяток и сказали: “Если ты убьешь своего бека, то мы отдадим тебе все — и скот, собранный с одного (нужно: “с каждого”. — В. Ю.) эля, и птиц, привезенных из каждой юрты. Когда бы Джанибек-хан ни послал людей и ни потребовал тебя, мы, народ, будем ложиться костью и погибать, чтобы не выдать тебя. Айаз соблазнился большим количеством скота и их сладкими речами и убил однажды ночью Санклы-Сина, когда тот спал в беспечности. Из скота хозяина Айазу не досталось и козленка. Разграбили те, кто был ближе к скоту, где бы он ни находился. Нукеры Санклы-Сина вернулись к Джанибек-хану, Айаз [же] остался среди туркмен, живших в горах Балхан, не будучи в состоянии уйти от страха. В том году Джанибек-хан ушел к личности Аллаха на берегу реки Итил, в городе Сарай. И весь народ эски — потомки того Айаза” ³¹.

Несмотря на некоторое отличие в начертании имен (Сангусун — Санклы-Син), речь, мы полагаем, в источниках идет об одном и том же [71] лице. Следует при этом заметить, что устная историография отмечала лишь тех лиц, которые, по степным понятиям, сыграли в истории если не исключительную, то значительную роль. Эпизод с участием Сангусуна // Санклы-Сина подтверждает это. Сангусун, следовательно, был уйгур. Это значит, что в среде уйгуров независимо от того, как мы будем понимать слово уйгур, единства не было, когда Баджир Ток-Буга совершил переворот. Какая-то часть уйгуров “изменила” Ток-Буге и перешла на сторону Узбека, предупредив его о заговоре. Скорее всего, в Сарае была значительная группировка, ориентированная на Узбека, что и облегчило задачу Исатая и Алатая. Естественным выглядит и последующее назначение Сангусуна наместником над туркменами в период правления Джанибека.

II. Особо важным представляется сообщение об откочевке племен левого крыла Золотой Орды под предводительством беков племени кыйат Джир-Кутлу и Тенгиз-Буги на Сырдарью, “узурпации” власти в Восточном Дашт-и Кыпчаке этими беками, перевороте, произведенном “каторжанами”-Джучидами, воцарении на Сырдарье Тукатимурида Кара-Нога, а затем и его брата Туглы-Тимура и лишь последующем переходе власти к Урусу. Эти известия “Чингиз-наме” в определенной мере подтверждаются данными “Джами’ ат-таварих”, а также упоминанием некоторых исторических лиц, участвовавших в этих событиях, в других источниках. Тем не менее эти события не получили

отражения в научных трудах, посвященных истории Восточного Дашт-и Кыпчака XIV в., и должны подвергнуться специальной проверке.

Такой анализ показывает, что события, изложенные в “Чингиз-наме”, действительно имели место. А это, в свою очередь, говорит о том, что в истории Восточного Дашт-и Кыпчака открывается новая страница.

Итак, по “Чингиз-наме”, после утверждения Бердибека на “троне Саина” Кыйат Мамай увел правое крыло племен Золотой Орды в Крым, а Кыйат Тенгиз-Буга — левое крыло на Сырдарью. Кризис верховной власти в Золотой Орде вызвал к жизни сепаратистские устремления племен и племенных предводителей. В результате среди узбеков возникли “народные” движения в единственно возможной в то время форме — в форме отказа племен признавать над собой власть Джучидов. Сопровождалось это откочевками, так как племенные предводители сознавали неспособность Сарая воспрепятствовать их действиям. Мамай и Тенгиз-Буга стали фактическими правителями соответственно в Западном и Восточном Дашт-и Кыпчаке.

Однако борьба эта в условиях Золотой Орды не могла привести к радикальному изменению общественного строя и структуры власти. Более того, все это неизбежно вызвало бы реставрацию предшествующих структур. Кроме того, в узбекской среде давно уже произошла институционализация власти Джучидов, и попытки отдельных предводителей племен разрушить этот институт встречали мощное сопротивление соперников. Поэтому возник институт подставных ханов, т. е. предводители племен провозглашали какого-либо Джучида ханом, но тот был [72] лишь марионеткой в руках соответствующего удачливого бека-претендента, не имел никакой реальной власти, и даже свобода его была резко ограничена. Всякие попытки такого хана обрести независимость кончались его смертью и возведением на трон нового подставного хана. В истории Золотой Орды все это было достаточно хорошо известно по деятельности Мамаю. По истории же Восточного Дашт-и Кыпчака мы не имели таких сведений.

События именно такого рода развернулись и на Сырдарье. Судя по данным “Чингиз-наме”, Тенгиз-Буга на Сырдарье пользовался всей полнотой власти с момента воцарения Бердибека. По некоторым данным, такое положение сложилось еще при Джир-Кутлу в период правления Джанибека. Бесспорно, однако, что при Тенгиз-Буге ситуация была именно такой. Тем не менее внешне Тенгиз-Буга формальных действий по официальному отделению от Золотой Орды не предпринимал и организационно самостоятельную власть в Восточном Дашт-и Кыпчаке не оформлял. Он выжидал, как будут развиваться события в Сарае. Лишь после получения известия о смерти Бердибека он решил, что его время пришло. Однако закончилось это его гибелью и провозглашением в качестве хана Восточного Дашт-и Кыпчака Джучида Кара-Ногаю, или просто Ногаю.

Мы не можем, конечно, принять версию Утемиша-хаджи, что Джучиды-“каторжане” самостоятельно уничтожили власть Тенгиз-Буги. Последний опирался на силы своего племени кыйат и, вероятно, на некоторые другие племена. Но с большой долей уверенности можно утверждать, что среди узбекских племен Восточного Дашт-и Кыпчака, как обычно в степях, были и такие, предводители которых ревниво относились к возвышению Тенгиз-Буги и готовы были действовать против него. По-видимому, кошуну Джучидов удалось согласовать с ними действия, чем и объясняется их успех. Остается неясным вопрос, как долго длилось самостоятельное правление Тенгиз-Буги и, возможно, Джир-Кутлу и в каких границах действовала их власть. Нужно отметить также, что, по “Джами' ат-таварих”, Джир-Кутлу был убит Урусом, после чего в Восточном Дашт-и Кыпчаке установилась власть этого хана. Однако “Джами' ат-таварих” — источник тукатимуридской ориентации и отразил, вероятно, устную историографию Восточного Дашт-и Кыпчака тенденциозно. Кадыр-Али-бий джалаир не считал полезным, по-видимому, в политическом отношении подробно сообщать об этих событиях, когда власть перешла к бекам племени кыйат, а также и о правлении Ногаю и Туглы-Тимура. Таким путем он стремился подчеркнуть значительность воцарения и правления Уруса и его потомков. Тенденциозность такого рода “Джами' ат-таварих” — факт отнюдь не исключительный. Она присуща всем без исключения письменным источникам той эпохи, так же как и устной историографии.

Но кто же такие Кара-Ногаю, Букри-Ходжа-Ахмад, Туглы-Тимур? Реальные ли это лица? Да, эти лица действительно существовали. Однако это требует доказательств. Вспомним, что, по “Чингиз-наме”, один из “каторжан” — Корноухий Хусайн — был из родичей отцов Кутлук-[73] Тимур-хана и Урус-хана. Следовательно, он был Тукатимурид. Может быть и Кара-Ногаю и Букри-Ходжа-Ахмад были потомками Тука-Тимура?

И действительно, всех этих лиц мы находим в “Генеалогиях Джучидов”, в разделе, повествующем о Баймуре, сыне Тука-Тимура: “У него (Баймура.—В. Ю.) было три сына. Их имена—Балыкчи, Тугджаз, Кекеджу.

У Тугджаза было два сына — Сасы, Боз-Гулак.

У Сасы было четыре сына. Их имена — Буджгак, Нокай, Туглу, Букри-Катак-ходжа.

У Боз-Гулака было два сына. Их имена — Мушарраф-ходжа, [у которого был] сын Мухаммад-Шакар; Мубарак-ходжа, [у которого] было четыре сына. Их имена — эти: Хасан, Ахмад. Сын этого Ахмада — Алб-Базар-шайх” ³².

В этой родословной есть неувязка: сказано, что у Мубарак-ходжи было четыре сына, а названы имена только двоих. Однако “Генеалогии Джучидов” опубликованы по ленинградскому списку “Таварих-и гузи-да-йи нусрат-наме”, который был скопирован с дефектного списка. В лондонском списке “Таварих-и гузида-йи нусрат-наме” приведены имена всех четырех сыновей Мубарак-ходжи, но в факсимильном издании ясно читаются также имена только тех двух сыновей, которые приведены в МИКХ. Перед этими именами помещены еще два имени. Одно не читается совершенно, другое может быть реконструировано как Йахши (Бахши?)-бек ³³.

Таким образом, неувязка объясняется пропуском имен двух сыновей Мубарак-ходжи, совершенном переписчиком, который копировал, видимо, с дефектного списка, а пропуска никак не оговорил.

Мы находим в приведенной выше родословной имена Нокая, которого отождествляем с Кара-Ногаем; Туглу — его отождествляем с Туглы-Тимуром, братом Кара-Нога; Букри-Катак-ходжи— Букри-Ходжа-Ахмадом.

“Генеалогия джучидов”, однако, может быть дополнительно проверена по данным “Джами’ ат-таварих” Рашид ад-Дина и “Му’изз ал-ансаб” ³⁴.

По Рашид ад-Дину, Баймуру соответствует Бай-Тимур, у которого было три бездетных сына: Токанчар, Йилкычи и Кукачу ³⁵. Их идентификация с сыновьями Баймура затруднений не вызывает. В “Му’изз ал-ансаб”, так же, как и в “Генеалогии Джучидов”, о потомстве сыновей [74] Бай-Тимура говорится так: “Добавление. В Муиззе находится следующее продолжение родословия Тука-Тимура, 13-го сына Джучи-хана.

1. У внука его Токанчара (от Бай-Тимура) значатся 2 сына: 1) Сасы (***) и 2) Бузкулак (***) ; у первого (Сасы) 4 сына: 1) Туглу (***), 2) Нокан (***), оба бездетные; 3) Букер-Кутлук-ходжа (***) с сыном Акулом (***) и 4) Буджгак (***), отец 4 сыновей: 1) Баганака (***) 2) Ядигара (***); 3) Хосрева(***) и 4) Туглук-Тимура (***). У 2-го сына Токанчара, Бузкулака, значатся 2 сына 1) Мубарек-ходжа (***) и 2) Мушерреф-ходжа (***) . У первого (Мубарек-ходжи) 3 сына: 1) Ирин-бек (***) ; 2) Яхья (***) и 3) Таши-бек (***). Из них у Ирин-бека сын Яран-шейх (***) , У Таши-бека сын Ахмед. Яхья был бездетен” ³⁶.

“Генеалогии Джучидов” и “Му’изз ал-ансаб” дают в целом одинаковые родословные потомков Баймура (Бай-Тимура), сына Тука-Тимура, со вполне понятными разночтениями. Основное отличие “Му’изз ал-ансаб от “Генеалогий Джучидов” в том, что его данные дают имена сыновей тех лиц, на которых “Генеалогии Джучидов” кончаются, т. е. “Му’изз ал-ансаб” дает более полную и продолженную генеалогию. Мы должны, однако, помнить, что хотя “Му’изз ал-ансаб” содержит и более полные родословные, чем “Генеалогии Джучидов”, но “расположение имен в рукописи Муизза неясное...” ³⁷. Мы отдаем предпочтение во многих случаях данным “Генеалогий Джучидов”. [75] Итак, выше мы уже сказали, что имена Кара-Нога, Туглы-Тимура и Букри-Катак-ходжи идентифицируются. Это, в свою очередь, является веским аргументом и в пользу того, что все события, связанные с именами Кыйат Исатая, его сына Джир-Кутлу и сына последнего Тенгиз-Бу-ги, также имели место в действительности. Несколько противоречит всему этому сообщение “Джами’ ат-таварих” о том, что Джир-Кутлу был убит Урус-ханом, а также умолчание этого источника о Тенгиз-Буге, Кара-Ногае, Букри-Катак-ходже и Туглы-Тимуре. Однако все это легко объясняется. Вполне вероятно, что Джир-Кутлу действительно погиб в борьбе с Урусом. Для Кадыр-Али-бий джалаира этого указания было достаточно для обоснования мысли, что Урус покончил с притязаниями предводителей племени кыйат на власть в Восточном Дашт-и Кыпчаке.

Что же касается ханов Кара-Нога и Туглы-Тимура, то автор умолчал о них как о Тукатимуридах иной, не Урусовой линии, желая показать, что Урус-хан был единственный достойный и законный правитель Дашт-и Кыпчака после пресечения линии потомков Бату. Упоминанием об убийстве Джир-Кутлу Урусом он сразу “списал со счетов” истории и деятельность биев племени кыйат, и “неправомочных” Тука-тимуридов.

Но если все это так (а оснований сомневаться в этом нет), то из этого вытекает, что выходу на историческую арену Урус-хана предшествовали длительные и значительные события, которые могут быть поняты следующим образом. Еще до пресечения в Золотой Орде линии потомков Бату Восточный Дашт-и Кыпчак обрел фактическую независимость от Сарая, и в Казахских степях разыгрались драматические события борьбы за власть между соперничавшими группировками. Лишь на каком-то этапе победа осталась за Урусом, это, в свою очередь, означает, что перед нами приоткрылась завеса над неизвестной страницей истории Казахстана XIV в.

Единственным источником, который сообщает более или менее полные и последовательные известия по истории Восточного Дашт-и Кыпчака и Золотой Орды XIV в. является “Аноним Искандара”. Однако это крайне ненадежный источник, на что неоднократно указывалось в научной литературе. В частности, обращалось внимание на то, что “Аноним Искандара”, в свою очередь, “пользуется своими источниками довольно некритически, соединяя вместе разнородные сведения; результатом этого, вероятно, явилась крайняя сбивчивость хронологии”³⁸. Исследователи, однако, широко используют этот текст, нередко произвольно выделяя из этого источника данные, которые соответствуют их концепции, и не привлекают других сведений, которые кажутся им заведомо неверными, и иногда даже не оговаривают этого.

комментарии

1 Позднее с учетом условной корректности термина “историография” в отношении устной традиции автор ввел понятие “степная устная историология” (см.: Юдин В. П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Казахстан, Средняя и Центральная Азия... С. 122.

2 Чингиз-наме, л. 46аб.

3 Чингиз наме, л. 47а.

4 Чингиз-наме, л. 47б.

5 Чингиз-наме, л. 48а.

6 Чингиз-наме, л. 50аб.

7 Чингиз-наме, л. 51 а.

8 Чингиз-наме, л. 51б.

9 Чингиз-наме, л. 51б-52а.

10 Чингиз-наме, л. 52а.

11 Чингиз-наме, л. 52б.

12 Чингиз-наме, л. 53а.

13 Чингиз-наме, л. 54аб.

14 Сборник летописей, л. 60аб.

15 СМАЗО. Т. 2. С. 60; МИКХ. С. 42.

16 МИКХ. С. 37.

17 Содержатся в “Таварих-и гузида-йи нусрат-наме”. См.: МИКХ. С. 33—43.

18 МИКХ. С. 35.

19 Чингиз-наме, л. 54а.

20 МИКХ. С. 39—42.

21 Джамии' ат-таварих, л. 60аб.

22 МИКХ. С. 16.

23 Джамии' ат-таварих, л. 60а.

24 МИКХ. С. 16.

25 Джамии' ат-таварих, л. 60а.

26 Та'рих ал-Бирзали // СМАЗО. Т. 1. С. 174.

27 Там же.

28 Там же.

29 Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 572.

30 Чингиз-наме, л. 47б.

31 Шаджара-йи таракима. С. 74—75 (русский текст). С. 72—73 (тюркский текст); строки 1297—1319 // Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М.; Л., 1958.

32 МИКХ. С. 42.

33 Таварих-и Гузида — Нусрат-наме: Исследование, критический текст, аннотированное оглавление и таблица сводных оглавлений А. М. Акрамова. Ташкент, 1967. С. 173

- 34 О рукописи см.: СМАЗО. Т. 2. С. 28—29; *Бартольд В. В.* Соч.: В 9 т. М., 1963. Т. 1 С. 103—104; *Стори Ч. А., Брегель Ю. Э.* Персидская литература: Био-библиографический обзор. М., 1972. Ч. 2. С. 818—819.
- 35 СМАЗО. Т. 2. С. 59.
- 36 СМАЗО. Т. 2. С. 60.
- 37 СМАЗО. Т. 2. С. 63.
- 38 СМАЗО. Т. 2. С. 126—127.

НЕИЗВЕСТНАЯ ВЕРСИЯ ГИБЕЛИ УРУС-ХАНА

(ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОГО ДАШТ-И КЫПЧАКА XIV В.)

После смерти последних ханов Золотой Орды Джанибека и Берди-бека, потомков 2-го сына Джучи — Бату, во владениях Золотой Орды, в Дашт-и Кыпчаке более чем на 20 лет установилась смута. Исследователи отмечают обычно, что за эти годы в Сарая сменилось более 25 ханов. Восточный Дашт-и Кыпчак, т. е. Казахские степи отделились от Сарая, вероятно, несколько ранее. Здесь, однако, также не было мира. За власть боролись различные группировки, во главе которых стояли, фактически или номинально, потомки разных сыновей Джучи, которых у него (только “законных”), по отдельным источникам, насчитывается до 18. Их общими усилиями потомки Бату были истреблены. Наступало уже время, когда на политической арене Восточного Дашт-и Кыпчака должны были остаться только соперничавшие линии потомков 5-го сына Джучи—Шайбана и 13-го сына Джучи — Тука-Тимура. В означенное время власть в Восточном Дашт-и Кыпчаке удалось сосредоточить в своих руках Урус-хану, сыну Бадыка, потомку Тука-Тимура.

Политическая обстановка в странах, окружавших Восточный Дашт-и Кыпчак, была опасной для Урус-хана. В Западном Дашт-и Кыпчаке возвысился племенной предводитель Мамай. В Сарая все время менялись ханы, постоянно предпринимались попытки восстановить власть Золотой Орды в Восточном Дашт-и Кыпчаке. Возвышалась Московская Русь. В Средней Азии приближалось время торжества Эмира Тимура. В Могулистане усилился Чагатаид Туглук-Тимур-хан. В такой ситуации действовали против Урус-хана и силы внутри самого Восточного Дашт-и Кыпчака в лице Джучидов, племенных владетелей и др. Именно эти силы и привели в конце концов к гибели Урус-хана и сорвали его попытки объединить Восточный Дашт-и Кыпчак.

Введенные в обиход источники не сообщают подробно о том, как сошел с политической арены Урус-хан. Сообщается, например, что он умер естественной смертью. Этому противоречат, однако, известия такого сочинения, как “Чингиз-наме” Утемиша-хаджи. По данным этого источника, Урус-хан был убит в стычке с Тохтамышем. Последний также был потомком Тука-Тимура. Его отец, Той-Ходжа, был убит Урус-ханом за неповиновение. Той-Ходже принадлежал якобы наследственно [77] Мангышлак. Известно, что Тохтамыш бежал из Дашт-и Кыпчака в Мавераннахр к Эмиру Тимуру. Последний использовал Тохтамыша в борьбе против Урус-хана. Борьба же между Тимуром и Урусом была ожесточенной. Разворачивалась она в основном в присырдарьинских районах. По источникам известно, что Тимур несколько раз помогал Тохтамышу людьми и снаряжением. Однако, по известным нам данным, Урус постоянно одерживал победы над Тохтамышем, и тот смог утвердиться на “троне Саина” и временно объединить Восточный и Западный Дашт-и Кыпчак лишь после смерти Уруса, когда он одолел и Мамай, пережившего разгром на поле Куликовом.

Сведения Утемиша-хаджи проливают дополнительный свет на эти события. “Чингиз-наме” представляет собой попытку осветить историю Дашт-и Кыпчака в послемонгольское время на основе историографической традиции, сохраненной в “кары сез” (“старое слово”, “древний сказ”) — преданиях, передававшихся изустно в степях от поколения к поколению. Это совершенно отличный, например от тимуридской историографии, источник. Его данные — это память о своем прошлом насельников Дашт-и Кыпчака. Как же предстают упомянутые выше события в изложении “Чингиз-наме”? Источник сообщает следующее.

Тохтамыш, который нашел убежище у Тимура, несколько раз предпринимал попытки развернуть борьбу против Уруса, но всякий раз бывал разбит. Его поддерживала недовольная молодежь, которая собиралась вокруг него, видя в нем лидера, способного привести ее к цели. Однако опора на молодежь не обеспечила Тохтамышу успеха. Добиться его он смог, только достигнув соглашения с предводителями некоторых узбекских племен, т. е. с лицами, обладавшими реальной властью. Тохтамыш установил связь с предводителями четырех крупных

даштыкыпчакских племен, которые якобы были выделены в прежние времена его предкам и на традиционную поддержку которых он имел “историческое” право. Стороны пришли к соглашению и разработали детальный план заговора против Уруса. По этому плану, 4 племена после получения сигнала от Уруса о начале перекочевки на летовья должны были как можно дольше затянуть начало выступления. Делалось это в связи с тем, что прибывшие на летовки племена в более позднее время занимали пастбища вдоль рек, наиболее удаленных от лучших и центральных пастбищ. Но именно в этом и заключалась цель заговорщиков — они должны были в момент выступления находиться в наибольшем удалении от центральных ханских кочевий, что обеспечило бы им минимум времени, необходимого для реализации задуманного. Именно так все и было осуществлено.

Когда закончилась перекочевка племен на летовки, Тохтамыш тайно прибыл в расположение упомянутых племен. Закончив приготовления, племена поднялись и начали откочевку с Тохтамышем в сторону Идиля—Волги. Перекочевка осуществлялась на телегах, племена уходили обремененные семьями, скарбом и скотом. Поэтому, несмотря на их усилие ускорить темпы продвижения, последние были невысоки. Получив известие об откочевке взбунтовавшихся племен, Урус-хан [78] немедленно организовал погоню. Он выступил со всеми находившимися при нем людьми. Одновременно он разослал гонцов в остальные племена, чтобы те направили к нему свои контингенты для участия в карательных мероприятиях. Племена, однако, уклонились от участия в погоне под предлогом их удаленности и того, что наступил сезон, когда кони отъелись и были потому непригодны для форсированного марша. Поэтому Урус вынужден был организовывать преследование лишь собственными силами. Настиг он беглецов ночью. Сложилась, однако, непредвиденная ситуация: силы Уруса намного уступали числу боеспособных мужчин бежавших племен. Урус знал это, но беглецы не знали. Поэтому Урус принял решение атаковать немедленно, так как с восходом солнца выявилась бы малочисленность его сил и он неминуемо был бы разбит. В свою очередь, Тохтамыш и предводители племен, полагая, что Урус привел превосходящие силы, сочли, что гибель их неизбежна. В этой обстановке они решили прикрыть от Уруса уходившие племена и отбивать его атаки так долго, как это окажется возможным. Однако они в целях сохранения своего потомства отобрали всех мальчиков, способных самостоятельно держаться в седле, и приказали им незаметно уйти на конях в сторону в ночной темноте и держаться на безопасной дистанции. Если бы по боевым кличам мальчики поняли, что победили их отцы, то они должны были воссоединиться с ними. В противном случае им следовало под покровом ночной темноты скрыться и попытаться каким-то образом самостоятельно устроить свою судьбу. Среди мальчиков были 12-летний сын Тохтамыша Джалал ад-Дин и Йахши-Ходжа, сын главного сподвижника Тохтамыша Урик-Тимура, предводителя племени ширин.

Урус-хан со своими людьми несколько раз атаковал в конном строю людей Тохтамыша и, проходя вдоль строя противника, осыпал его градом стрел. Противник отвечал тем же. Джалал ад-Дин и его товарищи решили, в свою очередь, атаковать с фланга Уруса, что и осуществили. Случайно стрела Джалал ад-Дина поразила Уруса, и тот был убит. Сторонников Уруса, которые не заметили в ночной темноте гибели своего предводителя, от неожиданной атаки Джалал ад-Дина обуяла паника, и они бежали без оглядки с поля боя. Тохтамыш же, его люди и сыновья беспрепятственно ушли к Идилю. С тех пор и бытует среди узбеков истина: “Джалал ад-Дин убил Уруса”. Таково степное предание, зафиксированное Утемишем-хаджи, и которому у нас нет пока никаких причин не доверять.

Этот небольшой и, казалось бы, безыскусный рассказ, на первый взгляд, уточняет лишь незначительный факт из истории ханов Дашт-я Кыпчака — обстоятельства смерти Уруса-хана. Однако такой вывод был бы неверным, хотя бы уже и потому, что источник уточняет наши сведения по такой вспомогательной исторической дисциплине, как генеалогия. Если значение генеалогии как важной научной дисциплины в последнее время реабилитировано и признано, что дальнейшая разработка ее проблематики существенна для углубления проникновения в сущность исторического процесса на Руси и даже западно-европейских стран (по [79] которым имеются многочисленные генеалогические справочники и исследования), то что же говорить о значении генеалогических исследований по истории евразийских степей, по которой в этом аспекте в сущности не сделано ничего?!

Однако значение рассказа о гибели Уруса (впрочем, как и всего текста “Чингиз-наме”) состоит прежде всего не в свежих генеалогических данных, а в том, что исходя из его данных могут быть сделаны многие, казалось бы неожиданные, выводы. Попытаемся наметить лишь некоторые из них.

1. Анализ рассказа о смерти Уруса позволяет установить существование в степях Дашт-и Кыпчака собственной историографической традиции. Традиция эта была устной, переходящей от поколения к поколению. Могут быть отмечены ее некоторые характерные черты. Она существовала в форме рассказов о лицах и событиях, которые, будучи выстроены в хронологическом порядке, образовывали последовательный и непрерывный ряд — степное устное историческое знание, что и может быть названо степной устной историографией. Последняя, несмотря на ее “экзотичность”, в сущности подчинялась тем же системно-структурным принципам, что и письменная историография. Хронологические “провалы” и тенденциозность, анахронизмы, избирательность, некоторый разноречивый (приписывание одних и тех же событий различным лицам) не составляют принципиального отличия первой от второй. Временная глубина устной историографии — события эпохи Чингизхана. Но и это отличие не принципиально: многие “национальные” письменные историографии эпохи феодализма имели не более глубокую точку отсчета. Каждый такой рассказ резюмировался в форме краткой сентенции типа “Джалал ад-Дин убил Уруса”, которая, будучи поговоркой исторического характера, служила для закрепления событий в памяти народа, зачина и концовки рассказа-предания. Высокая степень точности данных устной историографии устанавливается перекрестным сравнением данных письменных источников, построенных на ее основе, с известиями исторических сочинений, имеющих иную основу.

2. Степную устную историографию можно трактовать не только как форму социальной памяти насельников Дашт-и Кыпчака, но и как особую форму изящной устной словесности, устной народной литературы. Рассказ о гибели Уруса имеет не только историографическую ценность, он несомненно выполнял и эстетическую функцию. Другие подобные рассказы-предания “Чингизнаме” демонстрируют это качество более ярко, четко и выпукло. Они нередко эмоционально окрашены, заострены в морально-этическом плане. Они включают в себя иногда жыры (в “Чингизнаме”—их отрывки), которые иллюстрируют предание, а предание, в свою очередь, разъясняет их происхождение. Один из таких отрывков из жыра XIV в., приведенный в “Чингизнаме”, — это сатира на претендента на трон Золотой Орды Шайбанида Каанбая, его саркастическая характеристика, сдобренная фривольными выражениями, что столь характерно для степной поэзии. Из такой поэзии, вероятно, и выросли героический эпос и другие эпические жанры устного народного [80] творчества казахов и других народов, ведущих свое происхождение от племен Дашт-и Кыпчака, дошедших до нашего времени с большой степенью историографической деформированности.

3. “Кары сез”, будучи положенными в основу ряда дошедших до нашего времени сочинений, в основном на тюркских языках, написанных в XVI и последующих веках, определили их содержание, особую структуру, систему изобразительно-выразительных средств и пр. В составе письменных нарративных источников по истории Дашт-и Кыпчака и соседних стран, следовательно, и по истории Казахстана, они по этой причине образуют совершенно особую, своеобразную группу, без учета чего не может быть построена удовлетворительная классификация письменных нарративных источников по истории Средней Азии, Казахстана, всего Дашт-и Кыпчака и некоторых соседних стран. Эти сочинения могут также рассматриваться и как продукт историко-художественного творчества, поэтому их правомерно связывать и с историей художественной литературы, несмотря на их, казалось бы, строгую историографичность (естественно, с учетом всей условности приложения последней дефиниции к творениям средневековых историков). В ряд таких сочинений входят “Таварих-и гузида-йи нусрат-наме” Мухаммад Шайбани-хана (предположительно), “Чингиз-наме” Утемиша-хаджи, “Джа-ми’ ат-таварих” (“Сборник летописей”) Кадыр-’Али-бий джалаира, “Шаджара-йи турк ва могул” Абу-л-Гази-хана и некоторые другие.

4. Ситуация в Восточном Дашт-и Кыпчаке в период правления Урус-хана характеризовалась нестабильностью, несмотря на внешнее признание власти этого хана.

5. Нестабильность порождалась соперничеством в борьбе за власть других Джучидов (в данном случае — Тохтамыша).

6. Нестабильность порождалась также наличием “недовольных молодых людей”, которые объединялись вокруг лица, способного повести их на борьбу против верховного хана и стоявших за ним социальных сил. “Недовольные молодые люди” принимали прямое участие в акциях, направленных против хана, т. е. были полны решимости воевать и воевали против хана.

7. Нестабильность увеличивалась сепаратизмом племен, в основе которого лежало признание “исторического” права возглавлять их лишь за представителями совершенно определенных линий Джучидов. Переход их под власть Джучида другой линии осознавался как противоправный акт и мог быть воспринят как достаточное основание для отказа от повиновения. Источником такого правового воззрения был исторический акт раздела племен Чингизханом между своими сыновьями и внуками.

8. Одной из форм борьбы племен против хана, установившего свою власть над ними в нарушение традиционного права, была откочевка. Таким образом, откочевка в XIV в. продолжала оставаться одной из актуальных форм борьбы против “несправедливости”.

9. Урус-хан не обладал достаточной принудительной силой, чтобы подавить недовольство не только всех подвластных ему племен, но даже [81] и части их, что послужило причиной его гибели.. Осуществить это возможно было лишь с помощью других племен, оказанной Урус-хану добровольно на основе определенных принципов и оговоренных условий взаимоотношений между ханом и племенами. Племена могли отказать Урус-хану в предоставлении воинских контингентов по таким причинам, которые признавались основательными, — удаленность театра военных действий или сезонная неготовность конского состава к дальним маршам (“кони разжирили”). В равной мере и Тохтамыш был силен лишь силою поддерживавших его племен.

10. Не существовало строгой последовательности перекочевки племен с зимних кочевий на летние—они могли начать перекочевку по своему усмотрению, раньше или позднее сигнала, который подавался ханом. Племена, прибывшие на летовья раньше, занимали наиболее подходящие им пастбища вдоль рек, а прибывшие позднее — пастбища из числа незанятых. Следовательно, отсутствовало строгое распределение летовий, и они занимались на основе явочного права.

11. Рассказ о гибели Уруса—ценный источник по истории военного дела кочевников Дашт-и Кыпчака. Время суток (ночь) использовалось нападающей стороной с целью скрыть свою численность. Бой был “конный” и “лучный”. Складывался он из серии атак нападающей стороны на вытянутую по фронту, массу конницы, отступающих, которые в течение боя продолжали отход, в свою очередь, прикрывая отходящие обозы с небоеспособными соплеменниками. Атака осуществлялась лавой, которая, приблизившись на необходимую для ведения боя дистанцию, осыпала противника градом стрел, поворачивала “все вдруг” вдоль строя противника, продолжая интенсивную стрельбу, и отходила. Затем все повторялось. Исход боя был решен внезапной фланговой атакой мальчигов, которые в данном случае выполнили функцию “засадного полка”. И атакующие, и обороняющиеся в бою выкрикивали свои “ураны”, что сигнализировало о складывающейся ситуации и было формой связи. В бою действовали законы чести, что выразилось, например, в том, что Урик-Тимур, под которым был убит конь, громким криком упрекал Тохтамыша в забвении условий, заключенных между ними, и Тохтамыш посчитал делом чести вернуться к Урик-Тимуру, оставшемуся пешим на “ничейной территории”, поднять его к себе на коня и затем вывезти к “своим”.

12. Устанавливается наличие у насельников Дашт-и Кыпчака особого народного календаря, в котором отразились хозяйственно-бытовые ритмы общества кочевников-животноводов, опосредованные средой обитания. Из составляющих календаря зафиксированы перекочевка на летовья и сезон самого проведения летнего кочевания. В границах последнего особо выделен период, когда “кони разжирили, а люди веселятся и пьют кумыс”. Эти подразделения позволяют установить в первом приближении общую структуру народного календаря. Во-первых, существовали основные единицы — сезоны зимних и летних кочеваний. Априори можно предполагать и существование сезонов осенних и весенних кочеваний. Особо выделяются периоды перекочевки с одних [82] сезонных кочевий на другие. Это было первым уровнем деления годового производственно-бытового цикла. Основные сезоны имели более дробное деление, что доказывается выделением в рамках сезона летних кочевий периода, когда “кони разжирили”. Это — второй уровень календаря. Изучение источников, основанных на устной историографии, позволит, несомненно, более полно реконструировать народный животноводческий календарь насельников Восточного Дашт-и Кыпчака.

О СТРОИТЕЛЬСТВЕ МАВЗОЛЕЯ КЫЙАТА ДЖИР-КУТЛУ НА СЫРДАРЬЕ В XIV В. В СВЯЗИ С ИСТОРИЕЙ ДАШТ-И КЫПЧАКА

Целью настоящего сообщения является введение в оборот данных из “Чингиз-наме” хивинского автора XVI в. Утемиш-хаджи ибн Маулана Мухаммада Дости о строительстве названного мавзолея.

В XIV в. на Сырдарье по инициативе предводителя племени кыйат Тенгиз-Буги был построен мавзолей его отца Джир-Кутлу, что само по себе представляет значительный интерес для истории культуры Казахстана, так как до сих пор не известно, при каких обстоятельствах были возведены такие сооружения, как мавзолеи Джучи, Алаша-хана, Кок-Кесене и др. Не менее важными являются и события социально-экономического, политического и этнического порядка, связанные с этим строительством. Следует сказать, что историю Дашт-и Кыпчака этого времени мы знаем по источникам, созданным вне Дашт-и Кыпчака и потому в основном не отразившим внутреннюю историю Золотой Орды Короче говоря, для освещения истории Казахстана и других стран и народов, сложившихся на бывшей территории Золотой Орды, не хватает сведений, исходящих от самих народов, населявших этот регион, т. е. историки все еще “не услышали” “собственного” голоса народов Дашт-и Кыпчака. Между тем такие источники есть. Один из них — “Чингиз-наме”, который основан на устной историографической традиции насельников Дашт-и Кыпчака.

Для уяснения обстоятельств строительства мавзолея Джир-Кутлу необходимо обратиться к периоду правления хана Золотой Орды Тохты (в “Чингиз-наме” он назван Токтага-хан), который охватывает 1290-1312гг.

По “Чингиз-наме”, Токтага, ставший ханом после Мунк-Тимур-хана, внука Саин-хана (Бату), перебил всех сыновей и других потомков Саин-хана мужского пола, в том числе и своего младшего брата Тогрула, из страха, что они после его смерти начнут борьбу за “трон Саина” с его старшим сыном Эль-Басаром. Однако Токтага сам пережил Эль-Басара. Таким образом, линия потомков Бату пресекалась, и ханство должно было перейти к кому-то из потомков других сыновей Джучи. Это не давало Токтаге покоя. Но Келин-Байалин, вдова Тогрула, ставшая по левирату женой Токтаги, призналась ему, что у нее от Тогрула есть сын, [84] которого она, опасаясь Токтаги, отправила в Черкесские горы. Это был будущий хан Золотой Орды Узбек, которому в то время исполнилось 14 лет. Обрадованный Токтага щедро одарил Келин-Байалин и немедленно отправил за юношей 40000 человек во главе с Кыйатом Исатаем и Сиджутом Алатаем. Однако, когда те возвращались с Узбеком, Токтага скончался. Власть в Сарае захватил аталык Токтаги Баджир Ток-Буга из племени уйгур. Племя это состояло из многочисленных и сильных подразделений.

Баджир Ток-Буга провозгласил себя ханом, хотя и был “черным человеком”, т. е. простолюдином, нечингизидом. Узбек и его сопровождающие узнали об этом. Они послали гонца к Баджир Ток-Буге с изъявлением покорности, сами же искали способ устранить его. Баджир Ток-Буга, в свою очередь, также отправил к ним гонца с посланием, в котором объяснял свое поведение лишь стремлением оградить престол от посягательств других претендентов и заверял, что провозгласит Узбека ханом сразу же по прибытии его в ставку. Но это было ложью — он замыслил, заманив Узбека, убить его ¹.

Об истинном намерении Баджира Ток-Буги некто по имени Сангу-сун предупредил Исатая. Узбек и его спутники приняли меры и сумели уничтожить “узурпатора”. Узбека подняли ханом, и “воссел он на трон” ². Произошло это в 1313 г.

В благодарность за верность Узбек-хан отдал “в кошун черному человеку” Кыйату Исатаю всех потомков 17 сыновей Джучи, рожденных не матерью Бату и Иджана, а другими женщинами, со всеми их нукерами и прочими людьми. Это было жестокой мстью Узбек-хана Дхучидам, “уронившим свою честь” подчинением власти простолюдина-нечингизида Баджир Ток-Буги ³. Эта внешне очень эффектная акция преследовала и прозаическую, но гораздо более важную, чем наказание, цель — устранение реальных соперников, законных претендентов на ханскую власть. Награжден за службу был и Сиджут Алатай, ему Узбек-хан пожаловал эль, состоявший из племени минг ⁴.

Исатай забрал всех отданных ему Джучидов, сделав исключение лишь для Шайбанидов. Последних он освободил и предоставил самим себе в юрте, в свое время определенном Саин (Бату)-ханом для Шайбана около озера Ак-Куль ⁵. Одновременно Исатай предоставил им

двусоставный эль, в который входили племена карлык и буйрак. Причиной такого особого отношения к Шайбанидам было то, что они являлись потомками “богатыря Шайбана”, 5-го сына Джучи, который удостоился милостей Чингизхана. Забегая вперед скажем, что эти обстоятельства, плюс то, что после пресечения линии Бату (со смертью Бердибек-хана, внука Узбек-хана) на троне Сарая утвердился Хызр-хан, сын Мангку-тая, потомок Шайбана, служили основанием для Шайбанидов утверждать [85] свое превосходство над потомками Тука-Тимура, 13-го сына Джучи ⁶.

После смерти Бердибек-хана в 1360 г. на “трон Саина” претендовали Шайбаниды и Тукатимуриды. Приведенные выше доводы служили обоснованием “права” Шайбанидов на верховную власть в Золотой Орде. Они отстаивали это право в борьбе с Тукатимуридами Тимур-Кутлы (Тимур-Кутлук), Урус-ханом и Тохтамышем, основавшими династии, правившие в Казани, Астрахани, Восточном Дашт-и Кыпчаке. Другая линия Тукатимуридов утвердилась в Крыму (Гирей).

Передача Джучидов под власть Исатая имела важные последствия.

В период правления Бердибек-хана (1357—1360) на Джучидов вновь обрушились репрессии. Бердибек истреблял родичей и сыновей, опасаясь с их стороны покушений на его положение верховного хана Золотой Орды. Делал он это якобы по наущению своего аталыка Тулубая, предводителя могущественного племени канглы. Тулубай же наущал Бердибека, снедаемый жаждой мести: сын Тулубая во времена Джанибек-хана (1340—1357) разбойничал и был за это убит. По этой причине Тулубай желал погибели роду Бату. Массовые репрессии привели к смутам. В результате Кыйат Мамай увел правое крыло узбеков в Крым, а Кыйат Тенгиз-Буга—левое крыло на реку Сыр (Сырдарью). Бердибек остался в Сарая. Через 3 года он умер ⁷.

Тенгиз-Буга был сыном Джир-Кутлу, о чем в “Чингиз-наме” упоминается в нескольких местах. Ничего более о Джир-Кутлу “Чингиз-наме” не сообщает. Известия о нем есть, однако, в “Джами’ ат-таварих” Кадыр-Али-бия джалаира: “После того как Джани [бек]-хан скончался, все разбрелись кто куда... В ту же смуту Урус-хан со своим войском ушел к Ала-Тагу. В то время после Джанибек-хана над всем улусом [левого крыла] бием был Джир-Кутлу, сын Кыйата Исатая. Урус-хан убил Джир-Кутлу. Все признали старшинство Урус-хана” ⁸.

В одном месте в “Чингиз-наме” Тенгиз-Буга назван сыном Кыйата Исатая ⁹. Но следует иметь в виду, что в тюркских языках слово *орул* “сын” употребляется и в значении “потомок”. Упоминается это в связи с тем, что все Джучиды — потомки семнадцати сыновей Джучи после смерти Исатая на том же положении кошуна перешли к Тенгиз-Буге.

Как же использовал этих огланов-Джучидов Тенгиз-Буга? Он жестоко истязал и унижал их. А когда решил возвести мавзолей над могилой отца своего Джир-Кутлу, то всю работу поручил им: они делали и подносили кирпичи, носили воду. Много мук приняли эти Джучиды, раны покрыли их тела. На долю их выпали и другие тяготы и унижения ¹⁰.

Огланы-Шайбаниды, которые по воле Кыйата Исатая избежали тяжелой участи остальных Джучидов, превращенных по существу в [86] подневольных людей биев племени кыйат, даже гордились тем, что они, как сообщает “Чингиз-наме”, “не участвовали в строительстве мавзолея Джир-Кутлу” ¹¹.

Каторжной жизни Джучидов на строительстве мавзолея конец пришел внезапно зимой 1360 г. Получив известие о смерти Бердибек-хана, Кыйат Тенгиз-Буга решил захватить власть в Восточном Дашт-и Кыпчаке, провозгласив подставного хана из числа подвластных ему Джучидов. Выбор его пал на Кара-Ногаю. Остальных Джучидов ожидала смерть. Однако намерения Тенгиз-Буги были раскрыты, и он был убит ¹².

Тукатимурид Кара-Ногай стал ханом “левого крыла” на берегу Сырдарьи. На троне Сарая ханом стал Шайбанид Хызр ¹³.

Отметим, что Хызр-хан пришел с Ак-Куля из Восточного Дашт-и Кыпчака в Сарай по приглашению знаменитой ханши Тайдулы и был ею и ее сторонниками провозглашен ханом Золотой Орды.

Кара-Ногай был “государем на берегах Сыра, правил вилайетами Туркестана. Через три года он скончался. Ханом стал младший брат его по имени Туглы-Тимур... После него ханом стал Урус, сын Бадык-оглана” ¹⁴.

Комментарии

- 1 Чингиз-наме, л. 47а.
- 2 Чингиз-наме, л. 47б.
- 3 Чингиз-наме, лл. 47б—48а.
- 4 Чингиз-наме, л. 48а.
- 5 Чингиз-наме, л. 50б.
- 6 Чингиз-наме, лл. 38а—39а, 47б—48а.
- 7 Чингиз-наме, л. 50аб.
- 8 Джамий ат-таварих, л. 50аб.
- 9 Чингиз-наме, лл. 50б—51а.
- 10 Чингиз-наме, л. 51а,
- 11 Чингиз-наме, л. 38б.
- 12 Чингиз-наме, лл. 51б—53а.
- 13 Чингиз-наме, л. 53а.
- 14 Чингиз-наме, л. 54аб.

ЧИНГИЗ-НАМЕ

[ВВЕДЕНИЕ]

/36а/ Во имя Аллаха, милостивого, милосердного! Хвала беспредельная и слава безграничная тому божественному государю, который из ничего сделал сущими Вселенную и Адама и вызвал [их] к жизни из небытия, и сделал для Адама пред всеми тварями знание самым любимым и почитаемым, [и] сделал [Адама] объектом поклонения ангелов и наместником лика земли, подобно тому как соблаговолил он сказать в “Древнем слове”, произнеся аят: “И вот, сказал Господь твой ангелам: “Я установлю на земле наместника” ¹. Ты единственный и сущий, из небытия сотворивший весь мир. Ты создатель и покрыватель, сокрывший грехи всех.

И сделал он некоторых из сыновей Адамовых пророками и апостолами, дабы сообщили они людям, что един он и сущ, и провели установления [его].

А еще одну группу сделал он государями и хакимами, дабы судили они среди людей по истине [и] не склонялись к лицемерию и не позволяли творить [людям] друг другу насилие и несправедливость, [ибо] сказал Аллах Всевышний: “...Мы сделали тебя наместником на земле, суди же среди людей по истине и не следуй за страстью, а то она сведет тебя с пути Аллаха!” .

[Это —] аят.

И да пребудут молитвы чистые и признания могущества [его] искренние над тем желанным и возлюбленным Бессмертного Мухаммадом, посланником Аллаха, — да благословит его Аллах и да приветствует, — благородная персона и изящный элемент которого были целью творения Вселенной и Адама, подобно тому как сказал Аллах Всевышний: “Когда б не ты, не создал я небеса и реки. Ты вместилище светила двух миров. Этот мир и мир тот создал я из любви к тебе”, — а также над родом его и личными сподвижниками его, каждый из которых был на [90] пути ведения к истине звездой доказательства и свечью светлой, подобно тому как сказал Аллах Всевышний: “Мои сподвижники как звезды, так как они вели и направляли вас”, — и над прочими мухаджирами ¹ и ансарам ² и таби'ями ³, праведными и благими, до дня страшного суда.

А после восхваления господина и прославления посланника /36б/, да будет ведомо обладателям разума, что этот презренный бедняк Утемиш-хаджи ибн Маулана Мухаммад Досты — [один из числа] родившихся в доме сыновей рабов и давних слуг царевича, [сына] покойного, властелина, хазрата хакана Йадгар-хана ⁴. В то время я находился на службе у хазрата величайшего султана и великодушнейшего хана, по милости владыки-щедрого подателя почившего в бозе, Абу-л-Мансур Ильбарс-бахатир-хана ⁵—да упокоит Аллах прах его и да сделает рай его обителью! Так как они были потомком Чингизхана, а я был возвращен благодаря благодеяниям этой династии, то я желал знать надлежащим образом, кто из потомков Чингизхана становился ханом, после того как кто-то

был ханом в вилайете этого Дашт[-и Кыпчака] ⁶, и затем до какого времени и в каком порядке кто пребывал ханом, и какого рода войны, и какого рода столкновения происходили между ними, — все это я [желал] знать надлежащим образом. В хрониках, которые я видел, записаны имена [лишь] меньшей части их, и все. Благодаря чему и при каких обстоятельствах становились они ханами, упомянуто не было и не были упомянуты даже имена большей части их. Так как у меня было стремление надлежащим образом знать об их обстоятельствах, то по этой причине именно направлялся я непременно к [любому] человеку, о котором говорили, что такой-то хорошо знает предания, и устанавливал истину и признавал у него, и, взвесив на весах разума, приемлемое сохранял в памяти, а неприемлемое отвергал. Так получилось, что когда на любом собрании заходила речь о давних государях и возникало затруднение, то стали приходиться и признавать и устанавливать истину у нас, бедняка. И благодаря этим собраниям стал я известен. Все.

В то время высокому хазрату, хану, /37а/ прибежищу страны. тени Аллаха, предводителю султанов веры и льву на арене поля боя, царственному владетелю трона халифского достоинства и Рустаму ристалища отваги, который каждодневно — Рустам, [сын] Дастана, на поле битвы, пристанищу султанов, [великодушному], как река Сыр ⁷, Иш-султану—да пребудет он пока стоит мир, благословенная персона которого — рудник щедрости и великодушия и источник благодеяний,— да увековечит Аллах Всевышний его царствие и да укрепит его правление, стало желательно [выяснить] положение и обстоятельства огланов, [потомков] Йочи-хана ⁸, и кто после кого по порядку становился из них ханом, и вплоть до настоящего времени каким [91] образом и при каких обстоятельствах какого рода войны и какого рода столкновения происходили между ними, возникло [у него] страстное желание все это выяснить и сохранить у себя в памяти; по этой причине он призвал [к себе] этого презренного бедняка и, проявив такие милость и милосердие, спрашивал об их положении и обстоятельствах. Так как рассказов было много, они увидели, что на слух невозможно овладеть [ими]. В конце концов они повелели: “Запишите для меня эти рассказы”. Так как [я], бедняк, был [из числа] сыновей их рабов, то не смог послушаться их приказа и невольно нашел необходимым [исполнить] этот приказ относительно написания, [ведь] подневольный — не повинен!

Одним словом, цель этого предупреждения в просьбе этого презренного, чтобы [и] святые, и великие, и малые, и друзья, прочитавшие и прослушавшие это писание, эти слова, этот рассказ, которые занесены в это писание, [а их] нет ни в каком дафтаре, ни в каких-либо хрониках, все это записал я со слов, /37б/ [а] известно, что большинство услышанных рассказов передают неточно,—если случилась вдруг в нем ошибка или описка, то пусть они устранят описку и исправят ошибку, [а] еще, если признают они эту мою, бедняка, работу [выполненной в соответствии с указанием, что] подневольный—не повинен, да не сгинет она пред Аллахом. Поистине, Аллах не губит награды добродетельных.

[Глава первая]

НАЧАЛО ПОВЕСТВОВАНИЯ О ЧИНГИЗХАНЕ

Когда Чингизхан овладел вилайетами ⁹, одной стороной [которых] был Багдад, другой — Хиндустан, третьей — Дашт-и Кыпчак [и] река 'Идил ¹⁰, он пожаловал эти вилайеты своим четырем-пяти сыновьям. Вилайет Ирака он отдал Хулагу-хану ¹¹. Угедей-хана поставил в своем вилайете. Тули-хана держал около себя. Чагатай-хану отдал вилайеты Бухары, Самарканда ¹², Хорасана ¹³ и Хисара ¹⁴.

Йочи-хан был старшим из его сыновей. Он [Чингизхан] дал [ему] большое войско и отправил, назначив в вилайет Дашт-и Кыпчака, сказал: “Пусть будет пастбищем для твоих коней”. Дал [ему также] вилайет Хорезма. Когда Йочи-хан отправился в вилайет Дашт-и Кыпчака, он достиг Улуг-Тага ¹⁵, который известен. Однажды, когда он охотился в горах, ему повстречалось стадо марал-кийиков. Преследуя его и пуская стрелы, он свалился с коня, свернул себе шею и умер. [92]

ИДЖАН-ХАН [И] САИН-ХАН

Иджан-хан и Саин-хан известны. Они родились от дочери Турали-хана, его [Иочи-хана] жены. [У него было] еще семнадцать сыновей, которые были от других его жен. Эти Иджан и Саин /38а/ уступали друг другу ханствование. Саин-хан был моложе. Сказал он своему старшему брату Иджану: “Ты мой старший брат, [который] заменил мне отца. Значит, ты мне отец. Мы уходим в чужой юрт ¹⁶. Ты будь ханом”. Иджан сказал:

“Верно, что я старше тебя летами. Но наш отец очень любил тебя и вырастил баловнем. До сих пор я лелеял тебя и покорялся тебе. [Но] может [статься так], что я, если стану ханом, [уже] не смогу по-прежнему покоряться тебе, так что между нами возникнет война [и] ненависть. [Так] будь же ханом ты. Я снесу твоё ханствование, ты же моего ханствования не перенесешь”. Много раз предлагал [Саин] своему старшему брату, говоря: “Что это за слова?! Как подобает мне стать ханом, когда у меня есть старший по йасаку ¹⁷ брат?!” Когда тот не согласился и когда [Саин] сказал: “В таком случае давай что-нибудь предпримем. Давай пойдем к нашему великому деду Чингиз-хану. И я изложу свои слова, и вы изложите ваши слова. Каково бы ни было повеление нашего деда, по тому и поступим”, — [тот] одобрил эти слова и принял [их]. Два сына, родившиеся от одной матери, и семнадцать сыновей, родившиеся от других матерей, все вместе отправились на корунуш ¹⁸ к великому хану. Когда они прибыли на служение к своему [деду] хану, хан поставил им три юрты: белую юрту с золотым порогом поставил для Саин-хана; /38б/ синюю орду ¹⁹ с серебряным порогом поставил для Иджана; серую орду со стальным порогом поставил для Шайбана ²⁰.

Одним словом, в трех отношениях огланы Шайбан-хана гордятся и похваляются перед огланами Тохтамыш-хана ²¹, Тимур-Кутлы ²² и Урус-хана ²³, говоря: “Мы превосходим вас”. Во-первых, это — юрта. [Они] говорят: “Когда после смерти нашего отца Иочи-хана наши отцы отправились к нашему великому деду Чингизхану, то он после Иджана и Саина поставил юрту [и] для нашего отца Шайбан-хана. Для вашего [же] отца [он] не поставил даже и [крытой] телеги. И во-вторых,— говорят [они],—когда Узбек-хан ²⁴, разгневавшись, проявил милость к Кыяту Исатаю и отдал [ему] в качестве кошуна ²⁵ всех своих огланов вместе с их родами и племенами, он, опять оказав нам почет и уважение, дал нам двусоставный эль ²⁶, сказав: “[Они] — огланы богатыря Шайбана, рубившего саблей [и] покорявшего юрты”. Один из них — карлык, другой — буйрак. [Мы] взяли те два эля, [и он] предоставил нас самим себе в нашем [93] юрте, определенном [нам] Саин-ханом. Мы, когда [прочие огланы] укладывали камни [и] кирпичи в мавзолей того Джир-Кутлы ²⁷ и когда [они] стояли в кругу перед дверьми [юрты] его сына Тенгиз-Буги ²⁸ [и] преклоняли колена во время [исполнения] гимна в его честь, нас в тех делах не было”. Так [было], что, когда при Бердибек-хане ²⁹ сгнули огланы Саин-хана, Тай-Дуали-бегим, мать Джанибек-хана, решив, что теперь юрт и ханство достанутся огланам Шайбан-хана, призвала Хызр-хана, сына Манкутая ³⁰, [и] сделала [его] ханом в вилайете Сарая ³¹. “После огланов Саин-хана /39а/ ханствование на троне того хана досталось нам”, — говорят [они]. Рассказ этот приведен здесь в примерной передаче.

Теперь мы опять подошли к началу прежнего предания. Когда Чингизхан поставил своим огланам юрты и в тот [же] вечер произвел подсчет суйсуна и коналги ³², [то] наутро устроил корунуш. Было устроено двенадцать кругов. И беки его уселись по порядку. После того как пища была съедена в торжественной обстановке, Саин-хан снова преклонил колена и сказал: “Когда умер наш отец, я сказал [Иджану]: “Вместо него [ты] все равно, [что] мой отец. Будь ханом, так как мы идем в чужой юрт”. [Он] не согласился. Не могу понять, по какой причине [он] не согласился, [И я] пришел, чтобы изложить вам это свое заявление”. [Чингиз] хан сказал: “Саин говорит слова, соответствующие йасаку ³³. Почему [же] ты не согласился?”. Когда Иджан также преклонил колена [и] сказал: “Да, мой хан! Верно, что я старше летами. Но наш отец очень любил его и вырастил баловнем. До сих пор я покорялся ему. Он [же] не покорялся мне. Если я стану ханом, то не смогу по-прежнему покоряться ему, между нами возникнут злоба и ненависть. Я не соглашаюсь [стать ханом] по той причине, что покажусь вам дурным. Пусть ханом станет теперь только он. Я снесу его ханствование”, — [Чингиз] хан растрогался от этих слов, вспомнил своего сына Иочи-хана, прослезился, воздал им обоим еще большую хвалу и сказал: “Завтра [мы] посоветуемся с беками и дадим вам ответ”. Наутро, устроив совет с беками, [Чингизхан] в соответствии с ханской ясой отдал Саин-хану правое крыло /39б/ с вилайетами на реке Идил, [а] левое крыло с вилайетами вдоль реки Сыр отдал Иджану.

Одним словом, когда они, вернувшись с корунуша у [Чингиз] хана, пришли в вилайеты, назначенные им ханом, Саин-хан, прибыв на берег реки Идил, снарядил войско и пошел походом на Маскав ³⁴, город вилайета Урус.

Рассказывают. В том походе [Саин-хан] дал Шайбан-хану тридцать тысяч человек и отправил в передовой отряд, [а] сам двигался следом за ним. [Шайбан-хан] шел впереди на[94] расстоянии трехдневного пути. Московский государь получил известие [о движении врага. Он] вышел навстречу со ста пятьюдесятью тысячами человек. Они получили известие о том, что московский государь идет навстречу. Шайбан-хан решил двинуться на него форсированным маршем. Сколько ни отговаривали [его] беки, [он] не согласился. Двинувшись вперед форсированным маршем с расстояния, удаленного [от основных сил] на три дня пути, [он] ворвался в расположение его [русского государя] войска, пребывавшего в неведении. Русский государь не смог разгромить [Шайбан-хана, и тот] схватил его [русского вилайета] государя. Убили из его войска тех, кому суждено было быть убитыми, [а] остальных взяли в полон. Столько досталось [им] имущества и снаряжения, кольчуг [и] панцирей, что не было тому ни числа, ни счета. Однако Шайбан-хан повелел, чтобы ни единая вещь и [предмет] снаряжения, которые попали [в руки] каждому человеку, не были присвоены [и] чтобы их все принесли. Говорят, [что] из каждого рода [вещей] нагромодили груды. Было [этих] груд без счета.

Через два дня прибыл [Саин-]хан, увидел эту победу. Принесли всю эту добычу [и] преподнесли [ее Саин-хану]. Очень был [тот] обрадован [и] очень восхвалял Шайбан-хана. Затем, когда прибыл [Саин-хан и] устраивал корунуши, много различных милостей и благоволение оказал он Шайбан-хану /40a/и сделал [ему] пожалования. Всю попавшую [им в руки] добычу [он] пожаловал Шайбан-хану, [а тот] всю ее подарил своему войску. Наутро [они] двинулись в путь [и затем] пришли в вилайет Маскав. Там они находились несколько месяцев, устроили дела вилайета, взыскали мал [и] харадж ³⁵, поставили даруга ³⁶ [и] хакимов ³⁷ и с победой и одолением вернулись в свой вилайет.

Между тем, до того как они вернулись, нукеры ³⁸ Иджан-хана подняли мятеж против своего господина и убили Иджан-хана вместе со всеми его огланами. Когда это известие пришло к Саин-хану, он держал глубокий траур. После того как он прибыл домой и дал поминальное угощение, он снарядил войско и пошел походом на этого врага. А те не были в состоянии оказать сопротивление, и их великие бежали. Все другие роды и племена [Саин-хан] переселил к себе, присоединил к своему элю и каждый аймак ³⁹ отдал какому-либо беку в качестве кошуна. По той причине вплоть до настоящего времени остался обычай предавать мечу мятежников и врагов.

И вот, когда Саин-хан овладел [всеми] этими вилайетами и этими элями, то роздал он затем всем своим родственникам роды и племена и назначил [им] земли и юрты. Но когда он советовался со своими беками в то время, когда давал Шайбан-хану роды и племена и давал вилайеты, беки его сказали: “Этот человек сделал очень большое дело. И теперь он заважничал. [95]

Не подобает, дав ему роды, племена и вилайеты, держать [его] при себе. К тем тридцати тысячам человек, [которых ты] недавно выделил ему, добавь еще войска и пошли того человека в непокоренные вилайеты. Пусть любой вилайет, который он подчинит, будет его”. Слова эти понравились [Саин-]хану, добавил он к тем, выделенным [Шайбан-хану] тридцати тысячам человек, еще десять тысяч кыйатов [и] йуралдаев и отправил [его], назначив в вилайеты Крыма ⁴⁰ [и] Каффы ⁴¹.

[Глава третья]

НАЧАЛО ПОВЕСТВОВАНИЯ О ШАЙБАН-/40b/ХАНЕ

Много удивительных и поразительных дел совершил Шайбан-хан. Одно дело из того числа припомнили мы в этом кратком сочинении. Это одно дело его таково.

В вилайете Крыма есть мощная крепость из гранита под названием Кырк-Йер ⁴², мощь и неприступность которой известны во [всем] мире. Несколько лет [Шайбан-хан] осаждал [ее и] штурмовал, [но] взять не смог. Наконец он повелел: “С вечера и до зари бейте друг о друга любые предметы, которые издают звон!”. [Люди его] взяли [такие вещи] в обе руки и начали бить [ими] одна о другую, и начали бить они в медные котлы, подносы и чаши. Среди войска поднялись такие гвалт и грохот, что задрожали земля [и] небо [и] оглохли уши. Осажденные в страшной панике

начали метаться во все стороны, вопрошая, что же случилось. В ту ночь тот гвалт и грохот не стихали до зари, а осажденные не ложились спать. Когда заря занялась, [осаждающие] перестали [шуметь]. Когда опять настал вечер, они опять как прежде учинили гвалт и грохот. Неделю [или] около десяти дней поступали они так. От бессонницы осажденные до такой степени изнемогли, [что] начали говорить: “Если бы они намеревались что-то предпринять, [то уже] предприняли бы. Вероятно, есть у них в такое время года такой обряд и [такой] обычай”, — и успокоились. Когда Шайбан-хан узнал, что они успокоились, он собрал свое войско. Говорят, что та крепость находилась на голой скале. В эту ночь [осаждающие] шумели и кричали больше [чем обычно]. С четырех сторон крепости заложили подкопы. До зари проложили [такой] подкоп, через который мог бы пройти человек. Осажденные из-за гвалта и грохота не расслышали стука кирок [и] не сумели обнаружить [подкопа]. Когда подкоп был готов, [осаждающие] бросились на штурм ворот. Осажденные прибежали к воротам. Один отряд бахадуров назначили на тот подкоп. [Бахадур] выбежал из того подкопа, /41a/ бросился в крепость и взял ее. Мы расспрашивали путешественников, видевших ту крепость; они сказали, что [и сейчас] еще сохранились следы того подкопа. [96]

Затем [Шайбан-хан] пошел походом на вилайет Улак⁴³ и захватил его. Затем пошел походом на вилайет Корал. Корал — очень большой вилайет. Много было за него сражений. Наконец он покорил Корал и сделал его столицей. Там он скончался. И сейчас [еще] есть потомки государя [вилайета] Корал. Шайх-Ахмад-хан несколько лет был там в плену, затем опять благополучно выбрался [оттуда] и пришел в свой вилайет Хаджи-Тархан⁴⁴. Он рассказывал: “Каких бы только омаков ни были эли в нашем узбекском народе, изо всех них есть там [такие же омаки]: ушли вместе с Шайбан-ханом и там остались”.

И вот, когда закончили мы рассказ о Шайбан-хане, мы опять подошли к рассказу о Саин-хане. Саин-хан стал великим государем в вилайете Дашт [-и Кыпчака]. Несколько лет он правил в счастья и благополучии. Когда настал смертный час и он ушел из мира, у него было два сына. Имя одного было Сары-Так⁴⁵, имя другого — Туган⁴⁶. Сары-Так умер раньше его самого в возрасте восьми лет. Остался [без отца] малолетним также [и] Туган. Беки в согласии послали гонца к Хулагу-хану. Послали ножны без сабли и рубаху без ворота, то есть эль остался — государей у него нет, женщины остались — мужей у них нет.

Когда Хулагу-хан услышал это известие, он выступил в поход, пришел в вилайет Ширвана⁴⁷ и, снарядив большое войско, послал [его] вместе [с гонцом]. Пока это войско приближается, мы подошли [к рассказу о] Берке-хане⁴⁸ — да пребудут над ним милость и благоволение [Аллаха]!

[Глава четвертая]

НАЧАЛО ПОВЕСТВОВАНИЯ О БЕРКЕ-ХАНЕ

Упомянутый [Берке-хан] — да будет над ним милость [Аллаха] — знаменит [тем, что] с рождения матерью был мусульманином. Когда он появился на свет, он не сосал молока [ни] своей матери, /41b/ [ни] молока других женщин-немусульманок. По этой причине показал [его Йочи] своим колдунам и ведунам. Когда те сказали: “Он — мусульманин. Мусульмане не сосут молока женщин-немусульманок”, — то разыскали и доставили женщину-мусульманку. Ее молоко он начал сосать.

Когда через несколько лет после этого события его отец Йочи-хан умер, он пришел в город Сыгнак⁴⁹, не будучи в состоянии находиться среди неверных. Когда [же] он пришел в этот вилайет, то, прослышав о достохвальных качествах Шайх ал-'алам Шайх Сайф ад-Дина Бахарзи⁵⁰, который был [одним] из халифа хазрата полюса полюсов Шайх Наджм ад-Дина Кубра⁵¹, со страстным желанием и любовью прибыл к нему на служение и в течение нескольких лет ревностно стремился овладеть крайней степенью [духовного] совершенства святых. Он все еще [97] находился на служении у шейха в то время, когда умер Саин-хан [и] беки его в согласии послали гонца к Хулагу-хану.

Однажды хазрат шейх сказал Берке-хану: “О, сын [мой]! Такое последовало повеление от Господа Всевышнего: “Отправляйся и правь в юрте отцов [своих]!” [Тот сказал]: “Обрету на службе у вас. Еще отправлюсь и обреку себя на правление этим [тленным] миром и его тяготы”. Когда [же] шейх сказал:

“Нет спасения от суда Господа Всевышнего, коль попадешь ты в передрагу, коль примешь муки ее”, — то упомянутый хан также оказался в безвыходном положении и согласился. Несколько дней он готовился [и затем] отправился. Хазрат шейх проводил [его] из Бухары до Кара-Куля ⁵². Хан пешком шел при поводе [коня] шейха. Из Кара-Куля шейх, благословив [Берке-хана], вернулся, [а] хан /42a/ отправился в вилайет Дашта.

В вилайете Хаджи-Тархана был знаменитый своим богатством человек по имени Хаджи Нийаз. Он рассказывал: “Из Кара-Куля хазрат хан вышел [вместе с] восемью человеками и двинулся в вилайет Дашта. Каждый из тех восьми человек— предок тысячи юрт. Когда хан, да будет над ним милость [Аллаха], выйдя из Кара-Куля, прибыл в Урганч ⁵³, он из Урганча пошел в Сарайчук ⁵⁴. Рассказывают. Пока он шел в Сарайчук, [вокруг него] собрались пятьсот человек. Пока [же они], пройдя через Сарайчук, дошли до берега реки 'Идил, то собрались [уже] тысяча пятьсот человек. Когда они пришли на берег реки 'Идил, то получили известие, что Хулагу-хан с огромным войском идет [сюда] по побережью Кулзумского моря ⁵⁵. Это собравшееся [вокруг Берке-хана] войско его перетрусило и все вместе они сказали [хану]: “Хулагу-хан — великий государь. Есть у него войско. Нас [же] мало. Не следует нам идти на него и сражаться”. Говорят, что тогда у хана был щит без чехла. Некоторые говорили, [что у хана] был шлем без чехла. Был [у него] также овечий альчик ⁵⁶. В ответ им хан сказал: “Не по своей воле, не по своему желанию пошел я в поход. Вы не верите в меня. Если сейчас вот мы своей рукой поставим этот альчик на тырбу на шишак щита или шлема, то он не устоит. [А] теперь давайте с вами условимся. Я метну этот альчик на шишак этого щита или шлема. Если станет он на тырбу у них на шишаке, то знайте, я одолею этого врага. Господь /42б/ Всевышний [победу] отдаст мне. Если [же альчик] не станет на тырбу, то не слушаюсь я, что бы вы ни сказали”. Эти люди в свою очередь сказали: “Если [альчик] станет на тырбу, то и мы, пока теплится в нас жизнь, будем с вами заодно”. Когда хан — да пребудет над ним милость [Аллаха] — взял альчик в свои руки и бросил, памятуя об Аллахе Всевышнем, [то альчик] точно стал на тырбу на шишаке. [98] Когда те увидели это, то изгнали из своих сердец сомнение, все стали послушны и покорны, переправились через реку 'Идил и по берегу Кулзумского моря двинулись навстречу войску Хулагу-хана.

На том пути из Кулзумского моря многочисленными рукавами выходят заливы. Путь проходит, пересекая головы этих рукавов. Там есть высокие песчаные бугры. Я, бедняк, видел те места. [Их] называют Кыр-Мачак. За теми местами рукава из моря [уже] не выходят. Есть там один громадный бугор. Караулы Берке-хана поднялись на тот бугор. Со стороны Ширвана появилось огромное облако пыли. Сообщили хану, что появилось облако пыли, [поднятое войском] врага, и нет [ему] ни конца, ни края. Те беки опять начали трусить. [Тогда] хан сказал: “Я поднимусь на этот бугор, [а] вы стойте и смотрите отсюда и увидите могущество Господа Всевышнего. Если враг придет и будет меня одолевать, то вы отсюда же и бегите”. И они согласились и стояли.

Хан поднялся на вершину холма. Немного спустя с той стороны появилось [вражеское] войско. Волна за волной, полк за полком подходило оно. Как только подходили они, так тут же начинали принимать напротив него боевой порядок. Выстроили несколько боевых линий. [Когда] подтянулись последние полки, то разглядеть края их войска стало невозможно. Тогда хазрат хан трижды хлестнул нагайкой и погнал коня в карьер на врага. Не успел он еще с бугра ворваться [в расположение врага, как] /43a/ могуществом Господа Всевышнего [боевые порядки] войска его перемешались и [враг] обратился в бегство. Увидев, это, войско [Берке-]хана ринулось следом за ханом. Преследовали несколько дней, убили тех, кому суждено было быть убитым, кому нет—тех полонили, и вернулись. Завладели всеми конями их, всем их снаряжением.

У тех, угодивших в плен, спрашивали: “Почему [же] бросились вы бежать от одного [лишь] человека на том бугре?”. Они отвечали: “По обеим сторонам от того человека, что находился на бугре, стояли два громадных войска. Сколько ни всматривались [мы, так и] не смогли разглядеть ни конца тех двух войск, ни края. Потому-то мы и построились вдали. Когда тот человек на холме помчался на нас, ринулись [на нас] и те два громадных войска. Почудилось нам, будто рухнули на нас земля и небо. Потому [-то вот] не устояли мы и бросились бежать”. Это чудо хазрат хана известно среди народа.

Некоторые говорят, что в этом войске был [сам] Хулагу-хан. Когда войско это было разгромлено, он был убит. Никто [однако] не знал о его гибели. Но в хрониках хазрат Дост-султана говорится: “С тоски по этому войску, что было разгромлено в походе, он заболел и через два месяца умер”. А впрочем, Аллах лучше ведает. [99]

Когда вилайет Дашта подчинился Берке-хану, то большую часть неверных он обратил в ислам. Некоторые говорят, что правил он тринадцать лет, а другие — шестнадцать лет. Затем он соединился с милостью бога. Потомства от хазрат хана не осталось. Выше было упомянуто, [что] у Саин-хана было два сына: один был Сары-Таки, другой—Туган. Сары-Таки /436/ умер раньше своего отца в возрасте восьми лет. От Тугана [же] остались два сына: одного звали. Туда-Манги ⁵⁷, а другого—Мунк-Тимур ⁵⁸. [Когда умер Берке-хан], этот Мунк-Тимур был маленьким. А Туда-Манги, хотя [и] достиг он совершеннолетия, был, однако, слабоумным, очень поврежденным рассудком человеком. Не найдя никого кроме него из потомства Саин-хана, беки, объединившись, сделали ханом упомянутого [Туда-Манги]. Много о нем странных и удивительных преданий и необыкновенных рассказов. Но [лишь] один [или] два рассказа вспомнаны в этом кратком сочинении.

Рассказывают. Прибыли однажды послы от верховного (?) хана. Этому хану [Туда-Манги] беки его все вместе сказали:

“Пришел этот посол, приехавший издалека. Не вздумай пороть при нем ерунды. Спроси, здоров ли хан; спроси также, благоденствует ли эль. Больше не спрашивай ничего”. Еще сказали: “Вы не вольны поступать по собственному усмотрению. К ногам вам мы привяжем веревку и кто-нибудь заберется под трон и пусть сидит [там] и держит эту веревку. [И] всякий раз как вы, забыв про наши наставления, начнете пороть ерунду, пусть дергает он ту веревку. [И] тогда вы переставайте говорить”. Сказали они [так], и он согласился. Говорят, [что] хорошим в нем было то, [что], несмотря на свое помешательство, он соглашался со всем, что беки, объединившись, наказывали ему, и из повиновения им не выходил. Потому правил он в вилайете Дашта восемнадцать лет.

Эдигу-бий — да помилует его Аллах — говаривал: “Если решите вы накликать беду на вашего врага, творите такого рода молитву: “О Боже единый! Лиши разума врага моего. А еще, сделай [так, чтобы] не внимал он и словам разумеющих!”. [Такую] молитву творите”. /44a/ Говаривал он [также]: “Если кто-то сам не понимает, [но] внимлет словам разумеющих, то он уже и понимает. Нет в том разницы!”

Одним словом, наутро дали послу аудиенцию. [Туда-Манги-хан] спросил, здоров ли хан. Спросил, благоденствует ли народ. Потом спросил: “Много ли мышей в вашем эле?”. [Посол] сказал: “Много”. Потом еще спросил: “Много ли дождей бывает в вашем эле?”. [Посол] сказал: “Да, много выпадает”.

Тот, державший [в руках] веревку, человек увидел, что [хан] начал заговариваться. Он дернул веревку. [Тогда] хан сказал послу: “Спросил бы тебя еще о чем-нибудь, да меня дергают [100] за ноги”. Беки тут же забрали посла, удалились с [аудиенции] и проводили [его], преподнеся коня [и] шубу.

Вернувшись, тот посол явился на служение к своему государю. Когда хан тот спросил: “При каких обстоятельствах видел ты нашего брата-хана и что за человек он?,”—посол сказал:

“Был на аудиенции лишь один раз. Как следует не разобрал. На той аудиенции спросил он о вашем здоровье и спросил о благоденствии народа. Еще спросил: “Много ли мышей в вашем эле?” Я сказал: “Да, много”. Еще спросил: “Много ли дождей выпадает в вашем эле?” Я сказал: “Да, [много] выпадает”. Еще сказал: “Спросил бы тебя еще о чем-нибудь, да дергают меня за ноги”. Потом беки сразу же поднялись и удалились [с аудиенции]. Удалился и я. Вот так я видел хана”. Хан этот и беки его поразмыслили над этим рассказом и сказали: “[Это] хорошо, что он спросил, много ли дождей выпадает, потому что всем народам от дождей бывает благо. И не плохо также то, что он спросил про мышей: от них всем бывает вред”. Но /44b/ сколько ни размышляли они, [так и] не смогли уразуметь его слов: “Дергают веревку”. [Так] рассказывают.

Еще один рассказ таков. [Однажды] собственной персоной переправился он [Туда-Манги-хан] через Идил и отправился в поход. Когда [же] возвращался из похода, [случился] с ним приступ помешательства. [А] обычно с ним бывало так, [что] всякий раз, когда случался у него приступ помешательства, не обращал он [никакого] внимания ни на чьи слова. Приехал он в одно место и спешил. Пятнадцать дней не двигался с того места. У войска кончился провиант. Положение его [войска] стало катастрофическим. Беки его устроили совет и сказали: “Сейчас он забыл свою жену. Давайте нарядим женщиной какого-нибудь гололицего юнца и покажем [ему] издали. Авось вспомнит свою жену и тронется [в путь]”. И когда нарядили женщиной одного юнца и показали, он,

увидев, вспомнил о своей жене, а вспомнив, сказал: “У нас дома тоже был такой человек”, — и тут же быстрым ходом двинулся в путь налегке. Некоторые передают этот рассказ довольно непристойно, (почему) мы не сочли уместным, чтобы был он записан в этом дафтаре.

Когда двинулся он вперед налегке и поскакал, то через два дня пришел на берег реки 'Идил. При нем оставались [только] двое молодых слуг. [У] реки, у соляных залежей [озера] Басгунчак ⁵⁹ есть гора, похожая на высокий холм, на протяжении почти целого дня [пути] та гора [как бы] не отстает от всякого, кто переправляется через реку 'Идил напротив [озера] Басгунчак и переходит [степью] к реке Иайык ⁶⁰. Когда хан переправился через реку 'Идил и поспешил [дальше], то увидел, что [101] какая-то гора никак не отстает. Гневно взглянул он [на нее] один-два раза и сказал: “Поезжай уж ты, я не поеду”, — тут же сошел с коня и лег. Находившиеся при нем слуги поневоле также сошли [с коней]. [Весь] тот день /45а/ до наступления вечера пролежали они там. Когда же наступили сумерки, так что нельзя было уже разглядеть человека, один из тех двух молодых слуг, [а] был он [очень] смышленным, сообразительным человеком он был, сказал: “Сейчас уже вечер. Он тоже остановился. Как только он заснет, мы тронемся в путь и быстро пойдем вперед, он нас не заметит [и отстанет]”. Когда [он так] сказал, хану очень понравились эти слова и он сказал: “Ты хорошо сказал. Седлай коней”. Оседлали [коней]. Когда решили, что он заснул, тронулись в путь и гнали коней, пока не занялась заря. Когда заря загорелась, они нигде не увидели [гору], и хан очень обрадовался. Рассказывают, [что] после прибытия к себе в ставку он сделал много пожалований. Такой [вот] удивительный, ненормальный человек он был.

Некоторые рассказывают, [что] был он ханом восемнадцать лет, [а] некоторые — [что] ханствовал он восемь лет. Затем, когда возмужал младший брат его Мунк-Тимур, сам он и поступил по справедливости, сказал он: “Сколько времени уже, из-за отсутствия [достойного] человека, признавали вы меня ханом. И вы мучились, мучился и я. Теперь [вот] младший брат мой, слава [Аллаху], вырос. Я доволен вами. Сделайте ханом моего брата”, — и сам отказался от ханствования. И беки его обрадовались этим словам [и] подняли ханом младшего брата его Мунк-Тимура.

[Глава пятая]

НАЧАЛО ПОВЕСТВОВАНИЯ О МУНК-ТИМУР-ХАНЕ

[Мунк-Тимур-хан] был государь очень справедливый, могущественный и мудрый. Во время Мунк-Тимура народ жил в большом благоденствии. За чрезвычайную доброту его дали [ему] имя Колук-хан. Так [вот и] знаменит [он под именем] Мунк-Тимур-Колук-хан. Рассказывают, [что] ханствовал он тринадцать лет, [а] затем скончался. От него остались два сына. Одному из них именем [было] Токтага ⁶¹, другому — Тогрул ⁶². После смерти их отца ханом стал Токтага.

[Глава шестая]

НАЧАЛО ПОВЕСТВОВАНИЯ О ТОКТАГА-ХАНЕ

Этот Токтага-хан был очень великий государь. Среди огланов Саин-хана мало было [таких] государей, которые могли бы сравниться с ним. Рассказывают, [что] у него был такой /45б/ [102] пышный стол, [что] ежедневно для него, помимо коней, коров, овец и других животных, готовили девяносто кабанов. Был у него сын по имени Эль-Басар. Он [Токтага-хан] истребил своих родственников и свое потомство, всех их, опасаясь, что после его смерти они затеют с ним [Эль-Басаром] свару за ханствование. Убил даже младшего брата своего Тогрула. Некоторые, однако, говорят, [что] Тогрул умер сам от болезни. Была у Тогрула жена по имени Келин-Байалин ⁶³. Красивая была. Когда умер Тогрул, у нее был сын. Увидела она, что из-за сына избивает Токтага-хан своих родственников. С несколькими людьми отправила [ребенка] в бега, отослала в Черкесские горы. Знаменитый Узбек-хан — да будет над ним милость [Аллаха] — [и] есть тот оглан. Немного спустя взял [Токтага-]хан Келин-Байалин в жены. Очень любил он ее. Прошло несколько лет после этих событий. Рассказывают, [что] хану было девяносто лет: в десять лет стал он ханом, восемьдесят лет ханствовал. Некоторые рассказывают, [что] ханом стал он в двадцать лет, ханствовал семьдесят лет. Когда жизнь его подошла к концу, то, короче говоря, умер раньше него самого сын его, которого оберегал он, чтобы стал он ханом после него. Очень скорбел он, что был [вот] у них сын, а он, опасаясь, что затеют после него свару с ним за ханствование, полностью истребил свой уруг ⁶⁴, [а] также [и из-за того, что когда] и сам он от

старости достиг предела жизни своей, [то] и сын этот умер раньше него самого, [и] что за страдание и мука от того. В конце концов от скорби этой заболел он и болезнь его затянулась.

Однажды лежал он в постели, ворочался с боку на бок и стонал. Келин-Байалин поняла, почему он стонет [и] сказала:

“Болели вы постоянно. [Но] почему [же именно] сейчас вы стонете?”/46a/ Когда хан сказал: “Как же мне не стонать?! Истребил я полностью свой уруг, опасаясь, что затеют свару с моим единственным сыном Эль-Басаром за ханствование. И с сыном моим приключилось то же самое, и меня самого настигает смерть. Уйдет [теперь] юрт мой к чужаку. От того мои страдания”, — Келин-Байалин сказала: “Сделала я кое-что вопреки вашему указу. Если простишь ты мой проступок, я расскажу”. Хан тут же поднялся, сел и спросил: “Что же ты сделала?” И от радости почувствовал себя [Токтага-]хан так, будто и не болел [он вовсе], когда ответила [ему Келин-Байалин]: “В то время, когда умер ваш младший брат, был от него сын. Опасаясь, что вы убьете, отправила я [его] в бега, отослала в Черкесский вилайет. Теперь ежегодно приходят вести о его благополучии. [Исполнилось] ему в этом году четырнадцать лет. Он приехал бы, наверно, если бы приказали вы и послали [за ним] людей”. За радостную весть подарил [Токтага-хан] Келин-Байалин туман ⁶⁵ в две тысячи [человек]. Наутро созвал он беков, дал Кыйат Исатаю [103] и Сиджут Алатаю сорок тысяч человек и отправил [их] за Узбек-ханом — да будет над ним милость [Аллаха].

[Однако] до того, как они вернулись, Токтага-хан скончался. Был [некто] по имени Баджир Ток-Буга ⁶⁶ из омака уйгур ⁶⁷. [А уйгур] был эль с многочисленными [и] сильными родами [и] племенами, и был он также аталыком хана. Шайтан попутал [его]—ведь был он черный человек—провозгласил себя он ханом. И взял также в жены Келин-Байалин и других жен хана. Некоторые [же так] рассказывают. Баджир был уйгур, [а] Ток-Буга—нутин. Похоже, [что] это утверждение ошибочно, так как трудно, чтобы в одном месте из двух (разных) родов два [человека] одновременно были ханами. /46b/ Вернее, что имя его было Баджир, а прозвище — Ток-Буга.

Словом, этот Баджир Ток-Буга провозгласил себя ханом, женился на женах [Токтага-]хана и подчинил себе весь народ.

В это время те уехавшие беки вместе с хазрат Узбек-ханом пришли к берегу [реки 'Идил?]. Получили известие, что [Ток-тага-]хан умер и [что] Баджир Ток-Буга провозгласил себя ханом и подчинил себе весь народ. Очень они растерялись и встревожились от этого известия и устроили совет относительно того, что можно бы им было предпринять. Когда Кыйат Исатай ⁶⁸ сказал: “И прежде он был человеком с многочисленными [и] сильными родами [и] племенами, теперь же его признал весь народ. Не выйдет у нас дело, если мы сейчас, отсюда уже, обнаружим враждебность. Давайте попробуем с помощью какой-нибудь уловки добраться до него, а там что придет нам на ум, [то и] сделаем”, — все согласились с этими словами и отправили [к Баджир Ток-Буге] гонца. [Так они] говорили: “Наш господин хан посылал [нас] по своему делу. [Сейчас] мы возьем сюда того человека. Этот человек также потомок многих поколений ваших повелителей. Не нужно было вам так поступать. Теперь [же] вы сами в соответствии с вашим достоинством провозгласили себя ханом. Вам покорился и подчинился весь народ. И мы точно так [же] покорились [и] подчинились вам. Мы [и] не помышляем о непокорности. Да если и помыслили бы, то откуда у нас силы?! Этот [человек] — мальчишка. Привезем [его] и передадим вам. Как вам заблагорассудится, так, вероятно, вы и поступите”. Отправили [гонца], наказав [ему передать Баджир Ток-Буге]: “Нет у нас потому желания разлучаться с нашим домом и элем”.

Когда гонец их прибыл, [Баджир Ток-Буга] чрезвычайно обрадовался, встретил [его] и обласкал. И он тут же отослал его [назад] вместе со [своими] людьми. /47a/ Отослал [он его], сказав: “Я поступил так потому, что опасался, как бы кто-то другой до их прибытия не поднял головы и не пожелал ханства. [103]

Допустимо ли, чтобы возжелал я стать ханом, когда есть сын моего повелителя? Пусть государь приезжают. Что ханство это, что народ — все их!”. Как только слова эти достигли их, так тут же они пустились в путь. [Но] до их приезда Баджир Ток-Буга и беки его устроили совет и договорились: “Когда войдут они в двери вдовьей ставки, изольтют они горе [свое в воплях]. Мы нападём после того, как они изольтют горе, [вознеся вопль] “чав-чав” [лишь] дважды”.

Одним словом, такой уж обычай у калмаков. Когда умирает у них государь или [какой-то] великий [человек], то приезжают они толпа за толпой каждый род их отдельно и изъявляют скорбь, вознося вопль “чав-чав” трижды. И поныне существует еще тот обычай среди них в Улуг-Таге.

В один из дней Узбек-хан и беки его ехали, когда не наступил еще рассвет. Навстречу им попался какой-то человек, [который] проехал мимо [с] устрашающим криком: “Скажи “чав” и скажи “ча”. Произнес один раз и проехал. [Те] не придали значения [его словам]. Когда он вновь произнес [свои слова] вторично, Кыйат Исатай спросил: “Что за слова ты говоришь?” Тот человек ответил: “Мое имя — Сангусун. Поймешь ты остальное”.

Кыйат Исатай сказал [про себя: “У него] есть что-то сказать”, — поехал следом за этим человеком и сказал: “Расскажи мне. Что это за секрет?”. Тот сказал: “Баджир Ток-Буга и беки его сговорились, посоветовавшись, напасть и перебить вас после того как вы приедете, войдете в двери ставки и изъясните скорбь, дважды возопя “чав-чав”. Если вы не ринетесь и не нападете на них, возглася [лишь] один раз “чав”, то конец вам — сгнули все вы. /476/ Суть этой тайны моей такова, [как] сказал я тебе”. Когда передал Исатай весть эту бекам своим, решили они, что следует им начать действовать, возгласив “чав” [лишь один раз].

Наутро двинулись они и прибыли к месту, где находилась ставка. Баджир Ток-Буга сидел на троне в ставке, [а] беки его и нукеры стояли на страже перед дверью. Подъехали они, спешили перед дверью и, возопя единожды “чав-чав”, вскричали “ча” и ринулись на Баджир Ток-Бугу. Не успел он подняться [с трона], как подскочил [к нему] Исатай и рубанул его по шее, [да так, что] голова его отлетела на целый шаг. Алатай насадил [ее] на кинжал, поднял высоко [над собой] и когда закричал:

“Вот [она] голова вашего повелителя! Не двигайтесь со своих мест!”, — все оторопели [и так и] застыли [на своих местах]. Потом носили эту голову по куреням и возглашали: “Воцарение черных людей с этой поры да прекратится!”.

Когда убили Баджир Ток-Бугу, подняли ханом хазрат Узбек-хана, и воссел он на троне. [105]

[Глава седьмая]

НАЧАЛО ПОВЕСТВОВАНИЯ ОБ УЗБЕК-ХАНЕ

Когда воссел хазрат хан на троне и народ обрел покой, призвал он огланов Йочи-хана от [других его] семнадцати сыновей, родившихся от других матерей, и сказал: “Разве не сыновья вы нашего отца? Чем становитесь рабами [и] нукерами черного человека и покоряться ему, оспорил бы кто-то из вас [у него] ханство. Коль согласились вы на рабство [и] нукерство у черного человека, то и я отдам вас в кошун простолюдину!”, — и в гневе пожаловал [их и] нукеров и всех людей их Кыйат Исатаю.

Одним словом, выше мы упоминали уже в подробностях, [что] так как Шайбан-хан рубил саблей и покорял врагов [и] вилайеты, то /48a/ почитали и уважали по той причине все люди сыновей его и внуков. Когда [Узбек-] хан в гневе на этих огланов отдал [их] в кошун Исатаю, то и Исатай воздал огланам Шайбан-хана уважение за отца их, передал [им] буйрак и карлык, кои суть двусоставный эль, и предоставил их самим себе. Рассказывают, что пребывали они в юртах, назначенных им Саин-ханом. И Алатаю он также выделил эль, состоявший из племени минг, которое знаменито. Говорят среди узбеков: “Выделил он Исатаю [кошун], а Алатаю отдал [племя] минг”. Суть [этого] — такова, [как изложено].

Одним словом, чрезвычайно великим государем был упомянутый хан — да пребудет над ним милость [Аллаха]. По милости Аллаха Всевышнего через несколько лет правления стал он мусульманином.

Рассказ о причине [принятия] ислама Узбек-ханом. Причиной [принятия] им ислама было следующее. На четырех святых, которые были из святых того времени, снизошло от Аллаха Всевышнего [такое] откровение: “Подите и призовите Узбека к исламу!” И по велению Аллаха Всевышнего пришли они к двери [ставки] Узбек-хана, сели за внешней чертой его куреня и стали творить молитву.

Такое рассказывают предание. Показывали хану неверные колдуны и неверные жрецы такое чудо. Приносили они с собой на маджлис к [Узбек-] хану [мед] в жбане и устанавливали [его]. Прилаживали затем к жбану] змеевик и подготавливали чаши. Мед сам скапливался в змеевике и сцеживался в чашу, и чаша сама двигалась к тому человеку. Колдунов этих и жрецов своих почитал хан за своих шейхов, сажал [их] рядом с собой и воздавал [им] большой почет и уважение.

И вот однажды, когда пришли те [святые мусульмане] и **[106]** сидели, творя молитву, [Узбек-] хан как обычно устроил маджлис. Пришли вместе [с ним и] шейхи его и все расселись. Как [и] ежедневно, принесли они с собой мед в сосуде. Принесли они [также] и установили змеевик и чашу. Прошло порядочно времени, но мед ни скапливался как обычно в змеевике, ни сцеживался в чашу. Сказал [тогда Узбек-] хан этим шейхам своим:

“Почему же на этот раз мед задерживается?” **/486/** Ответили шейхи его: “Пришел, верно, куда-то сюда магометанин. Его это признак”. Хан приказал: “Ищите по куреням, и если будет магометанин — приведите!”. Вышли мулазимы ⁶⁹ и когда проверили по куреням, то увидели, [что] за внешней чертой [ханского] куреня сидели, опустив низко головы, четыре человека чужой внешности. Спросили мулазимы: “Вы кто такие?” Ответили те:

“Отведите нас к хану”. [И вот] пришли они. Остановился взгляд хана на них. [И] как только увидел он их, возникли в сердце его склонность к ним и любовь, ибо просветил уже Аллах Всевышний сердце хана светом наставления на путь истинной веры. Спросил он: “Что вы за люди, по каким делам бродите? По какому делу [сейчас] идете?” Ответили они: “Мусульмане мы. По велению Господа Всевышнего пришли мы, чтобы обратить вас в ислам”. Завопили в тот [же] миг шейхи хановы:

“Дурные люди они! [Не разрешать] говорить [им, а] убить их нужно”. Сказал [тогда Узбек-] хан: “С какой бы стати убивать [мне их]?! Я — государь! Нет никакого мне дела до любого из вас. Буду с теми из вас я, чья вера правая. Если вера у них неправая, то почему же дело ваше сегодня сорвалось [и мед ваш] не стал перегоняться?! Устройте же спор. Тому из вас подчинюсь я, чья вера окажется правой”. [И] затеяли спор друг с другом эти два общества. Долго галдели и ссорились они. Наконец порешили на том, что следует им выкопать два танура ⁷⁰, раскалить каждый из них, [спалив] десять арб саксаула, войти в один танур кому-то из колдунов, в другой — одному из этих [святых], и быть правой вере того, кто не сгорит и выйдет [целым и невредимым]. На том и порешили.

Наутро выкопали два громадных танура и раскалили [их], собрав на дрова саксаул. Один предназначили для колдунов, другой — для мусульман. Святые эти почтительно уступали друг другу: “Кто же из нас войдет [в танур] ?” Одного из них звали Баба Тукласом ⁷¹: **/49a/** тело у него сплошь было заросшим волосами. Сказал он: “Мне позвольте, я войду, [а] вы радейте обо мне”. Благословили его святые эти. [Еще] сказал тот баба:

“Принесите кольчугу мне”. Когда принесли кольчугу, надел он ее на тело нагое и направился к тануру, возглашая память Аллаху Всевышнему. Рассказывают, [что] волоски [на теле] бабы стояли дыбом и высовывались из колечек кольчуги. Все видели это! [Так] шел он и вошел в танур. Принесли [тогда] баранью тушу и повесили над тануром, а устье плотно закрыли. **[107]**

Подошли мы теперь к рассказу о жрецах. Жрецы приневолили одного [из их числа и] посадили в танур. Лишь спустился он, как засверкал в тот же миг всеми цветами радуги пепел его, и стало рваться пламя из устья танура. Как увидели это все люди с [Узбек-] ханом во главе, так отвернулись их сердца от веры неверной и склонились они к мусульманству. А из танура все доносился непрерывно глас бабы, поминавшего [Аллаха]. Лишь поспела туша баранья, так и открыли устье танура. Утер баба пот с благословенного своего лица и вышел из танура, вопрошая: “Что заторопились?! Завершилось бы дело мое [поминания Аллаха], обожди вы немного”. Увидели [все], что как пламенеющий уголь накалилась кольчуга докрасна, но могуществу Господа Всевышнего благодаря ни один волосок не сгорел [на теле] бабы и вышел [он невредим]. Как увидели это все люди с ханом во главе, так вцепились тут же в подолы шейхов и стали [все] мусульманами. Хвала Аллаху за веру ислама!

Словом, во время Берке-ханово обратилось в ислам племя узбекское. После него [же] обратилось оно опять в [племя] отступников **/496/** и стало неверным. [Но] не претерпевал уже изменений ислам племени узбекского с этого [вот] момента, когда стал мусульманином Узбек-хан.

Говорят, [что] двадцать лет правил Узбек-хан. [Но] кое-кто говорит, [что] правил он восемнадцать лет. Затем соединился он с милостью Господа. Поистине, принадлежим мы Аллаху и к нему мы возвратимся!

[Глава восьмая]

НАЧАЛО ПОВЕСТВОВАНИЯ О ДЖАНИБЕК-ХАНЕ ⁷²

Когда на троне отца своего стал ханом преславный Хазрат Джанибек-хан — да пребудет над ним милость [Аллаха] — справедливость, святость [и] великодушие его известны, не было в вилайете Дашт[-и Кыпчака] подобного ему правосудного, благочестивого и могущественного государя, стал повелевать он всей державой отца своего.

Затем, был в Табризе хаким по имени Малик Ашраф. Совратил его шайтан, взял [он в жены] собственную дочь свою, Такой была та история. Была у него красавица-дочь. Воспылал к ней страстью этот злосчастный. Потерял он всякий покой. Задал он улемам Табриза вопрос: “Если кто-нибудь посадит дерево и если созреют плоды его, то вкушать ли [их] ему самому или он должен отдать [их] другому?” Ответили улемы: “И сам он может вкушать, может отдать и другому”. Злосчастный же этот — [а] целью его была дочь его собственная — по слову этому идет и дочь свою [в жены] берет.

Словом, обратились улемы Табриза к [Джанибек-]хану с [108] прошением: “Прибегнув к каверзному вопросу, добился от нас этот человек решения одного казуса. Приговорили мы по внешней сути, не зная цели его. Целью же его, оказывается, была дочь его [собственная. Вот и] взял он сейчас [в жены] дочь свою. Ведь стал он [теперь] кафиром, мы же — рабы у кафира. Падишах ислама сегодня — вы, [и] теперь ваш долг избавить [от него] мусульман”.

Говорят, находился [Джанибек-] хан в мечети за чтением предвечернего намаза, /50a/ когда пришло [это] прошение. Собрал он тут же улемов и спросил: “Что скажете вы на эти слова?” И они сказали: “Да, ваш долг избавить мусульман от этого кафира”.

Как услышал [хан] эти слова, [так и] не пошел он больше из мечети домой к себе. Три дня оставался он в той мечети, [затем] снарядился и выступил в поход, а придя в [Табриз], убил Малик Ашрафа и захватил вилайеты Табриза и Ирака.

Тридцать лет правил но, [а] затем соединился с милостью Аллаха Всевышнего. Поистине, принадлежим мы Аллаху и к нему мы возвратимся!

[Глава девятая]

НАЧАЛО ПОВЕСТВОВАНИЯ О БЕРДИБЕК-ХАНЕ

Стал ханом на троне отца своего сын его [Джанибек-хана] Бердибек. Очень глупым и безрассудным человеком был этот Бердибек. Убивал он своих родственников и огланов своих в страхе, что оспорят они ханство у него.

Говорят, был человек с многочисленными и сильными родичами по имени Канглы Тулубай ⁷³. Был он аталыком хана. Не преступал [хан] слов его, что бы ни говорил тот. Был у него сын по имени Сумай. Богатырь-стрелок он был. Разбойничал тот Сумай во время Джанибек-хана. Убил его по той причине хан—да пребудет над ним милость [Аллаха]. Тулубай в злобе за этого своего сына подавал [Бердибек-хану] такой совет, внушал: “Ты сейчас — молодой человек. Сыновья, народившиеся у тебя в эту пору, будут расти [с тобой] наравне. Ты будешь стареть ото дня ко дню, они [же] — мужать. Оспорят они и отберут у тебя ханство завтра, когда состаришься ты. [Так] убивай [же] их сейчас. Как начнешь стареть, тогда и оставишь [их в покое]”. И тот злосчастный слушался его и убивал [своих сыновей] . Называют его по этой причине Керкин-Котан-хан.

В его время было много смут. Кыйат Мамай забрал правое [] крыло и ушел с племенами в Крым, [а] левое крыло /50б/ увел на берег реки Сыр Тенгиз-Буга, сын Кыйата Джир-Кутлы. [Бердибек-] хан со своими внутренними [людьми] находился в Сарае. Три года был он государем в городе Сарай, затем скончался. [109]

Тай-Туглы-бегим, которая была знаменита, жена Узбек-хана [и] мать Джанибек-хана — была жива в то время, [когда] не осталось никого из потомства Саин-хана. Сказала [тогда] упомянутая бегим: “Теперь ханство и юрт достанутся потомству Шайбан-хана”.

Был в то время сын Мангутая из потомства Шайбан-хана, [которого] звали Хызр-оглан. Юрт Мангутая, назначенный [ему] Саин-ханом, находился в [местности] под названием Ак-Куль ⁷⁴. Мы упоминали уже выше, почему [Мангутай] отделился от прочих огланов [Йочи] и находился в своем юрте. Одним словом, упомянутая бегим призвала Хызр-оглана и сделала [его] ханом на троне Саин-хана в вилайете Сарая. [Но] пусть рассказ этот [пока] прервется на этом месте.

Мы подошли к рассказу об огланах, которые находились, при дверях [юрты] Тенгиз-Буги, сына Кыйата Джир-Кутлы, и к рассказу о том, как убили Тенгиз-Бугу, [а] Кара-Ногай стал ханом. В то время когда Узбек-хан — да пребудет над ним милость [Аллаха] — в гневе отдал в кошун Кыйат Исатаю внуков семнадцати сыновей, родившихся от других жен Йочи-хана, вместе с принадлежавшими им племенами, то после того как умер упомянутый Исатай, остались [все они] сыну его Тенгиз /51a/-Буге. Очень наглым и злым человеком был этот Тенгиз-Буга. Жестоко истязал и унижал он огланов этих, что были из потомства государей его. Например, когда решил он возвести мавзолей над отцом своим Джир-Кутлы, то заявил: “Быть им строителями”, — и всю работу [по возведению] мавзолея поручил им, никого больше не привлекая. Даже воду подносить, делать кирпичи и подносить кирпичи.—приходилось им. Много мук приняли они: у одних спина превратилась в рану, у других — грудь, у третьих истерзаны были ноги. [Так] рассказывают. А впрочем, Аллах лучше ведает!

Кроме того, ежедневно утром приходили огланы эти и сидели в кругу перед дверьми [юрты Тенгиз-Буги]. Всякий раз, когда устраивал он прием, играли музыканты хвалебный кюй, как только доходила до него чаша. [Так и] узнавали, что дошла чаша до бека, едва начинали в юрте играть хвалебный кюй. Снимали [тогда] огланы эти шапки свои, опускались на колени и стояли до тех пор, пока не выпивал он чашу и не прекращали играть мелодию. После того надевали они шапки свои.

Рассказывают. Устроил однажды этот злосчастный прием зимой, в лютую стужу. Вдруг послышались звуки мелодии. Скинули огланы эти, в соответствии с повседневным требованием, шапки свои и опустили на колени. Стоял мороз. [У того из них], кого звали Хусайн-оглан, [а] был он из родичей отцов Тимур-Кутлук-хана [и] Урус-хана, обморозились уши и более чем до половины отвалились. С тех пор стали называть его Корноухий Хусайн (Чонак Хусайн). **[110]**

И вот, когда минуло три года правления Бердибек-хана, на четвертый год с начала осени /516/ хан заболел. Болезнь хана затянулась надолго. Наступила зима. Зимовка упомянутого Тенгиз-Буги постоянно находилась на берегу Сыра.

Одним словом, рассказы эти, эти предания, что упомяну я сейчас, слышал я от покойного, в бозе почившего хазрат хана — да упокоит Аллах прах его и да сделает рай его обителью — хазрат Эль-Барс-хана. Хорошо он знал предания.

[Когда] минуло три года правления Бердибек-хана, на четвертый год зимой, с начала осени, хан стал болеть. Тенгиз-Буга зимовал на берегу Сыра. Известия о болезни хана приходили непрерывно.

Было утро. Огланы эти сидели в кругу перед дверьми [юрты] бека. В тот день, поднявшись спозаранку, Тенгиз-Буга устроил прием. Музыканты его играли [мелодии] йыба, йыравы его пели йыры, и было шумно там и весело. Утрами было морозно. Какой-то человек, верхом на буром коне, плотно закутанный в волчью шубу [и] с туго затянутой шубой на коне, близко подъехал к юрте, спешился и привязал коня своего к крытой повозке, [затем] положил на повозку лук свой и стрелы и вошел в юрту. Все затихли — и музыканты его, что играли, и йыравы [его], что пели. Долгое время ни звука не доносилось с того собрания. Потом опять заиграли музыканты и пир пошел горой. Находившиеся снаружи огланы эти, обсуждая это происшествие, размышляли: “Кто бы мог быть этот приехавший человек, что на собрании этом так поразилась?”.

И вот, были среди огланов этих два человека. Был один из них умным и мудрым. Звали его Букри-Ходжи-Ахмад. Кое-кто говорит, [что] звали [его] Мудрый Сайчи-оглан (Сагышы артук, Сайчы-орлан). /52a/ Другой был исполин, стрелок [и] богатырь, равного которому в то время не было. Звали его Кара-Ногай.

Позже, [когда] в обществе [том снова] воцарилось веселье, пришел немного спустя за Кара-Ногаем ⁷⁵ ундакчи ⁷⁶ и сказал:

“Вас вызывает бек”. Тот поднялся и вошел к беку. Опять замолчали они на какое-то время. Потом опять в обществе воцарилось веселье.

Сказал [тогда] упомянутый Букри-Ходжа-Ахмад огланам этим: “Видели?! Бердибек-хан умер! Тот приехавший человек принес весть о смерти хана. Именно поэтому замолчали они и пребывали в растерянности в течение времени, достаточного для варки горячей пищи. Кара-Ногай же они вызвали потому, что поднимут его ханом, а нас всех на завтрашнем корунуше переберют. Плохи наши дела. [Только] вечером сегодня мы еще сможем что-то предпринять. Если же нет, то завтра все пойдем на смерть”. И сколько они его ни пытались, мнение его не менялось.

[Тогда] сказали все они: “Как ни посоветуете вы, так и поступим”. [111] Когда сказал упомянутый Ходжа-Ахмад: “Совет [мой] таков. Ногай отсюда поедет поздно. Когда доедем до места, где он поворачивает к своему дому, схватим [его], стащим с коня, крепко свяжем, приставим ему к глотке нож и спросим об этом известии. Если скажет он правду и станет с нами заодно, то и мы поднимем его ханом. Но если правды не скажет, тут же убьем [его и] скроемся кто куда”, — все они согласились с этим предложением и заключили [о том между собой] договор и условие.

Ушел с маджлиса у бека и отправился [домой] Ногай, когда близок был уже намаз-и шам ⁷⁷. Отправились вместе [с ним] и огланы эти. [И] видят они, что изменилось обычное выражение лица его. По пути домой с корунуша бывал он обычно весел и общителен. Сегодня же не достаивал никого ни единым словом и держался в пути отчужденно.

Стемнело, когда доехали они до места, где разъезжались по домам. Вдруг схватили они [коня Кара-Ногай] за узду, стащили с коня [его самого и] крепко связали. Ногай тот спросил:

“В чем виноват я, [что] так поступаете вы [со мной]?” Сказал [ему] Ходжа-Ахмад: “Спросим мы у тебя кое-что. Если скажешь правду и если /526/ станешь с нами заодно, то поднимем тебя мы ханом и заключим договор на верность и условие, [что] не станем уклоняться от исполнения нукерских обязанностей по отношению к тебе. [Но] если правды не скажешь, то знай наверно, что мы тут [же] убьем тебя”. Сказал [тогда тот]: “Спрашивайте, что хотите”. Спросил Ходжа-Ахмад: “Скажи правду, что сказал тот приехавший человек, а еще, что сказал бек, когда вызвал тебя?”. Тот ответил: “Что сказал тот приехавший человек, не знаю. [Бек же] ничего не сказал, когда вызвал меня”. Ходжа-Ахмад [ему, в свою очередь,] сказал: “Эй злосчастный, коль не говоришь ты, скажу я! Тот человек, что приехал, приехал с вестью о смерти хана. А вызвал [бек] тебя к себе вот почему. Он сказал тебе: “Поднимем тебя мы ханом, но согласись [с тем], что мы убьем твоих братьев. [Ведь] не покорятся они твоему ханствованию, если ты не убьешь [их, так как] старше тебя они”. И ты на такое дело согласился! [Но] не поступай теперь так! Каких же унижений ни терпели мы [только] от этого человека! Легко будет нам убить его и отомстить ему, если станешь ты теперь ханом между нами и возглавишь нас. Согласись же с этими словами моими!” [И когда Ходжа-Ахмад к тому еще] добавил: “Поднимем тебя мы ханом. А поднимая, заключим договор и условие, какие бы ты ни назвал, на то, чтобы быть тебе нукерами. [Так] не прими же на себя вину за смерть нашу и бесчестье до дня страшного суда!”, — сказал тогда [Ногай] тот: “Коли так, развяжите мне руки и ноги. Скажу вам правду я”.

Когда развязали ему руки и ноги, поднялся он, сел и [112] воздал Ходжа-Ахмаду тому хвалу большую. Сказал он: “Проницательны эти твои слова. Ни в чем ты не ошибся. Все было [именно] так. Если теперь заключите вы [со мной] добрый договор и условие на возведение меня в ханы, то не преступлю я вашего совета”. И они /53a/ заключили договор и условие.

Ногай сказал: “Наутро, когда придем мы на корунуш, собирается он [Тенгиз-Буга] вызвать меня [в свою юрту]. Потом позовет вас. Когда войдете в юрту, то будьте с людьми, что около него, я [же] буду с ним самим”.

Наутро, когда пришли они на корунуш, пригласили Ногай [в юрту], как [и] говорил он. Немного спустя пришел человек звать [и [их. Они же пришли с оружием. Когда отважно вошли все они в дверь, [то тут же] пустили оружие в ход. Ногай, [который] восседал рядом с Тенгиз-Бугой на почетном месте, мгновенно придавил [его, и они] отрезали ему голову. Насадил [ее] на кинжал, вынесли наружу и возгласили: “Никому больше смерти нет. Не двигаться со своих мест!”

После того как народ утих на своих местах, усадили Ногаю на белый войлок и все в согласии провозгласили [его] ханом.

Итак, оба они, сын Мангутая Хызр-хан и Кара-Ногай, в одном месяце стали ханами. Только Хызр-хан стал ханом в Сарая, на троне [Саина, а] Кара-Ногай — на берегу Сыра, на левом крыле.

Подошли мы теперь к рассказу о Хызр-хане. Когда Тай-Дуглы-бегим призвала Хызр-хана и сделала [его] ханом на троне Сарая, поставила она в качестве свадебной юрты золотую юрту, оставшуюся от Узбек-хана и Джанибек-хана. Рассказывают. Бегим покрасила свои волосы в черный цвет [и] пожелала выйти замуж за [Хызр-]хана. Желание жениться [на ней] было и у хана. Был, однако, у него бек из [племени] найман по имени Кутлуг-Буга, который воспротивился этому. Сказал он:

“Она — человек, который был подвластен Узбеку и Джанибеку. Ты [же] вырос человеком противостоящего [им рода]. Проучи ее. Не женись!” Послушался он его слов и не женился. Когда почувала бегим, что не возьмет он ее в жены, /536/ начала она оказывать [ему] меньше почета и уважения, чем прежде. Когда же и хан, озлившись на нее, решил разломать золотую юрту, [а золото] поделить между своими казаками ⁷⁸, то прослышав [о том], бегим послала к хану человека, сказала: “Пусть так не поступают. Когда нет золота [и] серебра, для человека, ставшего ханом, [золотая юрта] — сокровище. Но здание, построенное прежними добрыми [людьми], [все-таки] пусть не разрушают!” Не прислушался к ее словам [Хызр-хан], разломал и поделил. Бегим запылала в свою очередь злобой на [Хызр-]хана, собрала своих внутренних беков и прогнала его. [113]

Хан ушел назад и снова пришел к Ак-Кулю. Подняла [тогда] ханом та самая бегим кого-то под именем Кельдибека. Другие беки называли его Лже-Кельдибеком. Все говорили: “Кельдибека убил Бердибек. Как же он воскрес?!”

Когда эль не подчинился ему [Лже-Кельдибеку], подняли ханом [человека] по имени Базарчи ⁷⁹, который был из потомков Боавула. Был в то время Сиджуд 'Али-бек, из старших беков. Полагая, что не покорится он этому Базарчи, вызвала его [бегим], привели [его и] убили. У 'Али-бека был сын по имени Хасан. Когда тот бежал и пришел к сыну Конграта Нагадая Ак-Хусайну, который был хакимом вилайета Хорезма, [а] этот Хасан был ему племянником, [Ак-Хусайн] пришел в ужас от этих непристойных поступков бегим и отрекся от нее.

Направил тогда Ак-Хусайн посла к Хызр-хану, сказал:

“Совратилась эта женщина на путь шайтана, такие-то [вот] дела творит. Мы же /54a/—отреклись от нее. Мы выступим против нее, если проявите вы великодушие и станете во главе!” Он также был человеком мстительным — хвала [ему] великая! Ак-Хусайн собрал воедино войско Хорезма, пришел к Ак-Кулю, упомянутого [Хызр-] хана поднял ханом и пошел походом на вилайет Сарая. Под Сараем произошла битва. Базарчи [и] бегим были схвачены. Посадили бегим в крытые санки, полость крепко завязали и, заложив [в санки] бешеного жеребца, отпустили на все четыре стороны. Этот бешеный конь понес санки и бил [их] по оврагам и буеракам, пока бегим не погибла. Узбеки ⁸⁰ говорят: “Тай-Дуглы-бегим убил Хызр-хан”. Обстоятельства этого — таковы.

Когда, убив ее [бегим], Хызр-хан во второй раз стал ханом, то был он государем в течение полутора лет. Был у него дурной сын по имени, Бурут ⁸¹. Не стерпел он, что ханом был его отец, внезапно заколол [его и] сам стал ханом. Не прошло двух-трех дней, [как] убили и его. После того случилась смута. Всяк повсюду поднял голову. Город Сарай порушился. Большая часть эля ушла в вилайет Кырма к Кыяту Мамаю. Повествование это здесь закончилось.

Опять подошли мы к рассказу о Кара-Ногае. Три года был Кара-Ногай государем на берегах Сыра, правил вилайетами Туркестана ⁸². Через три года он скончался. Ханом стал младший брат его по имени Туглы-Тимур ⁸³. /546/ В дафтаре, который находится у гордости султанов хазрат Дост-султана, говорится, [что] Туглы-Тимур этот стал великим государем, правил Самаркандом и Бухарой. Срок его правления, однако, не известен.

После него ханом стал Урус, сын Баддык-оглана. Урус-хан этот стал великим государем, правил вилайетами всего Туркестана. Тохтамыш-хану и Тимур-Кутлы-хану в то время ханствования не доставалось. Находились они на служении у этого названного хана. Так как по милости божьей

заметен был в особе [114] Тохтамыш-оглана царственный фарт, то нукеры [Урус-]хана и другие люди невольно склонялись к этому названному оглану, По этой причине упомянутый хан люто возненавидел Тохтамыш-оглана и решил погубить [его].

Одним словом, некто по имени Хытай Баба-'Али-бий, который был старшим беком и наибом хаджитарханского 'Абд ал-Карим-хана, после смерти названного хана совершил паломничество в Мекку и вернулся хаджием. После того он пришел на служение к Султан Гази-султану. Так как хазрат Султан был большим любителем преданий, то он спросил: "Говорят о Тохтамыш-хане, что появился он якобы, [уйдя] от двери [юрты] Урус-хана. Как это произошло?". И тогда названный хаджи такой поведал рассказ. Я, бедняк, слышал от него. Он рассказал.

Незадолго до того, как решил Урус-хан погубить Тохтамыш-оглана, направил он послом к государям-Чагатаидам Дарвишек-мирзу, сына Кенегеса Кугана. /55a/ Ширин (?)... отправил. [Пока] они ехали... ставка его остановилась на берегу Сыра... приближались они к ханской ставке. День был холодный. [Вода в...] Сыре покрылась ледком. Урик-Тимур ехал, немного отстав от мирзы. Вдруг взгляд его упал на берег Сыра, и видит он у кромки камышей, [что] какой-то нагой, накинувший на себя потник молодой человек вышел из воды, упал ничком и, скорчившись в три погибели, лежит сотрясаемый дрожью. Подумал про себя [Урик-Тимур]: "С этим человеком, несомненно, стряслась какая-то беда!". Рысью нагнал он мирзу и сказал: "Мой мирза! Окажи милость. По приказу хана я исполняю твою службу. [Теперь вы] благополучно прибыли в эль, приблизились к ставке. Не я тот человек, кому надлежит явиться на корунуш к хану. Зачем вам утруждать меня дальнейшей ездой?! Нельзя ли мне прямо отсюда отправиться на розыски своего дома?". Когда [он так] сказал, то и мирза тот отпустил [его]. Повернул он назад и подъехал к тому месту. Привязал коня в отдалении, а сам пошел пешком. Подошел к тому человеку и видит, повалился тот ничком и лежит, сотрясаемый дрожью. На ноге у него тяжелая рана. Спросил он: "Что за человек ты?". Ответил тот: "Что спрашиваешь?! Я раб, страждущий". Сказал опять он [Урик-Тимур]:

"Что страдаешь ты, вижу я. Назови свое имя". Сказал [тогда тот]: "Я — Тохтамыш-оглан. Давно уже предчувствовал я. [И вот сегодня] на рассвете люди хановы напали на мой дом. [Когда] отстреливаясь, выбрался я наружу, увидел, что много их. Река была близко, бросился в реку. Пока падал в воду, угодили [в меня] стрелой. Эта тяжелая рана /55b/...Нет у меня мочи пошевелиться...". Сказал [тогда] Урик-Тимур [в свою очередь]:

"То, что я искал... Жизнь свою вручаю тебе. Положу [ее] за тебя... не забудь меня, когда Господь Всевышний дарует счастье тебе". Поклялся [Тохтамыш-оглан]: "Когда б Господь Всевышний ни дал мне счастье, разделю его с тобой и [никогда] не поступлю [115] наперекор словам твоим и просьбе!" Урик-Тимур тут же скинул с плеч ватный халат, плотно укутал [его] и поставил перед ним [кое-что] из еды, что была при нем. Сказал он еще: "Не терзай себя сомнениями, что я не приеду. Буду жив — непременно приеду к тебе и найду тебя здесь", — и уехал. И [когда он] приехал домой, [то] объединился с несколькими людьми из однородцев, взяли [они с собой] коней и снаряжение и приехали [к Тохтамыш-оглану]. И умчали они упомянутого оглана к Тимур-беку. В то время Тимур-бек только что возвысился, он овладел Бухарой и Самаркандом. Когда пришли они, встретил [он их] очень хорошо. Доставили хирургов, [те] удалили у него из ноги наконечник стрелы и лечили [его] самыми разнообразными способами, так что через месяц он поправился.

Ту зиму [Тохтамыш-оглан] пробыл на службе [Тимур-] бека. Пришла весна, и [Тимур-] бек дал ему несколько человек. Когда [Урус-хан] шел на летовку, [Тохтамыш-оглан] нагнал его эль и отогнал табун. Погоня настигла их и в бою разбила. Опять возвратился он к [Тимур-] беку. Словом, казаковал [вот так] Тохтамыш-оглан, отгонял от эля [Урус-]хана табуны и совершал набеги на эль.

Ширин, барин ⁸⁴, аргун ⁸⁵ [и] кыпчак были давними, со времен предков, элями Тохтамыш-оглана. [И когда] оглан этот самый, подвизаясь в казаках, /56a/ начал творить такие [вот] дела, сорви-головы, лихие молодцы из этих элей потянулись к нему в нукеры и начали поддерживать [его]. Начал творить жестокие насилия над этими элями и Урус-хан. В свою очередь, и они послали [тогда] человека с наказом к Тохтамыш-оглану: "Из-за тебя изливаются гнев [Урус-]хан на нас и отбирает у нас скот. Беда нависла уже и над нашими головами. Если не сумеешь ты как-то позаботиться о нас, [то] руки наши [вцепятся в] твой ворот, когда грядет день страшного суда!" Расстроился [Тохтамыш-] оглан, когда услышал эти слова, и сказал посланцу: "Как двинетесь в этом году на летовки, кочуйте позади [всего] эля. На летовку располагайтесь на берегу такой-то реки и готовьтесь. Бог даст, буду жив, переберусь к вам непременно!"

Когда наступила весна, [Урус-]хан отправился на летовки. Следом за [всеми] элем перекочевал и этот эль. Когда достигли летних пастбищ, каждый эль ушел на берег [какой-нибудь] речки. Эти эли расположились летним кочевьем на берегу обусловленной речки. Люди пили кумыс и предавались удовольствиям и развлечениям. В это [-то] время Тохтамыш-оглан [и] пробрался [тайно] в этот эль. Поскольку, как было договорено, они заранее подготовились, [то] каждый глава семьи заложил в телегу пару коней, посадил своих детей, и бежали они в направлении реки 'Идил.

[Лишь] через два дня до [Урус-]хана дошло известие, что **[116]** Тохтамыш-оглан забрал [эли] ширин, барин, аргун, кыпчак, /566/ а также и прочие свои эли и ушел к реке 'Идил. Хан немедленно выступил с людьми, что находились при нем, разослал по сторонам гонцов и пустился сам в погоню за этими [бежавшими] элями. Эли [же Урус-] хана [в то время] рассеялись по летовкам. Была пора, когда кони разжирели. [Урус-] хан стремительно продвигался вперед. Войско дальних элей не успело к хану, а у ближних элей кони их также разжирели.

Когда [Урус-] хан почти настиг их [бежавшие эли], при нем осталось мало людей, было их человек двести, самое большее—человек триста. На закате прискакали караульные этого [бежавшего] эля, увидев [вдали облако] пыли, [поднятое отрядом Урус-] хана. Они [беглецы] устроили совет и единодушно решили: “Они подходят на заморенных конях. Скоро ли, нет ли, но как только нагонят, они [тут же] нападут на нас. Мы — смертники. Так умрем же перед нашими семьями. Иначе, да не сгинет наше семя! Отделим Джалал ад-Дин-султана ⁸⁶ и Йахшы-Ходжу с привычными уже к жизни в седле мальчиками и выделим им человека, знающего пути-дороги. Пусть ведет [он их] рядом с нашим отрядом на расстоянии голоса. Если врага одолеем мы, они узнают [это] по нашему урану и нагонят нас. Если враг одолеет нас, то это станет ясным из их урана. [И] пусть они попытаются [тогда] без промедления спастись бегством!”

/57a/ Они отделили Йахшы-Ходжу, а он был старшим сыном Урик-Тимура, и еще несколько привычных уже к жизни в седле мальчиков во главе с Джалал ад-Дин-султаном. Джалал ад-Дин-султану было тогда двенадцать лет. Около того было и Йахшы-Ходже.

Этой ночью они ехали сбоку от основного отряда примерно на расстоянии голоса. Когда минула одна стража ночи, [Урус-] хан нагнал их. Свои повозки они пустили впереди себя, [а сами], приняв боевой порядок, ехали следом. [Урус-] хан сказал: “Этих людей больше, чем нас. Плохо будет, если вдруг светает и они увидят, как нас мало. Так ночью же давайте и нападём [на них] с криком. Они не поймут, сколько нас, и побегут”. И они напали с боевым кличем. Когда [люди Урус-хана], атаковав, отошли, под

Урик-Тимуром пал конь и он завопил: “Эй, подлый Тохтамыш, такой ли был у нас уговор?! Я [же] остался [без коня], когда они повернули назад!” В тот момент те мальчики стояли в одном месте, натянув поводья своих коней, и вслушивались. Йахшы-Ходжа узнал голос своего отца и сказал Джалал ад-Дин-султану: “Видишь? Это [же] мой отец! Его схватили. Сейчас схватят и твоего отца. Что за жизнь будет у нас, зеленых юнцов, без отцов?! Разве не лучше умереть заодно и нам?!” И тогда Джалал ад-Дин-султан и эти мальчики при поддержке Аллаха Всевышнего прискакали к основному отряду, каждый из них как отважный витязь выкрикнул боевой клич, [и все они] разом **[117]** погнались коней в карьер (на врага). Люди [Урус-]хана с перепугу натянули поводья [коней]. Тохтамыш-оглан галопом примчался назад, ринулся [на врага и], подняв к себе на коня Урик-Тимура, ускакал. Кони под людьми [Урус-] хана /57б/ были заморенные, [потому] многих из них так-то вот и взяли. Полагая, однако, что позади него [Урус-хана] находится его основной отряд”. [люди Тохтамыш-оглана] далеко преследовать [людей Урус-хана] не посмели. Захваченных там [же] побили стрелами, [а сами], захватив их коней и снаряжение, двинулись дальше следом за своими [основными] силами.

Далеко бежали ускользнувшие от плена люди [Урус-] хана, [но наконец] собрались, смотрят, [а] хана нигде нет. Один из них сказал: “Был я рядом с ханом, видел, как налетели двое и схватили его. А что с ним случилось потом, не знаю”. Повернули [все они] назад, приехали на место битвы [и] нашли труп хана. Тотчас же забрали его тело и бежали назад по домам. Также и те [беглецы] в страхе, что [Урус-] хан их настигнет, бежали в другую сторону.

Таковы обстоятельства гибели Урус-хана. Узбеки говорят:

“Когда Джалал ад-Дин-хан был мальчиком, он во время боя Урус-хана с его отцом напал сбоку во главе группы мальчиков, разбил и убил Урус-хана”. Так это было.

Тохтамыш-оглан, не ведая о смерти Урус-хана, бежал и ушел на Кокедей-Иисбуга, [а это] добрые, богатые травой и водой места. В то время на Кокедее летошал, став ханом внутри своего эля, [один] из внуков Шайбан-хана Кан-бай⁸⁷, сын Илфак-хана. К нему [-то и] пришел [Тохтамыш-оглан]. Он же проявил неуважение и дал ему /58a/ место в устье Тана.

Через несколько дней [Тохтамыш-оглан] передал через своих инаков [Кан-баю]: “Хан-владыка — и отец мне, и старший брат. Мой долг — рубить за него саблей. Черный человек Мамай завладел всем народом. Встал бы [Кан-бай] во главе нас, да пошли бы мы на него [Мамай] походом. Лишь только б выдал нам Господь Всевышний его, превеликим ханом стал бы [Кан-бай], да и мы обзавелись бы конями и шубами”. И Кан-бай, услышав эти слова, поначалу наладился выступить в поход, [но] потом снова устроил еще раз совет и отменил поход. Именно от поговорки “у Шайбанидов — совет наоборот” [за Кан-баем и] осталось прозвище.

Когда Тохтамыш-оглан разуверился в упомянутом бае, он решил просить позволения и уйти. В то время Араб-оглан, а он предок хазрат Йадгар-хана в третьем колене, с Кан-баем они были братьями от разных матерей и был он очень богат и зажиточен, призвал Тохтамыш-оглана и поместил в [своей] юрте. Забив много коней и овец и оказав доброе гостеприимство, сказал [он Тохтамыш-оглану]: “Сейчас старший [среди нас и] [118] глава нашему элю — Кан-бай. Была у нас надежда, что возглавит [он нас и] поведет в поход, [но] злосчастный этот пошел на попятную, в поход не пошел. Не смею я решиться побить его врага, когда он столь славен. [И] прежде [считал я, что] ты кажешься надежным, добрым человеком. /58b/ Да возвеличит Господь Всевышний дело твое! На сей [же] раз поддержка и помощь от меня такие: пригоню коней своих и поставлю перед [тобой]. Мне хватит и одних дойных кобылиц. А из коней, из кобыл забирай всех, что подойдут тебе для дороги”, — пригнал своих лошадей и поставил перед ним. Говорят, [что] сверх четырех-и пятилетних коней и кобыл подарил [он Тохтамыш-оглану] шестьдесят четыре лошади с двухлетними жеребятами.

Затем [Тохтамыш-оглан] выступил в путь и пришел к реке Идил. В городе Сарае не было ни хана, ни султана. Пришел, взял Сарай и, воспользовавшись случаем, прочитал в пятничной мечети хутбу⁸⁸ [на свое имя и] стал ханом.

[После этого он] выступил в поход и пошел на Кыята Мамай. Пришел навстречу с большим войском и Мамай. Произошло жестокое сражение. Войско Мамай было разбито, а сам он был схвачен. Убили [его]. Эль-кун его забрали и привели на берег реки Идил. На этот раз в городе Сарае на троне Саин-хана Тохтамыш-хан стал великим государем.

Большая часть элей, оставшихся от Джанибек-хана, была у Мамай. [Тохтамыш-хан] убил Мамай, забрал его эли и нукеров и когда пришел в вилайет Сарая /59a/, то люди, которые повсюду в вилайете Дашт[-и Кыпчака] своевольно подняли головы, волей-неволей явились сами и покорно стали нукерами. Пришел и упомянутый Кан-бай. [Тохтамыш-хан] дал ему место в устье Тана, потому что то было место, которое тот сам дал [ему прежде]. Но с Араб-огланом он виделся постоянно. Отвел [ему] кочевье на правом крыле, усадил рядом с собой и устроил конные состязания. На том празднестве пели песни джатба⁸⁹:

“На Кокедее стал ты ханом.
Не хвастай, [что] повел [ты людей] за собой.
Раздул [спесиво ты] грудь,
Били мы тебе челом, подолгу стоя кверху задом,
Зачем же ты пришел следом за нашей задницей, Кан-бай!?”

Одним словом, [Тохтамыш-хан] много оказал разных милостей и сделал пожалований Араб-оглану и повелел: “Да соберется к тебе весь народ, принадлежавший Шайбан-хану, и где бы ни находился раб, бежавший от своего хозяина, и эль, бежавший от йасака...”.

Комментарии

1 Мухаджир — (араб., “совершивший хиджру”) — мусульманин, переселившийся вслед за Мухаммадом в Медину до завоевания им Мекки. Мухаджиры составили элиту мусульманской общины. В заслугу им ставилось то, что ради веры они порвали узы родства и, оставив дома и имущество, последовали за вероучителем. (Массэ А. Ислам. Очерк истории / Пер. с франц. М., 1961. С. 179. Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 177).

2 Ансары — жители Йасриба (Медина) из племен аус и хазрадж, которые в 622 г. заключили договор с Мухаммадом, признав его своим верховным вождем и вероучителем, предоставили ему

и мухаджирам право поселиться в их городе, оказав материальную поддержку. После смерти Мухаммада ансары претендовали на выдвижение халифа из своей среды, но соперничество между аус и хазрадж не позволило им выступить единым фронтом. В борьбе за пост халифа победили мухаджиры (Массэ А. Ислам. С 176. Ислам. Энциклопедический словарь. С. 21).

3 Таби'ян — (Таби'уны) лица, видевшие сподвижников Мухаммада или разговаривавшие с ними.

4 Иадгар-хан — сын Тимур-Шайха, отец Буреке-султана.

5 Абул-л-Мансур Ильбарс-бахатир-хан. Не идентифицируется.

6 Дашт-и Кыпчак—“Кыпчакская степь”, степные пространства от Днепра до Иртыша; здесь — Восточный Кыпчак, т. е. степи к востоку от Волги; в более позднее время в литературе — казахские степи (Материалы по истории казахских ханств XV— XVIII вв.: Извлечения из персидских и тюркских сочинений. Алма-Ата, 1969. С. 497). (Далее МИКХ.)

7 Сыр — слово “сыр” как название района нижнего течения этой реки появляется не в XVI в., а в XIII—XIV вв. в наименовании расположенной близ Дженда ставки сыновей и внуков Джучи — Сыр-Орда. О местоположении ставки см.: Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. С. 516. (Далее СМИЗО.)

Название местности Яксарт, впервые появляющееся в источниках, описывающих события IV в. до н. э., относится к верхнему и среднему течению Сырдарьи. Название “Сыр” — древнее сакское имя реки—относилось первоначально к ее нижнему) течению. На протяжении более чем двух тысячелетий это название не только сохранилось, но вместе с завоеванием среднеазиатского междуречья узбекскими кочевыми племенами при-аральских степей (XV—XVI вв.) распространилось на все течение реки (*Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964, С. 76).

8 Йочи-хан (Джучи-хан) — старший сын Чингизхана.

9 Вилайет—административная единица, область в странах Востока— араб., букв. страна, область, провинция (МИКХ. С. 525).

10 Идилъ(Итиль, Волга) —река вливается в Кулзумское (-Каспийское) море. В исторических летописях написано *Атал*, по-могульски ее называют *Идилъ* (Тарих-и Рашиди, МИКХ. С. 220). “Оставив там обоз и выделив отборное войско, он выступил в набег и отправился в погоню за Токтамышем, перешел через переправу Идиля, которую турки называют Туратур...” (СМИЗО. Т. 1. С. 12).

11 Хулагу-хан — сын Тули, внук Чингизхана, основатель династии Хулагуидов в Иране; годы правления 1256—1265.

12 Самарканд—вилайет, в него входили округа: Бухарский, Кеш, Кар-ши, Хузар, Кермине, Кара-Куль; туманы: Сугудский, Шаурадский (МИКХ, С. 537).

13 Хорасан — область на северо-востоке Ирана. В то время Хорасан включал в себя северо-восточную часть Ирана, юг современной Туркмении и северо-западную часть современного Афганистана.

14 Хисар — область и город в долине к юго-востоку от Гиссарского хребта. При Тимуридах и узбеках был резиденцией фактически независимых правителей. Более прочно власть узбеков установилась здесь со времени Абдаллах-хана II (*Бартольд В. В.* Гисар (Хиссар) //Соч.: В 9 т. М., 1965. Т. 3. С. 401—402.). Сейчас территория Хисара входит в Сурхандарьинскую обл. РУз. и частью, вместе с г. Хисаром,—в Таджикистан.

15 Улуг-Таг (Улу-Таг, Улуг-Даг) — часть Алайского горного хребта, массив высоких гор к западу от горного перехода Исфайрам и перевала Кара-Кадык. Протяженность Ала-Тага — 50 км. Горы на западе Карагандинской области, к северу от реки Сарысу.

16 Юрт — термин, употребляющийся в источниках в значении “территория”, в пределах которой происходило кочевание данной административно-племенной единицы; употребляется также в значении “страна” (МИКХ. С. 496).

17 Ясак — здесь имеются в виду так называемые “постановления Чингиз-хана”, т. е. узаконенные им народные воззрения и обычаи, соблюдение которых было обязательно для всех без исключения жителей империи (*Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия, М., 1963. Т. 1. С. 89).

18 Корунуш — церемония представления.

19 Орда — исходное значение слова “орда” — юрта, ханская юрта, дворцовая юрта, парадная юрта, из которого выросло новое значение— “ставка, резиденция хана, правителя” (Юдин В. П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1983. С. 116—117).

20 Шайбан — сын Джучи-хана, брат Бату. Бату после венгерского похода выделил улус Шайбану и отдал ему в удел из покоренных им государств область Корал, а из родовых владений — четыре рода: кушчи, найман, карлык и буйрак. Об улусе Шайбана сообщает Плано Карпини, назвав его “Сыбаном”. (Иоанн де Плано Карпини. История монгалов/Пер. А. И. Малеина, 1911. С. 51. Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 41).

21 Тохтамыш-хан (Токтамыш) — Тукатимурид; его родословная: Тохтамыш, сын Той Ходжи, сына Туглу-Ходжи, сына Кончака (Кучек), сына Сарыджи, сына Уз-Тимура, сына Тука-Тимура, сына Джучи (МИКХ. С. 39). Тохтамыш-хан, хан Золотой орды, который объединил на недолгое время под своей властью левое и правое крылья улуса Джучидов, годы его правления—1380— 1395 г. По мнению турецкого ученого Мустафы Кафали, он правил с 1379 по 1397г. *** Однако и до этого, и после этого Тохтамыш воцарялся несколько раз или на троне всей Золотой Орды или в какой-то части его (Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 139—141).

22 Тимур-Кутлы (Темюр-Кутлуг) — потомок Тука-Тимура, 13-го сына Джучи. Он основал династию астраханских ханов (Юдин В. П. Орды... С. 123).

23 Урус-хан (1369—1379)—один из правителей левого крыла Улуса Джучидов, предок династии казахских ханов, в течение недолгого времени был и ханом Золотой Орды. Существуют два мнения о его происхождении, хотя этот вопрос и не является в действительности спорным: по первому мнению, Урус—потомок Орда-Эджена, 1-го сына Джучи; по второму он — потомок Тука-Тимура, 13-го сына Джучи. Первое мнение восходит к “Анониму Искандара” и зависящим от него сочинениям, т. е. фактически к одному сочинению, написанному в Иране, вдали от Дашт-и Кыпчака. На ненадежность, хотя и очень интересных, известий “Анонима Искандара” указывают почти все авторы, которые им пользовались. Второе мнение подкрепляется источниками, написанными в странах, расположенных по соседству с Дашт-и Кыпчак. Информаторами в этом случае нередко выступали лица из Дашт-и Кыпчак (Юдин В. П. Орды... С. 123).

24 Узбек-хан—правил в 1312—1340 г. Обстоятельства появления Узбека в Золотой Орде очень сходны с появлением Туглук-Тимур-хана и Хызр-Ходжа-хана и многих других правителей, которых выдавали за действительных представителей династии и возводили на трон. В Русском государстве такими были Лжедмитрий и самозванцы, выдававшие себя за Петра III. В источниках мы не находим бесспорных фактов, которые бы говорили о том, что Узбек на самом деле был сыном Тогрылчи и, следовательно, потомком Бату. Вполне возможно, что линия потомков Бату пресеклась на Токте, а Узбек был самозванцем, который со временем, однако, сумел овладеть полнотой власти (Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. С. 65—71).

25 Кошун — “сотня” — единица в организации войска.

26 Эль — термин, в источниках и исследователями употребляющийся в различных значениях: племя, племенной союз, народ, государство, держава, страна, орда, объединение аристократии различных племен. Здесь — род, племя.

27 Джир-Кутлу — личность историческая. По “Чингиз-наме”, он также был сыном Кыйат Исатая, а его сын Тенгиз-Буга построил над могилой отца на берегах Сырдарьи мавзолей, в строительстве которого принимал участие отряд Джучидов-“каторжан”. Строительство производилось в год смерти Бердибек-хана, т. е. в 1359 г. После смерти Бердибека Кыйат Мамай увел, якобы, правое крыло Золотой Орды в Крым, а Тенгиз-Буга стал самостоятельно править левым крылом на Сырдарье. Тенгиз-Буга попытался возвести на трон Джучида-марионетку из числа упомянутых “каторжан”, но в результате их бунта был убит. “Каторжане” основали новую династию ханов Тукатимуридов, неизвестную исторической науке. Из-за ошибочного освещения этих событий в “Анониме Искандара” те из представителей этой династии, имена которых стали известны, считаются потомками Орда-Эджена, 1-го сына Джучи.

28 Тенгиз-Буга — сын Кыйата Джир-Кутлы, полновластного владельца левого крыла Золотой Орды, который, по сведениям некоторых источников, был убит Урус-ханом. Во время правления Бердибек-хана (1357—1359) Кыйат Мамай увел часть людей Золотой Орды в Крым, а Кыйат Тенгиз-Буга—к низовьям Сырдарьи. Так появилась знаменитая Мамаева Орда и возникла неизвестная еще историкам Орда Тенгиз-Буги на территории Казахстана (Юдин В. П. Орды... С. 154).

29 Бердибек-хан (1357—1359 г.) — сын Джанибек-хана (1341—1357гг.), имел прозвище Керкин-Котан-хан. Узнав о смерти отца, оставил Тебриз, направился в Дашт-и Кыпчак и сел на престол ханский вместо своего отца (СМИЗО. Т. 2. С. 146). По Босворту, в 758— 782 (1357—1380) гг., в период анархии, на трон претендовали Мухаммад Берди-бек, Кулпа и Наурузбек Мухаммад (Босворт. Мусульманские династии С. 203.)

30 Мангутай (Манкутай, Монгатай) — третьим из двенадцати сыновей Шайбан-хана является Кадак-оглан. У него был один сын по имени Тала-Бука. А он, Тала-Бука имел двух сыновей. Их имена Мангутай и Туман-Тимур (СМИЗО. Т. 2. С. 55).

31 Сарай — первая столица Золотой Орды, основанная Бату-ханом в начале 50-х гг. XIII в. В первой половине XV в. Сарай являлся международным торговым центром и был одним из самых крупных транзитных пунктов, связывавших Запад с Востоком. Были два города, носившие это имя: Сарай-Бату, старая столица Золотой Орды, названная по имени хана Батыя (1227—1256), и Сарай-Берке, основанный братом Батыя Берке-ханом (1257— 1266), куда была перенесена столица при Узбек-хане (1312— 1340). В исторической литературе эти города известны как Старый и Новый Сарай; Развалины Сарай-Берке (Нового Сарая) находятся вблизи нынешнего поселка Ленинск, Волгоградской области. Этот город был разрушен Тимуром в 1395 г. (Якубовский А. Ю.

- Феодализм на Востоке: Столица Золотой Орды Сарай-Берке. Л., 1932. С. 17; Федоров-Давыдов Л. А. Раскопки Нового Сарая (1959—1962 гг.)//Советская археология. 1964. № 1.С.250).
- 32** Коналга—повинность по перевозке, приему и содержанию следующих по службе административных чинов (МИКХ. С. 547).
- 33** Йасак — здесь имеются в виду так называемые “постановления Чингиз-хана”, т. е. узаконенные им народные воззрения и обычаи, соблюдение которых было обязательно для всех без исключения жителей империи (Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. М., 1963. Т. 1. С. 89).
- 34** Маскав — город Москва.
- 35** Харадж — термин, относящийся к податной системе, рента продуктами известна главным образом под названием “харадж”; синоним этого термина—маль (иногда мал-и харадж или хараджи-и маль, мал-и галля) (Абдураимов М. А. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI— в первой половине XIX века. Ташкент, 1970. Т. 2. С, 148).
- 36** Даруга — монгольский правитель, ханский наместник в городе; в обязанности даруги входило общее управление, наблюдение за правильным поступлением дани, налогов и исполнением повинностей. В XV—XVI вв. термин “даруга” имел более широкое значение — правитель, управляющий, заведующий вообще, начальник над взиманием повинностей в пользу казны, губернатор (Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.:Л., 1950. С. 471).
- 37** Хаким — правитель города или области по назначению хана, отправлявший административные и судебные функции.
- 38** Нукер — монг., букв. друг. Воин, слуга. Термин, обозначавший свободного воина, обязавшегося служить своему вождю. У тюркских народов термином “нукер” обозначался “дружинник”, “военный слуга” (МИКХ. С. 500).
- 39** Аймак—равнозначный “омак”, “обак”, которые означают “племя”, “род”; то же и в мусульманских сочинениях XV—XVIII вв. (МИКХ.С.494).
- 40** Крым — остатки его находятся на месте современного города Старый Крым. Золотоордынское название города Крым известно по письменным источникам и чеканившимся в нем монетам. Генуэзцы называли город Солхат. Первые монеты, выпущенные в Крыму ханом Менгу-Тимуром, датируются 1267 г. К 60 гг. XIII в., относится и первое письменное упоминание о городе в арабских источниках, где сообщается, что он населен кыпчаками, аланами и русскими. Благодаря бурному расцвету генуэзской торговли и находившейся рядом Кафы, Крым быстро превращается в, крупный торговый и ремесленный центр (*Спасский*. Старый Крым (из путевых заметок) // Зап. Одесского общества истории и древностей, 1860. Т. 4, С. 86; СМИЗО. Т. 1. С. 25).
- 41** Каффы (Кафа) — средневековый город на южном побережье Крымского полуострова в древности, сейчас вновь Феодосия (первоначально милетская колония) (МИКХ. С. 503). Во второй половине XIV в. южный берег Крыма был занят генуэзскими городами-колониями, административным центром которых служила Кафа (Феодосия). До 60-х гг. XIII в. представлял собой небольшой поселок. В 1226 г. монголы разрешили генуэзцам основать свою торговую колонию, которая в XIV в. превратилась в административный центр всех генуэзских владений в Северном Причерноморье... Побывавший здесь в 30-х гг. XIV в. Ибн-Баттута сообщает, что город большой, особенно подчеркивая, что в гавани находилось “до 200 судов военных и грузовых, малых и больших (СМИЗО. Т. 1. С. 280). Отсюда вывозились в Западную Европу меха, кожи, шелка, дорогие ткани, восточные пряности, красители... Генуэзский город просуществовал до 1574 г., когда его захватили османы (*Егоров В. А. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв.* М., 1985. С. 89).
- 42** Кырк-Йер (Кырк-Ер, Чуфут-Кале) — остатки его в настоящее время известны под названием Чуфут-Кале и находятся неподалеку от Бахчисарая. На протяжении XIII в. город представлял собой автономное феодальное владение, полувластное от Золотой Орды. В 1299г. был разрушен войсками Ногая, после чего автономия его была ликвидирована, и он вошел в число золотоордынских городов полуострова. После возникновения Бахчисарая (XVI в.) Кырк-Йер окончательно потерял свое значение (*Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством османской Порты до начала XVIII в.* СПб., 1887. С. 120).
- 43** Улак—По предположению В. П. Юдина, слово *** написано так, что его нужно читать как Улак. Однако *харакат* при написании получает вначале утолщение, так что фатха становится похожей на замма. Но может быть здесь все-таки фатха, и нужно читать Авлак, т. е. Валах. См.: Текстологические примечания. Л. 41 а, строка 178.
- 44** Хаджи-Тархан (Ходжи-Тархан, Азтаракан) — остатками его является городище Шареный бугор, находящееся на правом берегу Волги, несколько выше Астрахани. В настоящее время городище почти полностью смыто Волгой, сохранилась лишь очень небольшая его часть. Время основания города неизвестно, однако в XIII в. он уже существовал. В XIII—XIV вв. Хаджи-Тархан (Астрахань) был крупным узлом транзитной торговли на караванном пути Восток-Запад (Егоров В. Л. Историческая география... С. 119).

45 Сары-Так (Сартак) (1256—1257 гг.) — Сартак, сын Бату-хана правил, вероятно, менее года. Бату, считавший себя вассалом великого хана Менгу, просил его утвердить своего старшего сына Сартака ханом Золотой Орды. После смерти Бату начались раздоры между Берке и Сартаком, причинами которых были притязания Берке на престол Бату, чем нарушалось завещание Бату-хана. Сторонникам Берке не удалось посадить его на трон, несмотря на то, что Сартак был убит. Когда стало известно о смерти Сартака, Менгу назначил ханом Золотой Орды не Берке, а сына Сартака — Улакчи (Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. С. 46—47).

46 Туган (Тукан, Тоган) — сын Саин-хана (СМИЗО. Т.) 2. С. 288).

47 Ширван — располагался между Дербентом и Курой, со столицей в Шемахе.

48 Берке-хан (Беркай, Барка) — сын Бату (Саин)-хана. По Босфорту, Берке-хан правил с 655/1257 г. (Босворт, Мусульманские династии. С. 203). Он был фактически вторым (после Бату, умершего в 1256 г.), а формально четвертым (после Сартака и Улагчи, умерших в 1257 г.) ханом Золотой Орды; вступил на престола 1257 г. (по монгольским и персидским источникам) или в 1258 г. (по данным русских летописей); умер в 1266 г. во время Кавказского похода против ильхана Абага-хана. Марко Поло часто вспоминает Берке, как и других золотоордынских ханов, “царей западных татар” (Книга Марко Поло / Пер. со старофранцузск. И. П. Минаева. М., 1956. С. 240). В 662/1263 г. Берке принял ислам. С принятием ислама в Золотой Орде получила большое распространение в Дашт-и Кыпчаке сравнительно высокая арабская культура. При переходе к новой религии монгольская аристократия прежде всего интересовалась политическими выгодами, поскольку новая религия способствовала усилению господствующих классов, и в первую очередь, власти самого хана. Особенно агрессивной была политика Берке по отношению к Хулагу, которая завершилась войной. Война между ханами Золотой Орды и Хулагуидами привела к сближению хана Берке с Мамлюкскими султанами в Египте. Союз с Египтом имел для ханов Золотой Орды большое значение: он способствовал установлению культурных и экономических связей между обоими государствами. (СМИЗО. Т. 1. С. 121).

49 Сыгнак — район северного и нижнего течения Сырдарьи с городами Отрар, Сайрам, Сыгнак, Джэнд составлял главную часть владений ханов Кок-Орды. Остатки Сыгнака находятся на правом берегу Сырдарьи у г. Яныкүрган Кызыл-Ординской области Республики Казахстан. Название города известно по письменным источникам и чеканившимся здесь в XIV в. монетам (*Якубовский А. Ю.* Развалины Сыгнака // Сообщ. Гос. академии истории материальной культуры. Л., 1929. Т. 2. С. 123—159.). Основан задолго до прихода монголов, которые разгромили его во время похода Чингизхана на государство Хорезмшахов. Возрождение Сыгнака относится к началу XIV в., когда сюда была перенесена столица Кок-Орды. Окончательное запустение города относится к XVIII в. (*Егоров В. Л.* Историческая география... С. 119, *Байпаков К. М., Ермакович Л. Б.* Древние города Казахстана, Алма-Ата. 1971. С. 164—165.)

50 Шайх ал-'алам Шайх Сайф ад-Дин Бахарзи (1190—1261 гг.) — знаменитый шейх, ученик Надж ад-Дина ал-Кубра, основателя суфийского братства *кубравийа*. Им основана ханака в Сокта-ри под Бухарой (община *кубравийа* при ней активно действовала до конца XVIII в., а ее члены распространили идеи ал-Кубра вплоть до западных границ Китая) (Ислам. Энциклопедический словарь. С. 140).

51 Наджм ад-Дин ал-Кубра, ШайхАбу-л-Джаннаб Ахмад ибн Умар (1145 —1221 гг.) — основатель суфийского братства *кубравийа*, известный персидский теоретик и практик суфизма, поэт. В 618/1221 г. погиб во время взятия монголами Гурганджа, который он защищал со своими учениками с оружием в руках. Его могила находится в поселке Куня-Ургенч. Ал-Кубра создал свою школу мистического пути познания. Он разработал 10 принципов—основ братства *кубравийа* и правила поведения мюрида. Свои взгляды изложил в ряде трактатов на арабском языке (*Бертельс Е. А.* Суфизм и суфийская литература. Избранные труды. М., 1965. Т. 3; *Ислам.* Энциклопедический словарь. С. 139).

52 Кара-Куль — район к западу от Бухары. Город-крепость, расположенный между Бухарой и Чарджоуем на Амударье. Сейчас — районный центр Бухарской области РУз.

53 Ургенч (Урганч, Куня-Ургенч) —древнейший город и крепость. Столица Хорезмшахов, один из старинных очагов среднеазиатской культуры. Город возник в 1246 г., когда население Куня-Ургенча (Старого Ургенча) в связи с безводьем было переселено на новое место вблизи от Хивы, новой столицы Хорезма. Развалины Ургенча (подробно описаны А. Ю. Якубовским) с дошедшими до наших дней памятниками Ургенча и его окрестностей — мавзолеем Наджм ад-Дина Кубра, мавзолеем Турабек-хатун, минарет Ургенчской мечети и т. д. (памятники эпохи Ибн Баттуты). Он доказывает, что минарет был построен при Кутлуг-Тимуре (*Якубовский А. Ю.* Развалины Ургенча // ИГАИМК, Т. 6. Вып. 2. Л., 1930. С. 68; *Ибрагимов Н.* Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии, М., 1988. С. 109).

54 Сарайчук (Сарайчик, Сараджик) находится на правом берегу р. Урала, у поселка Сарайчик в 60 км от г. Гурьева. Основан во второй половине XIII в. Окончательное его разрушение связано с нападением яицких казаков в 1580 г. Сарайчик был связан, с одной стороны, прямой дорогой со столицей Золотой Орды Сараем, с другой — с центром Хорезма — Ургенчем. В XV—XVI вв. это

- был важный торговый центр, куда приезжали иностранные и русские купцы, которые вели торговлю с народами Средней Азии.
- 55** Кулзумское море (Колзумское, Кульзумское) — Каспийское море.
- 56** Овечий альчик — выигрывание игры в бабки. По Э. В. Севортыню, альчик — это мелкая кость в скелете бараньей ноги. Вогнутая сторона игровой бабки является выигрышной (*Севортыня Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974. Т. 1. С.144—145*).
- 57** Туда-Менгу — сын Тугана, сына Бату. В 681 (11 апреля 1282— 31 марта 1283 г.) вступил на престол Сарайский после смерти его брата Менгу-Тимура. В 686 (16 февраля 1287—5 февраля 1288 г.) Туда-Менгу, царь Татарский в северных областях отрекся от царства (СМИЗО. Т. 1. С. 122).
- 58** Менгу-Тимур (1266—1281) — сын Тугана, сына Бату. При правлении хана Менгу-Тимура Золотая Орда, еще при хане Берке фактически ставшая независимым государством, свою независимость закрепила юридически. Менгу-Тимур был первым из ханов Золотой Орды, чеканивший монеты со своим именем. До нас дошли его монеты крымской чеканки 665/1266 гг. и болгарской чеканки 672/1273 г. с эпитетом “верховного” и “правосудного” хана. (*Сафаргалеев М. Г. Распад Золотой Орды. С. 52*).
- 59** Баскунчак — соленое озеро. Восточнее одного из них — Кабако (населенный пункт) — помещена надпись “соль”, что, скорее всего, соответствует находящемуся в этом районе соленому озеру “Баскунчак” (*Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. С. 133*).
- 60** Йаик — р. Яик, р. Урал.
- 61** Токтага, Токта—хан Золотой Орды (1290—1312 гг.). Его имя подается в формах Токтай, Токтайга, Тохта, Токтогу, сын Мунка-Тимура, сына Тукукана, 2-го сына Бату. “Он (Токта. — М. А.) был неверным (державшимся) религии поклонения идолам, любил уйгуров, т. е. лам и волшебников и оказывал им большой почет” (СМИЗО. Т. 1. С. 174). Ногай уничтожил в 1290 г. соправителей Алгуя Тогрылчу, Тола-Бугу и Кончака и посадил на трон Золотой Орды Токту.
- 62** Тогрул (Тогрылча, Тоглук, Тулича) — сын Мунг-Тимур-хана, родной брат Токтага (Тохта).
- 63** Келин-Баялин (Баялун) — византийская принцесса, жена Тогрылчи, затем Токты, затем Бачкыр Ток-Буги и наконец Узбек-хана. По “Чингиз-наме”, она была матерью Узбека. Обращает на себя внимание тот факт, что Узбек, по сообщениям арабских источников, чтобы жениться на Баялун, должен был получить специальное разрешение мусульманских законоучителей, и оно было якобы дано только потому, что его отец был неверным и брак отца Узбека с Баялун был признан незаконным. Между тем, другие ханы Золотой Орды женились на мачехах по левирату без какого-либо вмешательства мусульманских законоучителей. Факт, естественно,стораживающий. По другим источникам, Баялун не была матерью Узбека.
- 64** Уруг или Урук—имеет значение “семья, потомок, род”. Термин в памятниках XV—XVII вв. употреблялся в значении более узком, чем “аймак” или “омак”, и обозначал объединение кровных родственников во главе с патриархом или лицом почему-либо игравшим в объединении главенствующую роль (МИКХ. С. 497).
- 65** Туман (Тюмен) — административная единица (феодалное владение), поставляющая тумен войска. Некоторые исследователи считают этот термин в данном случае племенным названием. По-видимому, это не так. Употребление его в восточных сочинениях говорит за то, что это, скорее, социальный термин, и его обычное значение—десять тысяч, воинское соединение в 10 000 чел., район, который мог выставить или содержать 10000 воинов (МИКХ. С. 494).
- 66** Ток-Буга (Тула-Бука) (1287—1291 гг.)—Джучид, сын Тукукана, сына Бату-хана
- 67** Уйгур — одно из крупных племен Дашт-и Кыпчака; уйгуры ушли с Мухаммад Шайбани-ханом в Мавераннахр, позднее расселились в Хорезме.
- 68** Кыйат Исатай-бек — могущественный временщик Золотой Орды из племени кыйат, посадивший, по сообщению Кадыр-Али-бий ибн Хушум-бий джалаира, на трон Узбек-хана и возглавлявший в его время, по сообщению Утемиша-хаджи, особый отряд Джучидов. Его потомки пользовались большим политическим влиянием в Восточном Дашт-и Кыпчаке и иногда сосредоточивали в своих руках всю полноту власти (МИКХ. С. 493). Кыйат Иса-гуркен, или Иса-курэкан, т. е. Иса-ханский зять, и Иса-Коркоз, т. е. Иса-Одноглазый; был женат на Иткуджуд-жук, дочери Узбек-хана (СМИЗО. Т. 1. С. 294). Один из главных вельмож и фаворитов-временщиков Узбека основал линию биев племени кыйат в левом крыле Золотой-Орды, которая после смерти Бердибек-хана (1359 г.) даже узурпировала власть на Сырдарье. Его потомки пользовались широкой известностью в Восточном Дашт-и Кыпчаке и много времени спустя после смерти Узбек-хана (умер в 1341 г.). Например, Бузанджар-бий кыйат действовал в конце XV— начале XVI вв. Был также тестем Узбека — его дочь Ордуга была женой хана (СМИЗО. Т. 1. С. 295), другая дочь Исатая была замужем за Сиджут Алатаем (СМИЗО. Т. 1. Там же).
- 69** Мулазим — араб. *** буквально означает “постоянно находящийся при ком-либо, состоящий на службе, в свите, низший служитель или чиновник, исполняющий различные поручения при крупном должностном лице” (МИКХ. С. 488).
- 70** Танур — особая печь с круглым устьем для выпечки лепешек.

71 Баба-Туклас—Баба-Тукти Шашты-Эзиз (Баба-Туклас— *** букв. волосатый прадед). Легендарный покровитель батыров, в ряде преданий—мифический родоначальник племени мангыт, слывет среди казахов святым (Казахский фольклор в собрании Г. Н. Потанина. Алма-Ата, 1972). По “Сборнику летописей” Кадыр-Али-бий джалаири, Баба-Туклас является сыном Керемет Азиза *** Чудодейственного Азиза. По другому источнику, Баба-Туклас-Азиз — потомок Абу-бекра в пятнадцатом колене, государь в Мекке(*Хальфин*, Жизнь Чингис-хана и Тимура. Казань, 1822; *Потанин Г. Н.* Отрывки из киргизского сказания об Идыге (из записей Ч. Валиханова)// *Живая старина*. 1891. Вып. 4. С. 156—158).

72 Джанибек — золотоордынский хан, сын Узбек-хана.

73 Тулубай (Туглы-бий, Тавлубий, Тувлубий)—один из наиболее влиятельных эмиров времени правления Джанибек-хана. Составители “Аноним Искандара” и Никоновской летописи приписывают организацию заговора против Джанибек-хана Тулубаю. Его имя несколько раз фигурирует в русских летописях в числе послов Узбека при переговорах с русскими князьями (*Сафаргалиев М.* Распад Золотой Орды. С. 108—109).

74 Ак-Куль — небольшое озеро на северо-востоке от современного г. Ташауза (Туркмения), озеро, в которое впадает река Желаншик (Джиланчи) (МИКХ. С. 543, 546).

75 Кара-Ногай (Ногай) — сын Мангутая. Другим его именем было Алп-Атгучу-бахадур, т. е. Великий-стрелок-богатырь.

76 Ундакчи—посыльный.

77 Намаз-и шам — четвертая за день обязательная для мусульман молитва, совершаемая после наступления сумерек.

78 Казаки — как считал В. П. Юдин, слово “казак” появляется в источниках только в послемонгольское время в XIII в. Оно применяется к человеку, отделившемуся от своего государства, племени или рода и принужденному вести жизнь искателя приключений. В тюркских языках слово дало несколько производных: “казак”—“казак”, *казаклык кылмак* — “казаковать, вести образ жизни казака”, *казакламак* — также “казаковать, вести образ жизни казака”. Одним из наиболее ярких свидетельств исходного значения слова казак является известное сообщение Мирза Мухаммад Хайдар доглата о присвоении части узбеков, откочевавших вместе с Гиреем и Джанибеком из Дашт-и Кыпчака в Семиречье, прозвища *казак*, которое стало затем их народным именем (*Юдин В. П.* К этимологии этнонима *казах (казак)* (Рукопись).

79 Базарчи — новый хан Золотой Орды, посаженный на трон Тайдулой. Отдел Танкута, сына Йоджи-хана. У Танкута было два сына. Их имена—Токуз и Судай. У Токуза было три сына. Их имена—Калмутай, Арслан, Боалкы. И из их потомства Тубай, Базарчи-хан... и сын Базарчи-хана—Тимур-Малик (МИКХ. С. 38).

80 Узбеки— в XIV и XV столетиях название *узбеки* употреблялось как собирательное, политическое имя для обозначения местных тюркских и тюркизированных монгольских племен Восточного Дашт-и Кыпчака, а не как этноним (История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Алма-Ата. Т. 2. 1979. С. 177.; *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков. М., 1965. С. 11—16; *Гафуров Б. Г.* Таджики: Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972. С. 547—548).

81 Бурут (Мурат, Амурат) — в “Новом Сарае” и “Белад Гюлистане” он чеканил монеты с 762 г. до 764 г. хиджры, который кончался 10 октября 1362/1363 г. История борьбы за власть в Сарае между Муратом и Абдуллахом подробно отражена в русских летописях. Эта борьба, начавшаяся в 1361 г., продолжалась и в 1362 г. Имя Мурата исчезает со страниц русских летописей с 1363 г. (*Сафаргалиев М.* Распад Золотой Орды. С. 123—125).

82 Туркестан (Яссы, Иассы) — город и вилайет. В конце XIV в. город стал ареной борьбы между Токтамышем и Тимуром. В XVI в. город получил название Туркестан и играл видную роль в истории казахских ханств.

83 Туглы-Тимур — о Туглы-Тимуре мы знаем, что он был ханом, но в известных источниках он отождествлялся с могулистанским ханом Чагатаидом Туглук-Тимуром. В разъяснении, которое дал Утемиш-хаджи к имени Туглы-Тимура на основании имевшегося на руках у хивинского Шайбанида Дост-султана дафтара, т. е. письменного источника, говорится: “Этот Туглы-Тимур стал великим государем. Он повелевал Самаркандом и Бухарой”. Следовательно, даftar также отождествляет Туглы-Тимура “Чингиз-наме” с могулистанским ханом Туглук-Тимуром. Между тем рассказ из “Чингиз-наме”, являющийся разделом из степной историологии, не сообщает ничего о связях Туглы-Тимура и Туглук-Тимура могулистанского (*Юдин В. П.* Орды... С. 156—157).

84 Барин — другие варианты этнонима — “байри, барым, бахрим, багрин, баарин”. Известное тюрко-монгольское племя, подразделения которого оказались разбросанными по улусу Чагатая. Иль барин отмечен в составе могулов Могулистана для времени Улуг-бека (Та’рих-и Рашиди, Рук. ИВ АН РУз. В 648. С. 395). После смерти Вайсхана они вместе с чорасами ушли к ойратам ама-санчи тайши, но затем опять появляются среди могульских племен. В качестве самостоятельного аймака они упоминаются даже в сер. XVII в. на территории Кашгарии (*Шах Махмуд чорас*. Та’рих,

л. 74а, 84а; Юдин В. П. О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахским и другими соседними народами, // Изв. АН КазССР, ООН, 1965. Вып. 3. С. 55).

85 Аргун — племя, в период правления Абу Саида перекочевавшее из бассейна Сырдарьи в Мавераннахр. Ополчение даштских аргунцев участвовало и во взятии Герата Абу Саидом в 862 г. х. (1457—58). Представители племени Аргун упоминаются также среди сановников Тимурида Ахмад-мирзы (Таварих-и гузидаи нусрат-наме. Рукопись ИВ РАН. С. 745; Султанов Т. И. Кочевые племена Приаралья. С. 11).

86 Джалал ад-Дин, султан (Зелени-султан) — сын Тохтамыш-хана. Трижды провозглашали его ханом, последний раз в 814 (1411— 1412 г.) // СМАЗО. Т. 1. С. 473; Т. 2. С. 139—193. В Никоновской летописи под 1412 г. записано, что Зелени-султан был убит братом Керим-Берди, а под 1413 г. в той же летописи говорится, что той же осенью стал ханом Керим-Берди (Полное собрание русских летописей. Т. 11. С. 221).

87 Кан-бий (Каан-бий, Каган-бий, Коганбай) — сын Илфак-хана, сохранились монеты Каган-бек-хана, чеканенные в Сарае в 777 г. / 1375—1376 г., Кан-бай (Каан-бай)—известен по источникам также под именем *** *Кэри-хан*, т. е. “Супротивный хан”, “Поперечный хан” {Насонов А. Н. Монголы и Русь. М.Л., 1940. С. 133.}.

88 Хутба — представляет из себя своего рода поучение, которое начинается провозглашением единства Аллаха и призывом к благословию пророка и его семейству; затем следует моление за царствующего повелителя правоверных и в заключение нравственное поучение с цитатами из Корана и изречений Мухаммада стр.158 (*Мухаммед Юсуф Мунши. Муким-ханская история. С. 239. Прим. 34.*).

89 Джатба — *** особый жанр песни.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

До настоящего времени источниковедение средневековой истории Казахстана разработано крайне слабо. Этому весьма важному вопросу до сих пор не посвящено ни одного монографического исследования, в котором давалась бы научная оценка большому комплексу источников. Все еще заметно отставание в изучении и публикации письменных памятников, рассредоточенных по многим собраниям рукописей страны и зарубежных стран. Без них, без содержащегося в них богатого фактического материала невозможно исследовать вопросы социально-экономических отношений, этнические процессы, идеологию, культуру. Основная задача источниковедения истории — прежде всего выявление, систематизация и критическое изучение письменных памятников, умение извлекать из них наиболее полный и важный для научного исследования материал. Под понятие востоковедный (письменный) памятник истории и культуры подпадают не только соответствующие памятники, находящиеся на территории Казахстана и созданные народами Казахстана, но и аналогичные памятники, находящиеся за ее пределами и созданные другими народами, в случае, если они имеют существенное значение для изучения истории культуры Казахстана.

Одной из основных в истории Казахстана является проблема историко-культурных традиций казахского народа, изучение ранних этапов его истории, монгольского и послемонгольского периодов, в том числе этнической, политической, социально-экономической истории, культурного наследия казахов. Эта проблема предусматривает, в первую очередь, публикации письменных восточных сочинений, трудов мыслителей прошлого.

Настоящее издание посвящено важной, и актуальной теме — истории Казахстана XIV в. Это тюркоязычное историческое сочинение Утемиш-хаджи бен Маулана Мухаммада Дости из Хорезма, переведенное и исследованное известным казахстанским востоковедом В. П. Юдиным.

В. П. Юдин сразу оценил своеобразие этого сочинения, его особое место среди других. Исследуя «Чингиз-наме», он поднял большой пласт свежего исторического материала, некоторые неизученные вопросы событийной истории, хронологии, генеалогии и культуры казахов. [221]

В исследовательскую часть включены четыре работы В. П. Юдина. Каждая из них посвящена определенным вопросам политической истории, материальной культуры, в них поднимаются и новые проблемы истории средневекового Казахстана. Большое значение имеет авторская интерпретация, что важно для понимания источника.

В этих работах, на наш взгляд, самым ценным является то, что в них ставятся вопросы прикладного и теоретического источниковедения, впервые сформулировано положение о степной

устной историологии и принадлежности «Чингиз-наме», как и ряда других источников, к тем письменным памятникам, которые являются ее носителями, хранителями. Они основаны на устной историографической традиции насельников Дашт-и Кыпчака и важны для реконструкции истории, культуры Казахстана, поскольку написаны на тюркском языке, отразившем язык насельников Казахстана. Дальнейшая разработка проблем, поднятых В. П. Юдиным, существенно важна для проникновения в сущность исторического процесса в Казахстане.

Безусловно, публикация рукописи Утемиша-хаджи «Чингиз-наме» в оригинальном тексте, ее транскрипции, перевода, посвященных ей статей В. П. Юдина представляет собой крупный вклад в источниковедение средневековой истории Казахстана.

Вениамин Петрович Юдин (1928—1983 гг.) много сделал для развития казахстанского востоковедения. Это был талантливый ученый-востоковед, историк, филолог, большой знаток персо-и тюркоязычных рукописей, исследователь и педагог.

В. П. Юдин родился 1 февраля 1928 г. в Волгограде. Свою научно-педагогическую деятельность начал как уйгуровед в 1950 г. после окончания Московского института востоковедения им. Н. Нариманова, где был оставлен для прохождения аспирантуры по уйгурской филологии (под руководством известного тюрколога проф. В. М. Насилова) и преподавания уйгурского языка.

В 1955 г. В. П. Юдин был приглашен на работу в КазПИ им. Абая в связи с открытием там уйгурского отделения, студентам которого он читал на уйгурском языке курсы по древней и классической уйгурской литературе, фольклору и языку (1955—1961 гг.).

Со времени приезда в Алма-Ату научные интересы В. П. Юдина неразрывно связаны с изучением истории Казахстана на основе сведений восточных источников, чем он и занимался до конца своих дней—и в годы работы) в Институте истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР (1960—1970 гг.), и будучи преподавателем кафедры истории Казахской ССР исторического факультета КазГУ (1970—1976 гг.), и позднее, перейдя на работу в Отдел уйгуроведения Института языкознания АН КазССР. Наряду с казахстанской тематикой В. П. Юдин плодотворно исследовал в историческом и филологическом плане богатейшее рукописное наследие уйгурского народа. В. П. Юдину принадлежит свыше 80 научных публикаций — это работы на русском, уйгурском и казахском языках, некоторые из них вышли за рубежом в английском переводе. [222]

Особое место занимает изданный в 1969 г. под руководством и при непосредственном участии В. П. Юдина капитальный труд — «Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений)», где им осуществлены сверка и общая редакция всех переводов, перевод извлечений из 10 источников, написаны комментарии к ним, а также 17 источниковедческих статей по всем источникам, вошедшим в МИКХ. В этих статьях ученому удалось решить широкий круг вопросов историко-источниковедческого характера.

Особого упоминания заслуживает предлагаемая им классификация источников, учитывающая социально-политическую ориентацию их авторов, зависимость источников по содержанию и т. д. В. П. Юдин установил, что первым годом достоверного упоминания в источниках казахских жузов можно назвать 1616 г., а не 1731 г., как считалось ранее. «Материалы» заложили прочную научную основу для углубленного изучения комплекса проблем истории Казахстана соответствующего периода. Выход в свет этой книги стал ценным вкладом в развитие востоковедения.

Большой интерес представляют статьи В. П. Юдина, посвященные анализу малоизученных и ранее не привлекавшихся для изучения истории Казахстана и Восточного Туркестана рукописей: «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи (XVI в.), «Та'рих-и Шайбани» (начало XVII в.), «Зийа' ал-кулуб» Мухалемад Аваза (начало XVII в.) и др.

Признание специалистов получила работа В. П. Юдина «О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахским и другими соседними народами» (Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук, 1965, № 3). В ней предпринята попытка нетрадиционного освещения вопроса о государстве Могулия как отличном от Могулистана в этническом, территориальном и хронологическом отношениях государственном образовании и о могульском этническом компоненте, принявшем участие в сложении казахского, уйгурского и киргизского народов.

В. П. Юдину принадлежит исследование об исторических корнях одной из распространенных уйгурских народных сказок (1961 г.). В. П. Юдин — один из составителей и ответственных редакторов антологии уйгурской классической литературы XI—XIX вв. «Эхо веков» (1963, на уйг. яз.). В 1969 г. он издал сборник поэм уйгурского поэта XIX в. Абдурехима Низари (на уйг. яз.). При его участии были изданы «Хрестоматия по уйгурской литературе» для IX класса средней школы (1963, 1966, на уйг. яз.) и «Русско-уйгурский словарь» (М., 1956). В. П. Юдин — специальный редактор «Уйгурско-русского словаря» (Алма-Ата, 1961) и монографии Г. С. Садвакасова «Язык уйгуров Ферганской долины» (Алма-Ата, 1970).

Глубокий исследовательский характер носят рецензии В. П. Юдина на описания уйгурских рукописей А. М. Мугинова и Ю. Мухлисова, на исследования по истории Казахстана и Средней Азии Б. А. Ахмедова и С. Г. Кляшторного. В рецензии на работу последнего В. П. Юдин внес [223] отдельные уточнения в переводы древнетюркских рунических памятников (в честь Тоньюкука и Кюль-тегина), выполненные ранее С. Е. Маловым. Статьи В. П. Юдина публиковались в Советской Исторической и Казахской Советской Энциклопедиях.

В. П. Юдин принимал активное участие в обсуждении и рецензировании научных работ своих коллег. Он обладал большим научным авторитетом среди востоковедов страны. К нему часто обращались за консультациями, В. П. Юдин участвовал в определении принципов составления многотомного «Научного описания казахских рукописей», издаваемого Институтом литературы и искусства им. М. О. Ауэзова АН Казахстана с 1975 г.

С самого начала научной деятельности В. П. Юдин обратил на себя внимание не только глубиной знаний, широтой эрудиции, но и способностью творчески решать те или иные вопросы, научные проблемы, и зачастую его подходы не совпадали с общеустоявшимися представлениями. Поднимаемые В. П. Юдиным вопросы способствовали дальнейшей разработке теоретических востоковедных проблем, новых концепций. Вениамин Петрович много размышлял над вопросами философии истории и методологии исторических исследований, об исторической перспективе, ценности письменных источников и т. п. Он придавал большое значение проблемам источниковедения, сравнительно-текстологическому анализу восточных письменных памятников средневековья, их классификации по идейно-политическим и текстологическим особенностям. Этим источниковедческим вопросам был посвящен спецкурс «Персо-и тюркоязычные Источники по истории Казахстана XV—XVIII вв.», разработанный и прочитанный им на историческом факультете КазГУ в 70-х гг.

В. П. Юдин много сделал для подготовки молодых специалистов по истории Казахстана. Он стремился пробудить у студентов интерес к истории казахского народа, к изучению восточных рукописей. Большой популярностью на факультете пользовался руководимый им научный студенческий кружок «Востоковед», на котором Вениамин Петрович вел занятия персидского языка.

Велики заслуги Вениамина Петровича Юдина в деле подготовки востоковедческих научных кадров. Многие его ученики успешно работают в избранной области. Говоря о школе В. П. Юдина, необходимо отметить, что здесь имеется в виду не только разработанное им научное направление в источниковедении, но и его научное кредо, его стиль работы, мировоззрение ученого, комплекс методов формирования творческой личности.

В. П. Юдина волновал вопрос о будущем востоковедной науки вообще и о путях развития казахстанского востоковедения в частности. Он принадлежал к числу тех историков-востоковедов, которые обладали глубинными познаниями в сфере всемирной истории и литературы и умело использовали их для изучения сложнейших вопросов истории Востока.

Развитию востоковедения и в том числе источниковедения в Казахстане способствовала работа В. П. Юдина, проводимая в Обществе [224] охраны памятников истории и культуры. По его инициативе была учреждена Постоянная востоковедная археографическая экспедиция и разработана программа маршрутов в различные центры рукописохранилищ. Результатами экспедиций явились новые архивные материалы (г. Омск, Оренбург, Томск и др.), а также выявление и приобретение восточных рукописей по истории Казахстана в республике и за ее пределами. Собранные материалы представляют собой уникальные источники по истории и культуре Казахстана. Общественная деятельность В. П. Юдина также была подчинена цели изучения и популяризации востоковедных памятников по истории и культуре Казахстана.

До последних дней жизни Вениамин Петрович был полон творческих замыслов. Его последние публикации содержат в себе большой научный потенциал, отмечаются высоким профессионализмом, глубиной мыслей, точностью наблюдений — качествами, которые были присущи ему всегда.

Многое из того, что сделал В. П. Юдин, не было опубликовано при его жизни. Это переводы источников, исследования по истории казахского и уйгурского народов и по другим вопросам.

Издание «Чингиз-наме» представляет большой научный интерес для научных работников, студенчества, интеллигенции и широкого круга читателей. Подобная публикация восточных сочинений поможет разрешить важную задачу пополнения источниковой базы исследований истории и культуры Казахстана.

Р. Б. СУЛЕЙМЕНОВ академик АН РК

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АВПР — Архив внешней политика России
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, г. Санкт-Петербург
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества
Зап. РГО — Записки Русского географического общества
ЗООИД — Записки Одесского Общества истории и древностей
ИВ АН СССР — Институт востоковедения АН России
ИВ АН УзССР — Институт востоковедения АН РУа. им. Беруни
ИЗ — Исторические записки
КВР — Каталог восточных рукописей Академии наук Таджикской ССР
ЛО ИВ АН СССР — Санкт-Петербургское отделение Института востоковедения АН России
МИК — Материалы по истории каракалпаков
МИКХ — Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков
МИТТ — Материалы по истории туркмен и Туркмении
МИТУСА — Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии
МИУТТ — Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР
ПС — Палестинский сборник
ПТКЛА — Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии, Ташкент
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
ПП и ПИКНВ — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока
СВ — Советское востоковедение
СА — Советская археология
СВР — Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР
СМИЗО. Т. 1 и 2 — *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды
СЭ — Советская этнография

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Абдураимов М. А.* Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI—перв. пол. XIX в. Ташкент. 1966, Т. 1; 1970, Т. 2.
2. *Абусеитова М. Х.* О ташкентском и ленинградском списках «Мусаххир ал-билад» // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М.» 1977.
3. *Абусеитова М. Х.* «Мусаххир ал-билад» Мухаммад-йар бен Араб Катагана как источник по истории Казахстана XVI века // Письменные памятники Востока: история, филология. М., 1979.
4. *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей я сведения об их численности // Живая старина. Год шестой. СПб., 1896. Вып. 3—4.
5. *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков. М., 1965.
6. *Бабур-наме: Записки Бабура.* Ташкент, 1958.
7. *Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Древние города Казахстана. Алма-Ата, 1971.
8. *Бартольд В. В.* Очерк истории туркменского народа // Соч.: В 9 т. М., 1963. Т. 1. Ч. 1.
9. *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч.: В 9 т. М., 1963. Т. 1.
10. *Бартольд В. В.* Гиссар (Хисар). Соч.: В 9 т. М., 1965. Т. 3.
11. *Бартольд В. В.* Отчет о командировке в Туркестан (летом 1902) // Соч.: В 9 т. М., 1973. Т. 8.
12. *Баллад Ф. В.* Старый и Новый Сарай, столица Золотой Орды. Казань, 1923.

13. *Бахр ал-асрар фи* манакиб ал- ахайар, рук. ИВ АН РУз., инв. № 5.
14. *Бертельс Е. А.* Суфизм и суфийская литература. Избранные труды. М., 1965. Т. 3.
15. *Богатова Г. А.* Золотая Орда // Русская речь. 1970. № 1.
16. *Босворт К. Г.* Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии / Пер. с англ. и прим. П. А. Грязневича. Под ред. И. П. Петрушевского М., 1971.
17. *Бравин Н., Беляев И.* Указатель племенных имен к статье Н. А. Аристова «Заметки об этническом составе тюркских племен и сведения о их численности» // Записки император. Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1903. Т. 28. Вып. 2.
18. *Будагов Л. З.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий с включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык. // Составил Лазар Будагов. СПб., 1869. Т. 1. СПб., 1871. Т. II. М., 1960.
19. *Валидов А. З.* Восточные рукописи в Ферганской области // ЗВОРАО Пг, 1915. Т. 22. Ч. 2—4.
20. *Веселовский А. И.* Хан из темников Золотой Орды. Ногай и его время. Пг., 1922.
21. *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. Л., 1938.
22. *Востров В. В., Муканов М. С.* Родоплеменной состав и расселение казахов: (конец XIX—начало XX в.). Алма-Ата, 1968.
23. *Вяткин. М.* Очерки по истории Казахской ССР. М., 1941. Т. I.
24. *Гафуров Б. Г.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М¹⁹⁷².
25. *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л¹⁹⁵⁰.
26. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956.
27. *Древнетюркский словарь.* Л., 1969.
28. *Егоров В. Л.* Причины возникновения городов у монголов в XIII—XIV вв // История СССР. 1969. № 4.
29. *Егоров В. Л.* Государственное и административное устройство Золотой Орды // Вопросы истории. 1972. № 2.
30. *Егоров В. Л.* Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М., 1980.
31. *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М., 1985.
32. *Juvaini Ala-ad-Din Ata Malik.* The history of the World Conqueror, transl. from the text of Mirza Muhammad Qazvini by John Andrew Boyle. Manchester University Press. 1958. V. 2.
33. *Зуев О. А.* Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков: Автореф. дис.... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1967.
34. *Зуев Ю. А.* Историческая проекция казахских генеалогических преданий // Казахстан в эпоху феодализма: (Проблемы этнополитической истории). Алма-Ата, 1981.
35. *Ибрагимов Н.* Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М., 1988.
36. *Иванов П. П.* Очерки по истории Средней Азии. М., 1958.
37. *Ислам.* Краткий справочник. М., 1983.
38. *Ислам.* Энциклопедический словарь. М., 1991.
39. *История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней: В 5 т.* Алма-Ата, 1979. Т. 2.
40. *Кадыр-Али-бий джалаир.* Джамии ат-таварих. Рук. Восточного отдела Научной библиотеки Казанского университета, шифр Т. 40.
41. *Казахский фольклор в собрании Г. Н. Потанина.* Алма-Ата, 1972.
- 41а. *Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках: (Сборник документов и материалов).* Алма-Ата, 1961.
42. *[Каль Е.]* Персидские, арабские и тюркские рукописи Туркестанской публичной библиотеки. Ташкент, 1989.
43. *Kafali Mustafa.* Altin Orda Hanliginin kurulus ve yukselis devirleri. Istanbul. 1976. 7. 169b. (Istanbul Universitesi Edebiyat Fakultesi yayin N 2085)
44. *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические надписи как источник для истории Средней Азии. М., 1964.
45. *Книга Большому чертежу.* М.; Л., 1950.
46. *Книга Марко Поло / Пер. со старофранцуз. И. П.; Минаева.* Редакция и вступит, статья И. П. Могидовича. М., 1956.
47. *Книга моего деда Коркута: Огузский героический эпос / Пер. акад. В. В. Бартольда М.: Л.. 1962.*
48. *Козин С. А.* Сокровенное сказание. М.; Л., 1941.
49. *Кононов А. Н.* Родословная туркмен: Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М.; Л., 1958.
50. *Коран.* Пер. и коммент. И. Ю. Крачковского М., 1963.
51. *Левшин А.* Описание киргиз - казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1932. Ч. I.
52. *Лан Пуль Стэнли.* Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями. // Пер. с англ. с примечаниями и дополнениями В. В. Бартольда. СПб., 1899.
53. *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. М.; Л., 1951.
54. *Малов С. Е.* Енисейская письменность тюрков. М.; Л., 195).
55. *Массэ А.* Ислам. Очерки истории // Пер. с франц. М., 1961.

56. Материалы по истории русско - монгольских отношений: Русско-монгольские отношения. 1607—1636. М., 1959.
57. Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков: (Извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Составители: С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин. Алма-Ата, 1969.
58. Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973. Вып. 1.
59. *Мингулов Н. Н.* К некоторым вопросам изучения истории Ак-Орды // Казахстан в эпоху феодализма: (Проблемы этнополитической истории). Алма-Ата, 1981.
60. *Митрошкина А. Г.* Термин «Золотая Орда» // Труды Иркутского гос. ун-та им. А. А. Жданова. Т. 65. Вып. 4. Сер. языкознание. Иркутск, 1968.
61. *Муинов А. М.* Описание уйгурских рукописей Института народов Азии АН СССР. М., 1962. // Рец. на кн. В. П. Юдина. Изд. АН КазССР.) Сер. обществ. наук. 1965. Вып. 2.
62. *Муканов М. С.* Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата, 1974.
63. *Мухаммад Хайдар Доглат.* Тарих-и Рашиди. Рук. ИВ АН РУз., инв. № 1430.
64. *Мухаммад Юсуф Мунши.* Муким - ханская история / Пер. с тадж., предисловие, примечания и указатели А. А. Семенова. Ташкент, 1956.
65. *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. М.; Л., 1940.
66. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1960.
67. *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV — нач. XVI вв.: (Вопросы политической и социально-экономической истории). Алма-Ата, 1977.
68. Полное собрание русских летописей. СПб., 1830. Т. XI. 1
69. *Потанин Г. Н.* Отрывки из киргизского сказания о Идыге (Из записей Ч. Валиханова) // Живая старина, 1891. Вып. IV.
70. *Преображенский А. Г.* Этимологический словарь русского языка. М., 1958.
71. *Радлов В. В.* К вопросу об уйгурах. СПб., 1893.
72. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. М.; Л., 1960. Т. 2.
73. *Савельев Г. С.* Монеты джучидов, джагатаидов, джалаиридов, образовавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша. СПб., 1818. Вып. 1. .
74. *Сафаргалиев М. Г.* Ногайская Орда во второй половине XVI века // Сборник научных работ. Мордовский гос. пед. ин-т им. А. И. Полежаева. Саранск, 1949.
75. *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды // Уч. записки Мордовского ун-та. Саранск. 1960. Вып. 2.
- 76—77. *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974.. Т. 1.
78. *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887. .
79. Собрание восточных рукописей Академии наук УзССР. Ташкент, 1952, Т. 1.
80. *Спасский.* Старый Крым (из путевых заметок) // Зап. Одесского общества истории и древностей. 1860. Т. 4.
81. *Стори Ч. А.* Персидская литература. Библиографический обзор: В. 3 ч. / Пер. с англ., переработал и дополнил Ю. Э. Брегель. М.) 1972. Ч. 2.
82. *Султанов Т. И.* О терминах Ак - Орда, Кок-Орда и Йуз-Орда // Изв. АН КазССР. Сер. общ. 1972, № 3.
83. *Султанов Т. И.* О времени образования казахских жузов // Письменные памятники и истории культуры народов Востока. М., 1975. Т. 1.
84. *Султанов Т. И.* Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв. Вопросы этнической и социальной истории М., 1982.
85. *Сухайла.* Имамкули-хан-наме. Рук. ИВ АН РУз. № 89.
86. Таварих-и гузида — Нусрат-наме. // Исследование, критический текст аннотирование, оглавление и таблица сводных оглавлений А. М. Акрамова-Ташкент, 1967.
87. *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. Т. 1; извлечения из персидских сочинений. М.; Л., 1941. Т. 2.
88. *Усманов М. А.* Татарские исторические источники XVII—XVIII вв. // Сборник летописей. Каз. ун-т. 1972.
89. *Устюгов Н. В.* Научное наследие: Экономическое развитие, классовая борьба и культура в Русском государстве в XVII в. Народы Средней Азии и Приуралья в XIII—XVIII вв. М., 1974.
90. Устюжский летописный свод: (Архангелогородский летописец) М.; Л. 1950.
91. *Утемиш-хаджи ибн Маулана Мухаммад Дост.* Чингиз-наме. Рук. ИВ АН РУз., № 1552. ;
92. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1971. Т. 3.
93. *Федоров-Давыдов Г. А.* Раскопки нового Сарая в 1959—1960 гг. // С. А., 1964. № 1.
94. *Федоров-Давыдов Г. А.* «Аноним Искандера» и термин «Ак-Орда» и «Кок-Орда» // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
95. *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
96. *Хальфин.* Жизнь Чингиз-хана и Тимура. Казань, 1822.

97. *Хондамир*. Хабиб ас-сийар. Бомбей, 1857. Т. III. Ч. 1.
98. *Чехович О. Д.* Новый источник по истории Бухары начала XIV века. // Проблемы востоковедения. М., 1959.
99. *Чулошнаков А. П.* Очерки по истории казах-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Оренбург, 1924. Ч. I.
100. *Шах-Махмуд Чорас*. Хроника / Критический текст, перевод, комментарии и указатели О. Ф. Акимушкина. М., 1976.
101. *Шихаб ад-Дин Абдаллах Ширази*. Тарих-и Вассаф, рук. ИВ АН, РУз., инв. № 1603.
103. *Юдин В. П.* О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулин и их этнических связях с казахскими и другими соседними народами // Изв. АН КазССР, Сер. общ. наук, 1965. Вып. 2.
104. *Юдин В. П.* «Тарих-и Шайбани» как источник по истории казахского и каракалпакского народов XVI—XVII вв. // Тезисы докладов научной конференции профессорско - преподавательского состава КазГУ. Алма-Ата, 1971.
105. *Юдин В. П.* Об «узурпации» власти в Казахстане во 2-ой половине XIV в. беком племени кыйат левого крыла Золотой Орды Тенгиз-Бугой // Материалы итоговой конференции профессорско - преподавательского состава. Алма-Ата: изд-во КазГУ, 1974.
106. *Юдин В. П.* Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1983.
107. *Юдин В. П.* «Та'рих-и Шайбани» как источник по истории казахского и каракалпакского народов // Вопросы историографии и источниковедения Казахстана (дореволюционный период). Алма-Ата, 1988.
108. *Юдин В. П.* К этимологии этнонима казах (казак). Рукопись.
109. *Якубовский А. Ю.* Развалины Сыгнака (Сугнака) // Сообщения ИГАИМК. Л., 1929. Т. 2.
110. *Якубовский А. Ю.* Развалины Ургенча // ИГАИМК, Т. 6. Вып. 2. Л., 1930. 11). *Якубовский А. Ю.* Феодализм на Востоке: Столица Золотой Орды Сарай-Берке. Л., 1932.